

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

Факультет политологии
Кафедра истории социально-политических учений

На правах рукописи

**Болдин
Владимир Алексеевич**

**ЭВОЛЮЦИЯ ПАНСЛАВИСТСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ
В НАЧАЛЕ XX ВЕКА
(на примере журнала «Славянский век», 1900–1904)**

23.00.01 – теория и философия политики, история и методология политической науки

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
д.п.н., проф. Ширинянц А.А.

Москва

2018

Содержание

Введение	3-14
Раздел I. Сущность и происхождение панславизма.....	15-28
Раздел II. Модели панславизма у западных и южных славян: австрославизм и югославизм	28-38
Раздел III. Появление и становление панславизма в России.....	39-56
Раздел IV. Политическая программа журнала «Славянский век».....	56-72
Раздел V. Политико-текстологический анализ содержания журнала «Славянский век».....	72-92
Раздел VI. Круг журнала «Славянский век» и его влияние на формирование «нового славянского мировоззрения».....	92-113
Заключение	114-119
Литература.....	119-142
Приложение	143-167
I. Опись журнала «Славянский век» (1900–1904 гг.)	

Введение

Актуальность темы исследования. «Славянский вопрос» был и остается одним из ключевых при определении политической повестки дня в Европе. Это обусловлено историко-культурным, политическим и этноконфессиональным многообразием и разнородностью славянского мира.

Славяне являются одной из крупнейших этноязыковых общностей в Европе, имеющих древнюю и богатую историю взаимодействия как друг с другом, так и с другими народами. Все это не могло не сказаться на том, что многие политические и общественные процессы, происходившие в славянском мире, имели непосредственное влияние и на европейский, и на мировой политический процесс в целом. Так было во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг., Первой (1914–1918 гг.) и Второй (1939–1945 гг.) мировых войн, так было после распада Чехословакии (1989–1993 гг.) и Югославии (1991–2008 гг.), то же самое мы наблюдаем и сейчас, из-за событий на Украине.

Вопрос объединения и консолидации такой мощной с точки зрения исторических, духовных и социальных ресурсов силы как славянство давно занимает умы представителей интеллигенции славянских народов. Такой интерес обусловил появление идей «славянской взаимности», «славянской солидарности», «всеславянства», которые заложили основы целостного и многогранного идейно-теоретического комплекса — панславизма, которая имеет своих последователей и в наши дни.

Актуальность такой работы обусловлена не только важностью изучения крупных идеологических комплексов, каковым является панславизм, но и тем, что большинство исследований, посвященных данной проблематике, ограничивались временными рамками XIX в., чем и обусловлено наличие теоретических лакун в изучении дальнейшего развития панславизма в начале XX в. Кроме того, панславизм практически не анализировался и не рассматривался с точки зрения политико-текстологического подхода, позволяющего комплексно взглянуть на проблемы формирования и трансформаций идейно-теоретических построений панславистов. До сих пор панславистские издания, такие, как журнал «Славянский Век» (1900–1904) не рассматривались в нашей историко-политологической литературе не только как источник в контексте изучения социально-политической мысли, но и как предмет исследования, позволяющий лучше понять социально-политические процессы эпохи, а также трансформации, которые происходили в панславизме в начале XX в.

Характеристика источников и степень разработанности проблемы. Основным источником, используемым в данной работе, стал журнал «Славянский век», издававшийся в Вене под редакцией Д.Н. Вергуна с 1900 по 1904 год. Журнал выходил дважды в месяц, и за годы его существования в свет вышло 92 номера¹. На тот момент это был единственный независимый панславистский печатный орган, на страницах которого развернулись дискуссии между представителями основных идейных течений внутри славянского движения.

Что касается историографии вопроса, то нужно отметить, что многое для исследования истории идей и практики панславизма сделали отечественные и зарубежные историки-слависты.

В дореволюционной историографии вопроса несколько особняком стоят исследования известного русского слависта А.Н. Пыпина, в которых он впервые попытался взглянуть на панславизм, развивавшийся в XIX в., комплексно, с различных сторон².

Среди современных работ общего плана об истории славянского движения в XIX в. следует выделить труд выдающегося отечественного историка В.А. Дьякова³, в котором автор рассматривает отражение славянской проблематики в деятельности русского «освободительного движения» XIX в. Также необходимо упомянуть работы профессора Московского университета имени М.В. Ломоносова Л.П. Лаптевой, которая внесла значительный вклад в систематизацию знаний об идеологии и истории славянского движения⁴.

В ряду работ зарубежных авторов, посвященных истории панславизма в XIX в. выделяется исследование Х.-С. Джонг, раскрывающее особенности панславизма в России первой половины XIX века⁵. Можно отметить также монографии венгерского автора К. Шандора, исследовавшего панславизм в контексте взаимоотношений между венграми и славянами в Австро-Венгрии, и сербского ученого Е. Милойковича-Джурича, рассмотревшего панславизм через призму выстраивания национальной идентичности балканских народов⁶. Интересная попытка осмысления русского панславизма была предпринята исследователем из Словакии М. Неврли⁷. Следует также упомянуть и книгу американского историка Л. Снайдера, в которой он определяет панс-

¹ Полную опись журнала «Славянский век» см.: *Болдин В.А.* Панславистские политические концепции: генезис и эволюция / Под ред А.А. Ширинянца. М. С. 223-253.

² *Пыпин А.Н.* Вопрос о национальности и панславизм // *Современник*. 1864. № 1. С. 185–214; № 2. С. 479–510; № 3. С. 81–113; *Он же.* Давность славянской идеи в русском обществе // *Вестник Европы*. 1878. № 5. С. 283–316; *Он же.* Литературный панславизм // *Вестник Европы*. 1879. Т. III (LXXVII), Кн. 6. С. 591–633; Т. IV (LXXVIII), Кн. 8. С. 711–748; Кн. 9. С. 307–335; *Он же.* Русская наука и национальный вопрос в XVIII в. // *Вестник Европы*. 1884. Т. III. С. 212–256; С. 548–600; Т. IV. С. 72–116; *Он же.* Панславизм в прошлом и настоящем. СПб., 1913.

³ *Дьяков В.А.* Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М., 1993.

⁴ *Лаптева Л.П.* История славяноведения в России в конце XIX — первой трети XX в. М., 2012; *Она же.* К вопросу об основных этапах развития отечественного славяноведения (1835–1885) // *Вопросы историографии и истории зарубежного славянства*. М., 1987. С. 13–18. и др.

⁵ *Джонг Х.-С.* Идея славянской интеграции в российской общественной мысли первой половины XIX века. М., 1995.

⁶ *Sandor K.* Pan-Slavism / Edited by A.F. Atzel. Astor Park: DanubianPress, 1981; *Milojkovic-Djuric J.* Pan-Slavism and National Identity in the Balkans, 1830–1880. N.Y.: East European Monographs, 1994.

⁷ *Nevrly M.* Russian Pan-Slavism. Reality and fiction // *Historicky casopis*. 2003. Vol. 51, Iss. 2. P. 348–350.

лавизм как одно из проявлений макронационализма в Европе⁸.

Отдельного внимания заслуживают статьи и монографии отечественных исследователей: М.Ю. Досталь, Б.Ф. Егорова, Э.Г. Лаврика, Э.Г. Соловьева, В.Э. Багдасаряна, А.В. Репникова, М.А. Маслина, Н.В. Асонова, А.В. Щипкова, а также диссертационные исследования Е.В. Масланова и М.В. Атякшева⁹. В них авторами освещены различные вопросы истории славянского движения в России, затронуты проблемы философских и идейных оснований панславизма.

Необходимо сказать и о работах, посвященных отдельным направлениям панславизма. Это исследования: о славянофилах — Н.И. Цимбаева¹⁰, о проявлениях панславизма у западных и южных славян — З.С.Ненашевой, В.И. Фрейдзона, С.А. Романенко, А.А. Григорьевой, И.И. Лециловской¹¹, а также диссертационные исследования Г.В. Рокиной, О.А. Французовой, Р.Загора¹². Кроме того, значительный интерес представляет недавнее исследование О.В. Павленко, посвященное различным классификациям панславизма¹³. Среди зарубежных работ, посвященных модификациям панславизма, следует упомянуть статью канадского политолога Л. Коэна, затрагивающую вопросы влияния панславизма на Балканском полуострове¹⁴. Во всех перечисленных работах авторы, преимущественно историки, рассматривают особые формы панславизма, существовавшие в большинстве своем за пределами России, их характерные особенности и черты.

Среди работ о теоретиках, идеологах и лидерах панславизма выделяются диссертационные исследования М.Ф. Гилязова, С.С. Лабанова, А.В. Мыриковой, Е.В. Линьковой, Е.Б. Фурсовой, Д.А. Иванникова, К.В.Рясенцева, А.В. Черных, О.В. Саприкиной, О.А. Фомичевой, в которых рассмотрены панславистские воззрения Р.А. Фадеева (1824–1883), Ф.И. Тютчева (1803–

⁸ Snyder L.L. Encyclopedia of Nationalism. N.Y., 1990.

⁹ Масланов Е.В. Формирование социального идеала в творчестве ранних славянофилов и К.Н. Леонтьева: сравнительный анализ: дис. ... канд. филос. наук. Нижний Новгород, 2011; Атякшев М.В. Идея христианской общности в позднем славянофильстве: И.С. Аксаков, Н.Н. Страхов, П.Е. Астафьев, Л.А. Тихомиров: дис. ... канд. филос. наук. М., 2013.

¹⁰ Цимбаев Н. И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX в. М., 2013.

¹¹ Ненашева З.С. Идеино-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX вв.: Чехи, словаки и неославизм, 1898–1914. М., 1984; Фрейдзон В.И. Борьба хорватского народа за национальную свободу: Подъем освободительного движения в 1859–1873 гг. История, идеология, политические партии. М., 1970, и др.; Романенко С.А. Югославия, Россия и «славянская идея»: Вторая половина 19 – начало 21 века. М., 2002; Григорьева А.А. Внешняя политика Австро-Венгрии на Балканах и панславизм (60-е гг. XIX – начало XX вв.) // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2011. № 7(54). С. 187–193, и др.; Лециловская И.И. Концепция славянской общности в конце XVIII – XIX века // Вопросы истории. 1976. № 12. С. 75–92, и др.

¹² Рокина Г.В. Теория славянской взаимности в истории словацко-русских научных и культурных связей XIX века: дис. ... д-ра ист. наук. Йошкар-Ола, 2005; Французова О.А. Политический панславизм и идеи всеславянства в Чехии в первой половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук. М., 2005; Загора Роман. Идеолог словацкого национального возрождения Людовит Штур и представители российских общественных и научных кругов в 1830-х – первой половине 1850-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011.

¹³ Павленко О.В. Панславизм и его модели // Новая и новейшая история. 2016. № 5. С. 3–15.

¹⁴ Cohen L. Russian and the Balkans — pan-slavism, partnership and power // International journal. 1994. Vol. 49, Iss. 4. P. 814–845.

1873), И.С. Аксакова (1823–1886), М.П. Погодина (1800–1875), А.Ф. Гильфердинга (1831–1872), В.И. Ламанского (1833–1914), А.С. Будиловича (1846–1908) и др.¹⁵ Одной из немногих политологических работ, затрагивающих панславизм в XX в., стало диссертационное исследование М.К. Ковтуненко, посвященное политической концепции одного из теоретиков панславизма И.И. Дусинского (1879–1919)¹⁶. Теоретикам и идеологам панславизма посвящены также монографии и статьи А.В. Репникова¹⁷, М.А. Маслина¹⁸, Е.Н. Моцелкова¹⁹, И.А. Козикова²⁰, О.В. Кузнецова²¹, В.В. Самодуровой²², А.А. Тесли²³, С.И. Бажова²⁴, С.Г. Суляка²⁵.

Для понимания процессов институционализации панславистского движения не менее важны и работы о конкретных панславистских органах. Одной из первых таких работ стало исследование советского историка С.А. Никитина, который на основе многочисленных архивных данных рассмотрел историю возникновения славянских комитетов, их цели и направления деятельно-

¹⁵ *Гильзов М.Ф.* Политические идеи и проекты Р.А. Фадеева (1824–1884): автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2002; *Лабанов С.С.* Политическая философия Ф.И. Тютчева: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2001; *Мыркова А.В.* Политические идеи Ф.И. Тютчева: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2003; *Линькова Е.В.* Национально-консервативная идея в творческом наследии Ф.И. Тютчева: автореф. дис. ... канд. историч. наук. М., 2008; *Фурсова Е.Б.* Политические принципы консерватизма в творчестве И.С. Аксакова (1823–1886): автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2006; *Иванников Д.А.* Общественно-политические взгляды и деятельность М.П. Погодина: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005; *Рясенцев К.В.* Политический консерватизм М.П. Погодина (1800–1875): автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2007; *Черных А.В.* Общественно-политическая и научная деятельность А.Ф. Гильфердинга: 1831–1872: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2012; *Саприкина О.В.* Академик В.И. Ламанский (1833–1914): научное наследие и общественная деятельность: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2004; *Фомичева О.А.* Деятельность А.С. Будиловича (1846–1908) в национальных регионах Российской Империи: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013.

¹⁶ *Ковтуненко М.К.* Концепция политического панславизма И.И. Дусинского: дис. ... канд. полит. наук. М., 2015.

¹⁷ *Репников А.В.* Консервативные модели российской государственности. М., 2014; Репников А.В. Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX веков). М., 2006; *Он же.* Консервативные концепции переустройства России. М., 2007; *Он же.* Данилевский Н.Я. // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: Энциклопедия. М., 2005. С. 133–135; *Он же.* Аксаков Николай Петрович // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: Энциклопедия. М., 2010. С. 28–30; *Он же.* Дусинский Иван Иванович // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: Энциклопедия. М., 2010. С. 167–170; *Он же.* Борцы за славянское единство // «Перспективы». http://www.perspektivy.info/book/borcy_za_slavyanskoe_edinstvo_2007_7_31_26_31.htm (август, 2018); *Он же.* «Позднее славянофильство» С.Ф. Шарапова // Гуманитарный вестник. 2012. № 3. С. 109–124; и др.

¹⁸ *Маслин М. А.* Разноликость и единство русской философии. СПб., 2017; *Он же.* Идея славянской взаимности в творчестве Ф.И. Тютчева // Три лика Тютчева: дипломат, поэт, мыслитель. К 200-летию со дня рождения. М.; Ростов н / Д., 2004. С. 331–337; *Он же.* Иван Киреевский и русская философия // Иван Киреевский. Духовный путь в русской мысли XIX–XXI веков (К 200-летию со дня рождения). М., 2007. С. 103–112; и др.

¹⁹ *Моцелков Е. Н., Гильзов М.Ф.* Р.А. Фадеев — консервативный политический философ XIX в.: мысли о России и Западе // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2002. № 1. С. 106–118; *Моцелков Е.Н.* Фадеев Ростислав Андреевич // Русская социально-политическая мысль X – начала XX века. Антология: Учебное пособие. В 5 т. Т. 4. М., 2006. С. 248–259.

²⁰ *Козиков И.А.* Российские естествоиспытатели о славянах // Славяне. 2017. № 2 (7). С. 46–49; *Он же.* Российские естествоиспытатели о славянах (М.В. Ломоносов, Д.И. Менделеев, В.И. Вернадский) // Вестник Российской нации. 2009. № 3. С. 49–65.

²¹ *Кузнецов О.В.* Р.А. Фадеев — генерал и публицист. Волгоград, 1998.

²² *Самодурова В.В.* Геополитический изгой: жизнь и смерть И.И. Дусинского (1879–1919) // Вісник Одеського національного університету. 2013. Т. 18. Вип. 2. С. 9–18.

²³ *Тесля А.А.* Последний из «отцов». Биография Ивана Аксакова. СПб., 2015.

²⁴ *Бажов С.И.* Философия истории Н.Я. Данилевского. М., 1997.

²⁵ *Суляк С.Г.* А.С. Будилович и Карпатская Русь // Русин. 2017. № 2 (48). С. 166–181; *Он же.* Борец за единство Русского народа // Библиотека журнала «Русин». 2017. № 1 (6). С. 5–13.

сти²⁶. Деятельности славянских комитетов посвящена статья турецкого исследователя А. Гольсвен, предлагающая необычный ракурс освещения данной тематики²⁷. Комплексные исследования этого вопроса проводит Институт славяноведения РАН — ведущая научная структура в нашей стране, занимающаяся изучением славянского мира²⁸. Под эгидой этого института с 1965 г. шесть раз в год выходит журнал «Славяноведение» (до 1998 г. «Советское славяноведение»), а с 1997 г. — ежегодник «Славянский альманах», в котором рассматриваются различные проблемы славистики и истории славянских народов.

Переходя к обзору историографии работ, посвященных панславизму начала XX в., нельзя не упомянуть о монографии чехословацкого ученого Й. Колейки, исследовавшего различные аспекты теории и практики славянского движения в это время²⁹. Также необходимо несколько слов сказать о работе немецкоязычного исследователя проблем национализма Г. Кона, который во второй и третьей частях своей фундаментальной работы «Славянство и Запад. История панславизма» (немецкий вариант)³⁰ или «Панславизм. Его история и идеология» (англоязычный аналог)³¹ дает собственную оценку развитию движения панславизма в конце XIX – первой половине XX века. Характерной чертой данной работы является негативная трактовка русского панславизма как «националистического» и «шовинистического» движения. Среди отечественных работ следует выделить статью З.С. Ненашевой, опубликованную в журнале «Родина», в которой рассматриваются причины зарождения и угасания движения «неославизма» в начале XX в.³². Интересной представляется также статья К.Б. Егоровой, посвященная идее «славянской взаимности» в концепции Томаша Масарика (1850–1937), первого президента Чехословакии³³.

В рамках историко-политологического подхода к исследованию идеологии и практики панславизма работают сегодня А.А. Шириняц и А.В. Мырикова³⁴. Также следует отметить работы А.Д.

²⁶ Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 1858–1876 гг. М., 1960.

²⁷ Gulseven A.Y. Rethinking Russian pan-Slavism in the Ottoman Balkans: NP Ignatiev and the Slavic Benevolent Committee (1856–77) // Middle Eastern studies. Vol. 53, Iss. 3. P. 332–348.

²⁸ Первый всеславянский съезд в России, его причины и значение. М., 1867; Славянские съезды XIX–XX вв. М., 1994; Славянское движение XIX–XX вв.: съезды, конгрессы совещания, манифесты, обращения. М., 1998; Славянская идея: История и современность. М., 1998, и др.

²⁹ Колейка Й. Славянские программы и идея славянской солидарности в XIX и XX веках. Прага, 1961.

³⁰ Kohn H. Die Slawen und der Westen. Die Geschichte des Pan-Slavismus. Wien, 1957.

³¹ Kohn H. Pan-Slavism. Its History and Ideology. 2 ed. N.Y., 1960.

³² Ненашева З.С. Братья славяне. Расцвет и увядание неославизма // Родина. 2006. № 4. С. 60–63. Ненашева, а вслед за ней ряд авторов (См.: Вишняков Я.В. «Подальше от нашего порога». Съезд славянских журналистов в Белграде 1911 года // Родина. 2011. №8. С.137–138; Сквозняков А.Н. Македония в конце XIX–начале XX века — яблоко раздора на Балканах. Самара, 2010. С. 42; и др.) в своих работах утверждают о «разрыве» традиции панславизма XIX и начала XX вв.

³³ Егорова К.Б. Т.Г. Масарик: от «русского вопроса» к «Русской акции» // К истории идей на Западе: «Русская идея». СПб., 2010. С. 339–357.

³⁴ Шириняц А.А., Мырикова А.В. Введение к исследованию истории и идеологии панславизма XIX века. М., 2010; Они же. Русофобский миф на «панславизма» // Политически исследования. Българска ассоциация за политически науки. София. Брой 1–2. 2010. С. 85–110, и др.

Гудкова и А.А. Ширинянца, позволившие систематизировать социально-политическое наследие крупного ученого-слависта В.И. Ламанского (1833–1914) и составить четкое представление о его политической концепции³⁵. Здесь же нужно отметить вклад в изучение проблематики панславизма XIX – начала XX века Б.А. Прокудина, в работах которого дается характеристика предпосылок формирования панславизма, классификация его направлений, а также освещены основные социально-политические взгляды его теоретиков и идеологов³⁶. В 2007 г. им была защищена кандидатская диссертация, в которой представлена характеристика генезиса и развития панславизма в России, а в 2018 г. в Издательстве Московского университета вышла монография, обобщающая многолетние исследования автора по славянской тематике³⁷.

Среди диссертационных работ последнего десятилетия выделяется исследование А.А. Григорьевой, посвященное анализу панславизма как общественно-политического и конфессионально-культурного движения в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в 40-е гг. XIX – начале XX вв.³⁸. В нем рассмотрены основные интерпретации «всеславянства» с точки зрения его теоретиков и идеологов: Я. Коллара, Л. Штура, Ф. Палацкого, Н.И. Костомарова, Н.Я. Данилевского, В.И. Ламанского, Р. Дмовского и др., а также даны авторские трактовки движения панславистов. Можно также отметить диссертационную работу А.А. Поповкина, посвященную Славянским благотворительным обществам в Москве и Санкт-Петербурге³⁹. В ней автор, используя исторический подход, дает обширный обзор деятельности славянских комитетов на протяжении длительного времени, а также описывает роль этих комитетов в общественной и культурной жизни страны.

Определенный интерес для нашего исследования представляет книга Е.Г. Костриковой, посвященная изучению славянского вопроса в начале XX в. через призму геополитических интересов России⁴⁰, а также статья А.М. Дронова, в которой автор предпринимает попытку определить роль политического панславизма в современной России⁴¹.

³⁵ Ширинянец А.А., Гудков А.Д. Политическая мысль России. Творческие портреты: Владимир Иванович Ламанский // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2001. № 1. С. 94–119, Ширинянец А. Ламанский // Энциклопедија Руске Философије. Logos Beograd; Ваќка Palanka, 2009. С. 392–393, и др.

³⁶ Прокудин Б.А. Славянский федерализм в мировоззрении А.И. Герцена и М.А. Бакунина // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2006. № 6. С. 76–85; Он же. Исторические и геополитические идеи В.И. Ламанского // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2013. № 2. С. 117–127, и др.

³⁷ Прокудин Б.А. Идея славянского единства в политической мысли России XIX века: генезис, основные направления и этапы развития: дис ... канд. полит. наук. М., 2007; Он же. Панславизм в истории политики и мысли России XIX века. М., 2018.

³⁸ Григорьева А.А. Панславизм: идеология и политика: 40-е годы XIX – начало XX вв.: дис...канд. ист. наук. Иркутск, 2010.

³⁹ Поповкин А.А. Славянские благотворительные общества в Москве и Санкт-Петербурге: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2013.

⁴⁰ Кострикова Е.Г. Геополитические интересы России и славянский вопрос: Идеиная борьба в российском обществе в начале XX века. М., 2017.

⁴¹ Дронов А.М. Политический панславизм в современной России // Гуманитарные основания социального прогресса

Таким образом, даже краткий историографический обзор показывает, что в литературе о панславизме в основном преобладают работы историков, а для комплексного политологического исследования этой темы заложены лишь основные предпосылки. Кроме того, отсутствие компаративных работ, рассматривающих панславизм в начале XX в., создает научные лакуны и методологические неточности, которые видны в отечественной и зарубежной науке. Данное обстоятельство определило выбор цели и задач настоящей работы.

Объект, предмет, цель и задачи диссертационного исследования.

Объектом данного исследования является идейно-теоретический комплекс панславизма, *предметом* — идейная эволюция панславистских политических концепций в начале XX в.

Основная *цель* диссертационного исследования состоит в анализе эволюции панславистских политических концепций в начале XX в. на примере журнала «Славянский век» (1900-1904).

Для достижения этой цели, необходимо было решить следующие *задачи*:

- описать сущность и происхождение панславизма;
- сравнить модели панславизма у западных и южных славян;
- исследовать появление и становление панславизма в России;
- проанализировать политическую программу журнала «Славянский век» в качестве примера эволюции панславизма в начале XX в.;
- провести политико-текстологический анализ содержания журнала «Славянский век»;
- определить «круг» журнала «Славянский век» и показать его влияние на формирование «нового славянского мировоззрения».

Решение этих задач предполагало выявление и классификацию главных видов панславистских концепций в России и славянских странах, анализ их содержания, рассмотрение трудов теоретиков и идеологов панславизма, а также обобщенную характеристику социально-исторических и политических условий развертывания идей славянского единства в России и славянских странах. Кроме того, для преодоления актуальных научных противоречий необходимо было расширить существующие классификации панславизма с учетом вновь появившихся данных. Главное внимание в исследовании сосредоточено на журнале «Славянский век» и «круге» авторов, который сложился вокруг него. Это обусловлено тем, что из-за цензурных запретов в России журнал «Славянский век», издававшийся в Вене, был единственной независимой площадкой, где развернулись важные дискуссии о судьбах славянства и о славянской идее, которые предопределили дальнейшие трансформации внутри панславизма. После революции 1905-1907 гг. и снятия цензурных запретов, в России начинают появляться новые славянские издания. Однако в данном ис-

следовании их анализ сознательно опускается, поскольку, так или иначе, темы и основные векторы дискуссий, поднимаемых на их страницах, были predetermined задолго до этого на страницах журнала «Славянский век».

Хронологические рамки исследования охватывают период с конца XIX в., когда после Берлинского конгресса (1878 г.) наметился спад популярности панславизма, до начала XX в., когда в 1904 г. единственный независимый «всеславянский орган» — журнал «Славянский век» прекратил свое существование.

Методологическая основа и эмпирическая база исследования. Диссертационное исследование выполнено на основе историко-политологического подхода, конкретно-исторического и политико-текстологического анализа. Эмпирическая база исследования представлена, во-первых, статьями и материалами журнала «Славянский век», во-вторых, теоретическими трудами русских и славянских мыслителей, внесших вклад в развитие панславизма. В-третьих, в основу диссертационного исследования были положены теоретико-методологические разработки представителей научной школы исследования панславизма, сложившейся на факультете политологии МГУ имени М.В. Ломоносова (А.А. Ширинянец, И.А. Козиков, Д.В. Ермашов, А.В. Мырикова, Б.А. Прокудин, Е.Б. Фурсова, К.В. Рясенцев, М.К. Ковтуненко и др.).

Научная новизна исследования. Диссертационное исследование является одной из первых работ в отечественной политической науке, в которой проведен комплексный анализ панславизма и показана его эволюция в начале XX в. Ряд положений и выводов диссертации содержит научную новизну:

- Показан генезис и становление теории и идеологии панславизма, обобщены существующие в отечественной и зарубежной науке подходы к определению его сущности, проведен сравнительный анализ моделей панславизма западных и южных славян, а также в России. Обоснован вывод о том, что все они имели как общие, так и исключительно специфические черты, часто преследовали разные политические цели. Создание панидеологий у западных и южных славян (австророславизм и югославизм) было продиктовано экономическим и политическим отставанием славянских народов, лишившихся своей государственности. Тенденции мадьяризации, германизации и итальянизации (в случае хорватов) представлялись славянским деятелям реальной угрозой. В данном историческом контексте создание панидеологий становится идеологическим ответом на угрозы, идеей, способной объединить и консолидировать разрозненное славянство.

- Определена специфика русского панславизма, которая обуславливалась тем, что Россия, в отличие от других славянских территорий, занимала особое политическое положение в мире. Обладая огромными ресурсами, собственной государственной традицией, богатой историей, самобытной философией, Россия создала уникальный синтез западного панславизма и собственных

общественно-политических традиций. К тому же, геополитическое положение России в мире оказывало влияние и на формирование панславизма в самой стране. Русские теоретики и идеологи панславизма попросту не мыслили категориями своих западных коллег. А особые представления о роли и месте русского народа, уходящие корнями в отечественную духовно-политическую мысль, не могли не отразиться и на представлениях о месте России в деле объединения славян.

- Установлено, что, несмотря на то, что идеи панславизма порой использовались для обоснования особого места России в мире, ее претензий на ведущую роль в международной политике и геополитические приобретения, панславизм никогда не лежал в основе внешнеполитического курса государства, а использовался лишь как сиюминутное политическое орудие. Поэтому говорить о его «официальном» характере или о нем как главном инструменте влияния России, так называемой «мягкой силе» — значит упрощать его роль и место в истории. Панславизм всегда был идеей интеллигенции, общественных деятелей, журналистов и философов, но никак не чиновников и политиков. Но не стоит забывать, что представления о «всеславянстве» в политическом сознании российской интеллигенции имели различный характер. В этом-то и раскрывается специфика русского панславизма, как многообразного и идейно богатого направления русской социально-политической мысли.

- Обоснован вывод о причинах сущностных трансформаций в идейно-теоретических комплексах панславистов в начале XX в. Показано, что основным фактором, обусловившим эволюцию взглядов русских панславистов, стало бурное развитие капиталистических отношений. Экономический сдвиг требовал новых идейно-теоретических обоснований. Поиск новых рынков сбыта подталкивал русских предпринимателей, промышленников и банкиров обратить взгляд на славянские земли. В свою очередь, зарождающаяся буржуазия славянских стран, традиционно проигрывавшая конкуренцию немецким производителям, пыталась занять свое место на мировом рынке в новой экономической ситуации, и была заинтересована в развитии торговых отношений с Россией. Основным отличием и идейным посылом русского панславизма в начале XX в. становится поиск путей экономической интеграции славянских территорий.

- Определена значимость журнала «Славянский век» в контексте истории панславизма. Данный печатный орган ранее не исследовался в историографии как самостоятельный источник по изучению социально-политической мысли, хотя именно этот журнал демонстрирует основные направления идейной эволюции взглядов панславистов в начале XX в. Политико-текстологический анализ программных статей журнала «Славянский век» позволил показать некорректность утверждений некоторых отечественных авторов (Вишняков Я.В., Ненашева З.С., Сквозняков А.Н. и др.) о концептуальном разрыве нового поколения панславистов со сложившейся традицией русского панславизма и охарактеризовать эволюцию панславистских полити-

ческих концепций в начале XX в. как закономерный процесс, обусловленный объективными социально-экономическими и историческими изменениями.

- Для преодоления сложившейся в отечественной науке дихотомии «панславизм-неославизм» существующие классификации русского панславизма («культурный», «политический» и т.д.) дополняются новым термином — «культурно-экономический панславизм». Именно таковым панславизм и был в начале XX в. Данный термин представляется наиболее корректным, так как, с одной стороны, подчеркивает преемственность линии русского культурного панславизма, а с другой, выделяет и его основное отличие — преобладание экономической проблематики.

- В результате сравнительного анализа произведений писателей и публицистов, сотрудничавших с журналом «Славянский век» и называвших себя «неославянофилами», выделены следующие отличительные черты панславизма в начале XX в.: 1) отказ от признания конфессионального фактора как главного в деле объединения славян; 2) пересмотр ведущей роли России в процессе интеграции славянских земель; 3) отказ от славянофильской идеи противопоставления «Востока» и «Запада», «России» и «Европы»; 4) особое внимание к культурной и экономической интеграции как будущей основе для объединения славян на равноправных федеративных началах (культурно-экономический панславизм); 5) готовность идти на политические компромиссы для решения славянских проблем. Таким образом, рассмотрение деятельности журнала «Славянский век» позволяет отнести его к русскому «культурно-экономическому панславизму».

- Определен «круг» журнала «Славянский век», в который входили журналисты, ученые, политики и общественные деятели из разных славянских стран, что позволяет говорить о том, что дискуссии о сущности славянской идеи, которые велись на страницах «Славянского века», были характерны не только для России, а панславизм в начале XX в. переживал свой расцвет во всех славянских странах. Кроме того, изучение дискуссий, развернувшихся на страницах журнала, позволило сделать вывод о том, что в среде теоретиков русского панславизма в начале XX в. можно выделить либеральную (И.В. Каменский, Г.А. Ильинский, Р.Г. Пржевальский) и консервативную (В.Н. Кораблев, А.А. Башмаков) части.

- В научный оборот введен корпус не известных ранее источников, и, прежде всего, ряд работ теоретиков панславизма (В.И. Ламанского, Г.А. Ильинского, И.В. Каменского, Д.Н. Вергуна и др.), которые были опубликованы на страницах журнала «Славянский век». Ряд работ исследуется впервые, некоторые впервые рассматриваются с точки зрения политико-текстологического подхода, который позволяет не только проследить основные векторы эволюции панславизма, но и показать его развитие через призму исторического контекста, во взаимном влиянии текстов на политику и политики на тексты.

- Впервые составлена опись всех номеров журнала «Славянский век». Проведен контент-анализ содержания журнала, что позволило выявить не только основные смысловые концепты, но и показать, как менялись основные темы, освещаемые панславистами. Результаты количественного подсчета статей, посвященных экономической тематике, позволяют достоверно утверждать, что вопросы экономической интеграции становятся ключевыми в идейно-теоретических построениях панславистов.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Панславизм как политическая теория и идеология появился вне пределов России в начале XIX века, когда у западных и южных славян сформировались уникальные идейно-теоретические комплексы — австрославизм и югославизм, ставшие реакцией на существующие политические вызовы. Панславизм, выросший из общего литературного корня, отличавшийся сначала легализмом и ориентацией на официальные власти империи Габсбургов, в дальнейшем эволюционировал от культурных целей и задач к политическим требованиям, что привело к появлению радикальных националистических интеграционных идеологий.

2. Панславизм в России возник позже, чем в других славянских странах. Однако в силу особого геополитического положения России в мире, особенностей исторического развития русского государства и отражавшей их отечественной социально-политической мысли, русский панславизм приобрел уникальные черты и получил всестороннюю теоретическую разработку. Кроме того, панславизм в России никогда не носил официального характера.

3. Журнал «Славянский век» стал независимым всеславянским органом, на страницах которого проходили основные дискуссии между представителями разных идейных течений внутри панславизма. Политическая программа журнала «Славянский век», оформившаяся к 1903 г., иллюстрирует главный вектор идейной эволюции взглядов панславистов в начале XX в. — переход от вопросов культурной и политической интеграции, к проблемам интеграции экономической.

4. Изучение творчества круга авторов, сформировавшегося вокруг журнала «Славянский век» позволяет разделить русских панславистов того времени на либеральных и консервативных. В дальнейшем этот раскол послужил одной из причин неудачи институционализации славянского движения после проведения двух славянских конгрессов в Праге (1908 г.) и Софии (1910 г.).

Теоретическая и практическая значимость исследования. Диссертационное исследование вносит вклад в изучение истории и практики панславизма начала XX в., так как большинство существующих исследовательских работ по панславизму ограничивается рамками 80-х гг. XIX в., а их авторы не совсем верно предполагают, что после Берлинского конгресса (1878 г.) славянская идея потеряла свое значение.

О теоретической важности обращения к журналу «Славянский век» свидетельствует и то, что в 2015–2016 гг. ученые Томского государственного университета получили Грант Правительства РФ в рамках проекта «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности», а также поддержку от фонда им. Д.И. Менделеева ТГУ для исследования русинского вопроса на страницах журнала «Славянский век». Признание журнала «Славянский век» в качестве ценного источника по истории русинов лишний раз подтверждает важность изучения этого издания и в рамках политической науки.

Материал, положения и выводы диссертации могут быть использованы как в преподавании общих и специальных учебных курсов политологии, истории социально-политических учений, политической текстологии, так и в деятельности организаций и учреждений политической сферы.

Апробация работы. Результаты исследования использовались при разработке и проведении семинарских занятий по истории социально-политических учений для студентов факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Основные положения работы нашли отражение в 30 публикациях автора, в том числе в 5 статьях, опубликованных в научных журналах, входящих в перечень Аттестационной комиссии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, а также выступлениях на научных конференциях: Международном молодежном научном форуме «Ломоносов» (2014; 2015; 2016; 2017; 2018); Международной конференции молодых ученых и специалистов «КЛИО. Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени» (2014; 2015; 2016; 2017); Международной научной конференции «Политика в текстах — тексты в политике: наука истории идей и учений» (2015); Международной научной конференции «Политическая текстология как наука и учебная дисциплина: проблемы становления» (2017); Всероссийской научной конференции «Этнополитика в современной России: актуальные проблемы и решения» (2018); Круглом столе «Актуальные проблемы исследования истории социально-политических учений и политической текстологии» (2018), Международной конференции «Политическое образование в современной России и в мире» (2018), Всероссийской научной конференции с международным участием «Славянский мир в условиях современных вызовов» (2018) и др. Результаты исследований автора обобщены в монографии «Панславистские политические концепции: генезис и эволюция» (2018).

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова 31 августа 2018 года (Протокол заседания кафедры № 1 от 31.08. 2018 г.).

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, шести разделов, заключения, списка литературы и приложения.

Раздел I. Сущность и происхождение панславизма⁴²

В работе панславизм понимается как одна из наднациональных интеграционных идеологий⁴³, а в качестве рабочего используется определение панславизма как идейно-теоретического комплекса, данное А.А. Шириняцем: «Идейно-теоретический комплекс панславизма включал разнообразные доктрины, теории, концепции и идеи, во главу угла которых была поставлена задача взаимного сотрудничества и единства действий в культурном и/или политиче-

⁴² При написании данного раздела диссертации использованы результаты научных работ, выполненных автором лично и опубликованных ранее: *Болдин В. А.* Идейные корни формирования нового славянского мировоззрения в начале XX в. // Вестник Российской нации. 2017. № 2. С. 256–263; *Болдин В. А.* Рупор нового славянского мировоззрения: журнал Славянский век (1900–1904 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2017. № 1. <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/789>

⁴³ В данном исследовании «панславизм» понимается как одна из наднациональных интеграционных идеологий («пан-идеологий», «пан-идей»), наряду с панэллинизмом, иллиризмом, пангерманизмом, югославизмом, панисламизмом и т.д. Термин «панидеологии» происходит от древнегреческого слова «Πάν», что буквально означает «весь», «всё», «каждый». Наднациональные идеологии не являлись чем-то уникальным, а были достаточно распространенным явлением в истории социально-политической мысли. Тем не менее, термин «панидеологии» не является устоявшимся в науке. Существуют различные трактовки и подходы к определению сущности панидеологических концептов. В недавнем исследовании А.М. Родригес охарактеризовал их как наднациональные идеологии: «Наднациональные идеологии — условное название таких течений в общественно-политической мысли, которые абсолютизируют подлинное или иллюзорное единство социальных или политических макрогрупп на общей территориальной, расовой, этнокультурной, религиозной основе». Новейшая история стран Европы и Америки: XX век. Учебник для студ. высш. учеб. заведений. В 3-х ч. М., 2001. Ч. 2.: 1945–2000. С.26. Так же См.: *Родригес А.М.* Реформация и модернизация религиозной и политической идеологии на Востоке (XIX–XX вв.). М., 2011. С.137. Т.В. Халудоров рассматривает панидеологии как «расширенное понимание национализма»⁴³ или паннационализм. Исследователь пишет: «паннационализм ставил своей целью создание масштабных субъектов политики в основе которых лежало объединение по тем или иным признакам»⁴³. *Халудоров Т.В.* Политические аспекты идеологии панмонголизма: дис ... канд. полит. наук. М., 2005. С.39. Отечественный исследователь национализма В.С. Малахов также трактует панидеологии в контексте расширенного понимания национализма. Автор утверждает, что «национализм — это, прежде всего, идеология, легитимирующая усилия по интеграции или дезинтеграции государств.... Однако помимо национализма как идеологии, непосредственно связанной с реальным или гипотетическим государством, существует национализм как идеология политизированной идентичности». *Малахов В.С.* Национализм как политическая идеология: Учебное пособие. М., 2005. С. 262. Под последним Малахов как раз и подразумевает панидеологии. В своем исследовании Малахов опирается на работы известного американского исследователя национализма Л. Снайдера, который утверждал, что пандвижения являются первыми примерами проявления макронационализма. См.: *Snyder L.* Macro-Nationalisms: A History of the Pan-Movements. Westport (Connecticut), L.: Greenwood Press, 1984. pp. 17–65; *Snyder L.L.* Encyclopedia of Nationalism. New York, 1990. p.209. В свою очередь, в одном из недавних отечественных исследований отмечается, что «макронационализм выступает в качестве наследника “старого” или классического национализма XVIII–XIX вв., т.е. той политической программы, в результате реализации которой, собственно, и возникли современные государства-нации. И в этом смысле он представляет собой национализм “больших” или, точнее, устоявшихся государств-наций (the established nation-states)». *Поляничков Т.Л.* Неклассический национализм в современной мировой политике: социально-политический и культурный контекст: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2009. С.24. Необходимо упомянуть и точку зрения американского политолога З.Бжезинского, который для характеристики «паневропейских» и «паназиатских» движений использует термин «наднациональный регионализм». *Бжезинский З.* Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство. М., 2004. С.167. Исходя из вышесказанного, в данном исследовании термины «панидеологии», «наднациональные идеологии» и «панидеи» будут использованы как синонимы.

ском отношении родственников (по крови, языку, религии, бытовой культуре, исторической памяти, территории) славянских и близких им народов и народностей»⁴⁴.

Говоря о возникновении первых идей панславизма, обычно упоминают изобретателя грамматики и лексического состава общеславянского языка, хорвата Юрия Крижанича (ок. 1618–1683), который видел в нем средство объединения всех славян⁴⁵. Вообще, с точки зрения современных исследователей, как идеология и общественное движение панславизм возникает за пределами России. Его появление в первую очередь было связано с культурным феноменом национального возрождения западных и южных славян, находившихся в тот период под властью Австрии и Турции. Идея объединения «угнетаемых» славянских народов становится центральной в пропаганде борьбы за обретение политической независимости. Сам же термин «панславизм» возникает примерно в 1830–1840 гг., причем в статьях германских и австрийских публицистов. Введенный термин изначально имел негативные коннотации, ведь использовался публицистами для внутривосточной пропаганды, главной целью которой было не допустить увеличения влияния славянской интеллигенции и политических кругов в делах империи Габсбургов. Как пишет Б.А. Прокудин, панславизм «отождествлялся с угрозой имперской экспансии России на славянские земли Австрийской империи, их “русификаторства”»⁴⁶.

Подобная «русифобская» трактовка панславизма со стороны самых разных кругов в Австрии и Германии была во многом обусловлена противоречивым историческим контекстом той поры. С одной стороны, царское правительство России подавляет польское восстание 1831 г., но с другой — лидеры набирающих силу национально-освободительных движений западных и южных славян в Австрийской империи часто действуют с оглядкой на Россию как на «старшего брата», единственное независимое славянское государство и опору славянства. А это не могло не вызывать озабоченности в Вене, так как славянское население империи составляло значительную ее часть, а игнорирование национального вопроса грозило привести к сепаратизму.

По большому счету, создание политического мифа о панславизме⁴⁷ как об экспансионистской идеологии царского правительства не является уникальным примером. Политическая

⁴⁴ *Шириняну А.А.* Русский хранитель. Политический консерватизм М.П. Погодина. М., 2008. С.75.

⁴⁵ См.: *Шириняну А.А., Мыркова А.В.* Введение к исследованию истории и идеологии панславизма XIX века. М., 2010. С. 12. О Крижаниче как родоначальнике панславизма пишет и американский исследователь Г. Кон: *Kohn Hans.* The Impact of Pan-Slavism on Central Europe // *The Review of Politics.* Vol. 23. No. 3 (Jul., 1961). pp. 323–324.

⁴⁶ *Прокудин Б.А.* Панславизм в истории политики и мысли России XIX века. М., 2018. С. 18.

⁴⁷ О формировании политических мифов как о важнейшем факторе, определяющем культурную идентичность, еще в середине прошлого века писал известный румынский культуролог Мирча Элиаде (1907–1986). По его убеждению, создание общей политической мифологии, исторической памяти является ключевым моментом, без которого невозможно сконструировать и понятие нации. Подробнее об этом см.: *Элиаде М.* Аспекты мифа. М., 2000. Также о роли политического мифа в политике см.: *Васич В.Н., Шириняну А.А.* Политика. Культура. Время. Мифы. М., 1999; *Гончарик А.А.* Понятие мифа и его применение в исследованиях политики // *Политическая наука.* 2009. №4.

борьба между великими державами всегда сопровождалась формированием идеологических штампов и клише, призванных очернить соперника. Так, например, ряд современных историков приходит к выводу, что в истории международных отношений первое проявление использования пропагандистского мифа с целью формирования негативного образа страны фиксируется в годы Ливонской войны (1558–1583 гг.). Обеспокоенные продвижением Московского царства к своим восточным границам, западные историки и дипломаты того времени, поощряемые политиками, сконструировали политический миф о «варварской России», представляющей угрозу всей Европе⁴⁸. В дальнейшем различные вариации этого политического мифа, в угоду изменяющейся политической конъюнктуры, лишь повторялись в дискурсе различных политиков, преследовавших цель вновь актуализировать негативный образ страны-конкурента на политической арене. В данном случае «миф о панславизме» не стал исключением. В целом можно констатировать, что создание мифа о панславизме было скорее нужно для консолидации монархии Габсбургов, ведь ссылки на иррациональное чувство страха гораздо эффективнее находят отклик в массовом сознании, чем многие политические лозунги⁴⁹.

Если попытаться объективно взглянуть на исторические реалии, в которых термин «панславизм» входит в употребление, то сразу становится понятно, что тезис о «русификаторстве», «панславизме как официальной идеологии внешнеполитического курса России» и т.п. не имеют ничего общего с реальным ходом вещей. Панславизм никогда не воспринимался как идеология на высшем официальном уровне. Даже в эпоху своего расцвета, когда славянский вопрос нашел особую поддержку в русских общественно-политических кругах, правительство всегда с опаской относилось к призывам радикально решить «славянский вопрос», звучавшим со страниц влиятельных печатных средств массовой информации, с трибун собраний, на площадях «славянских митингов». Возвращаясь к эпохе Николая I и времени появления панславизма, нужно отметить, то здесь особо четко прослеживается следующий факт: правительство Российской империи и лично император всегда провозглашали верность принципам «Священного союза»,

С.79–87; *Шириняц А., Мирикова А.* Русофобский миф на «панславизма» // Политически изследования. Българска асоциация за политически науки. София. Брой 1–2. 2010. С. 85–110; и др.

⁴⁸ Подробнее о рождении политического мифа о «варварской России» см.: *Филлюшкин А.* Фатална и губительна. Откровения врагов Московии // Родина. 2004. №12. С.50–52; *Перевезенцев С.В.* Грозный царь: известный и неизвестный // Наш современник. 2010. №4. С.217–243. Также см.: *Филлюшкин А.И.* Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI века глазами современников и потомков. СПб., 2013; *Перевезенцев С.В.* Русский выбор: очерки национального самосознания. М., 2007.

⁴⁹ Многими исследователями отмечалась та роль, которую играет негативная репрезентация при формировании национальной или наднациональной идентичности, особенно в условиях кризисов, дестабилизации социума, изменении его социальной структуры. Так, В.А. Ачкасов предупреждает, что «дискурс национальных и этнических элит, как правило, направлен на реализацию стратегии положительной самопрезентации своей общности и негативной презентации «значимых Других», которые нужны для укрепления их легитимности и для достижения позитивной самооценки группы». *Ачкасов В.А.* Роль «образа врага» в процессах этнополитической мобилизации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2016. Т. 12. № 1. С. 106–107.

главной задачей которого было сохранение сложившегося баланса сил в Европе⁵⁰. Только некоторое время спустя термин «панславизм» начинает восприниматься в позитивном ключе, во многом благодаря заслугам славянских авторов по его популяризации. Но традиция негативной репрезентации панславизма сохранялась, развивалась, и развивается.

Такая упрощенная, ошибочная трактовка панславизма как шовинистической идеологии встречается до сих пор. Данная традиция прослеживается, например, в работах известного американского исследователя национализма — Ганса Кона. В своих трудах этот автор утверждает, что «панславизм, аналогично пангерманизму, был движением за распространение власти России посредством включения других славяноязычных народов, даже против их воли, в “Великую Россию”, население и экономические ресурсы которой создали бы достаточную базу для мирового господства России, или, как говорили в XIX в., для “Русской вселенской монархии”»⁵¹. По мнению Кона, оба движения основывались на постулате, что «расовая» или лингвистическая принадлежность обеспечивает родство цивилизаций и идеологий, и, как следствие, стремление к объединению. Кон убежден, что панславизм и пангерманизм, основывавшиеся на надуманных идеях, все-таки оказали эмоциональное воздействие на многих немцев и многих русских и стали важнейшими факторами мировых войн XX в.⁵²

Но для того, чтобы понять настоящие мотивы подобных выводов Кона, стоит обратить внимание на время выхода его основных трудов по панславизму — это разгар Холодной войны. Именно Кон возрождает «миф о панславизме» как экспансионистской идеологии, которую якобы использует и СССР для удержания своих позиций в Центральной и Восточной Европе⁵³.

⁵⁰ Несколько иную точку зрения высказывает отечественный историк А.А.Тесля, указывая на сложность однозначных дефиниций при определении официального отношения российских властей к панславизму. Тесля пишет: «правительственная политика в отношении панславистских идей была достаточно сложной, панславизм никоим образом не становился официальной идеологией, но в то же время именно на николаевское царствование приходится создание целой сети кафедр славяноведения, подготовка для них квалифицированных кадров». Также Тесля предлагает не упускать из виду несколько факторов: во-первых, неоднородность самого «правительства», и как следствие разные силы внутри элиты могли как симпатизировать панславизму (например, Азиатский департамент министерства иностранных дел), так и наоборот, относиться к нему с подозрением (Третье отделение). Во-вторых, отношение самого Николая I к славянской идее также было противоречивым, одобряя ее в целом, император крайне негативно относился к ее самостоятельному развитию вне рамок правительственного контроля. И, наконец, в-третьих, сами идеологи русского панславизма (М.П. Погодин, И.С.Аксаков и др.) часто пытались оказать влияние на формирование внутренней и внешней политики государства, не оставаясь «пассивными объектами воздействия» со стороны властей. См.: *Тесля А.* Русский панславизм: от культурного к политическому и обратно: рецензия на книгу Бориса Прокудина // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. 2018. Т.11. №2. С.177–185.

⁵¹ *Kohn H.* Nationalism: Its Meaning and History. N. Y., 1955. P. 24.

⁵² *Ганс Кон.* Национализм: его смысл и история // [Электронный ресурс] // Библиотека Егора Холмогорова [сайт]. URL: <http://www.traditio.ru/holmogorov/library/k/kohn/6.htm> (дата обращения: 13.04.2018).

⁵³ Об этом см.: *Kohn Hans.* The Impact of Pan-Slavism on Central Europe // *The Review of Politics*. Vol. 23. No. 3 (Jul., 1961). pp. 331–333. В схожем духе в это же время высказывается и другой англоязычный автор Р.Макмастер, отождествляя панславизм и идеи большевиков. См.: *MacMaster R. Danilevsky. A. Russian Totalitarian Philosopher.* Cambridge, Massachusetts, 1967. Также см.: *Petrovich M. B.* The emergence of Russian Pan-Slavism 1856–1870. N.Y., 1956; *Fadner F.* Seventy years of Pan-Slavism in Russia. From Karamzin to Danilevskij. 1800–1870. Washington., 1962; *Mac-*

Окончательное оформление и закрепление панславистского мифа в западной историографии происходит после публикации монографии Кона «Панславизм. Его история и идеология» в 1953 г., где автор «чудесным» образом находит смысловые эквиваленты панславизма от «Гердера до Сталина». Однако проведенный нами анализ советского опыта изучения панславизма, показывает всю ложность выводов Кона, ведь в СССР панславизм воспринимался скорее как реакционная идеология и никогда не воспроизводился в официальных политических лозунгах. Работа Кона преследовала скорее не научные цели, а была политически ангажирована. Но именно выводы Кона затем транслировались из одной работы западных авторов в другую, продолжая череду неточностей и обобщений, плодя однобокие и «узкие» трактовки панславизма⁵⁴.

Обобщая положения и выводы современных исследований, можно утверждать, что пробуждению славянского самосознания способствовали различные исторические факторы. На первом месте следует отметить влияние Французской революции 1789 г. и последовавших за ней Наполеоновских войн. Французская революция, по справедливому замечанию британского историка Э.Хобсбаума, в принципе подарила нам политическое понимание «нации»⁵⁵. Последующие за ней события в Европе привели не только к пересмотру европейского политического ландшафта, но и к стимулированию вызревания идеи национальной свободы в сознании всех европейских народов. Уже с конца XVIII в. социально-политической мысли все громче звучат призывы к тому, что у каждого народа должно быть свое собственное национальное государство. По принципу цепной реакции, после Французской революции в XIX в. идеи национального самоопределения появляются не только у соседей французов (итальянцев, немцев), но и у славян⁵⁶. В XIX в., вследствие интеграционных тенденций, национальные государства появляются у немцев и итальянцев, что лишь упрочило убеждение славянской интеллигенции в возможности создания собственных национальных государств, а возможно и собственного наднационального проекта.

В этой связи интересно обратиться к работе венгерского специалиста Кости Шандора, который также уделяет большое внимание Французской революции как фактору, предопределившему появление панславизма. Шандор отмечает, что «славянские народы были одними из первых, кто воспринял идеалы Французской революции», однако предлагает не забывать, что «все же сам по

kenzie D. The Serbs and Russian Pan-Slavism: 1875–1878. N. Y., 1967; Hugh Seton-Watson. The Russian Empire: 1801–1917. Oxford, 1967.

⁵⁴ Доскональным образом анализирует ложные клише о панславизме, встречающиеся в западной историографии, О.В. Павленко. См.: *Павленко О.В. Миф о панславизме в западной историографии периода Холодной войны // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2017. № 4–1 (10). С.9–15.*

⁵⁵ *Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб., 2017. С.161.*

⁵⁶ Подробнее см.: *Шириняну А., Мирикова А. Русофобский мит на «панславизма» // Политически изследования. Българска асоциация за политически науки. София. Брой 1–2. 2010. С. 88–89.*

себе панславизм возник из-за стремления славянских народов к единению и из-за желания объединить свои силы для общего дела»⁵⁷. Французская революция стала лишь катализатором давно назревающих процессов. Данный тезис автора представляется нам крайне удачным.

Кроме того, Шандор указывает и на тот факт, что духовные лидеры панславизма разделяли мнение, что процветания и силы можно достичь только путем объединением славянских народов, ведь они мечтали о «земле, где народ и их правители говорят на одном языке, и не нужно стыдиться своего славянского происхождения...»⁵⁸.

Тем не менее, стоит заметить, что в исследовании Шандора панславизм рассматривается скорее как «соперник» венгерской народности в монархии Габсбургов⁵⁹. Из анализа работы Шандора становится, очевидно, что он скорее негативно оценивает внутреннюю и внешнюю политику Российской монархии, отмечая факт «угнетения славян» внутри нее, и исходя из этого скептически оценивает попытки западных славян ориентироваться на Россию в деле своего объединения. Помимо прочего, Шандор часто негативно характеризует попытки славян к борьбе против Венгрии как составной части монархии, особенно участие хорватов в подавлении Венгерского восстания 1848–1849 гг. Однако можно предположить, что оценки венгерского историка не лишены субъективизма, так как Шандор, являясь активным участником революционных событий в Венгрии (1956 г.), после подавления революции советскими войсками, вынужден был иммигрировать из страны. Поэтому, на наш взгляд, его «негативные» оценки России часто накладываются на его собственный опыт.

Кроме того, в ряду условий, предопределивших появление идей панславизма, а также рост национального и культурного самосознания славянских народов, не стоит забывать и внутриполитические процессы, протекавшие в двух монархиях, имевших в своем составе значительный славянский элемент. Речь в первую очередь идет об Османской империи и монархии Габс-

⁵⁷ *Sandor Kostya. Pan-Slavism. / Edited by Anne Fay Atzel. Astor Park, Florida: DanubianPress, Inc. 1981. p.5.*

⁵⁸ Там же. p.6.

⁵⁹ Вот как исследователь пишет о появлении панславизма: «В конце XVIII века славянские народы со Среднедунайской низменности и Дунайского региона рассматривали царскую Россию как единственное независимое славянское государство и главную силу в деле защиты славян. Они ожидали, что Россия окажет им поддержку в их стремлении к независимости. Благодаря победам русских над Наполеоном и турками, эти славянские народы идеализировали царское самодержавие. Они видели только его благоприятные аспекты, которые были выгодны и полезны для их движения, но при этом закрывали глаза на недостатки деспотического правления, такие как суровое угнетение нерусских народов царской России, в том числе нерусских славян. Их рассудок был затуманен антиосманской политикой царской империи, которая отчасти облегчала страдания балканских славян от турецкого гнета. И они не хотели замечать агрессивной захватнической политики русских царей. Более того, царская помощь балканским славянам лишь усиливала пророссийские иллюзии у чехов и словаков. Но большинство славянских лидеров Австро-Венгерской империи того времени сохраняли преданность монархии Габсбургов. Их единственной целью было лишь достижение определенной независимости от Венгрии и ее Конституции. То есть они хотели получить своего рода политическую автономию и по-прежнему оставаться во владении австрийского императора. Тех, кто склонялся в сторону царской России, называли панславистами, а кто предпочитал монархию Габсбургов — австрославистами». *Sandor Kostya. Pan-Slavism. / Edited by Anne Fay Atzel. Astor Park, Florida: DanubianPress, Inc. 1981. p.7.*

бургов. В обоих упомянутых государствах в указанный период все чаще начинают проявляться признаки системного кризиса, происходит постепенное обострение тлеющих национальных конфликтов, усиливаются социальные противоречия. Все чаще в славянских землях стали слышны призывы к тому, чтобы покончить с господством иноземцев. Особенно национально-освободительные тенденции проявлялись на Балканах, где коренное христианское население испытывало сильнейшие притеснения со стороны турецких властей. Как пишет Е.В. Белова: «В конце XVIII – первой половине XIX в. в Турции отмечалась слабость султанской власти. Вооруженные выступления пашей против Стамбула совершались все чаще. Идея борьбы национально-освободительных движений в Анатолии (Европейская Турция) приняла новые формы — от расширения прав немусульманского населения до полной независимости»⁶⁰. Именно в этот период Великую Порту сотрясают многочисленные восстания, жестоко подавляемые турецкими властями: Первое сербское восстание (1804–1813 гг.), Второе сербское восстание (1815–1817 гг.), Боснийское восстание (1831 г.), Критское восстание (1866–1869 гг.), Болгарское восстание (1876 г.) и др.

В империи Габсбургов центробежные тенденции также набирали оборот, так как славянское население государства продолжало неуклонно расти⁶¹. Кроме того, попытки интегрировать и подвергнуть славян культурной ассимиляции зачастую находили ожесточенное сопротивление. Уже упомянутый нами К. Шандор напрямую заявлял, что «панславизм, как политическое движение, возник из неразрешенного национального вопроса»⁶². И если в монархии Габсбургов процесс «онемечивания» шел более успешно, то в Порте, ввиду различий вероисповедания, процесс «отуречивания» встречал решительное сопротивление. В целом же славяне, несмотря на все попытки властей, сохраняли собственную самобытность, традиции, язык и культуру. По меткому замечанию Б.П. Балужева: «В славянских народах постепенно вырабатывался своеобразный фильтр, позволявший брать от властителей только то, что приносило пользу развитию своего народа»⁶³.

Огромное влияние на становление панславизма оказали идеи Иоганна Готфрида Гердера (1744–1803). Этот момент полностью роднит панславизм со своим «братом» и «главным врагом»⁶⁴ — пангерманизмом. Полностью перенимая концепт Гердера о «народном духе»

⁶⁰ Белова Е.В. Национально–освободительная борьба балканских народов и Крымская война // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. Т. 21. № 6. С. 57.

⁶¹ О национализме, сепаратизме, центробежных тенденциях и сецессионизме, как о внутривосточных факторах, раздиравших в то время «лоскутную империю», хорошо пишет, например, С.А. Романенко. См.: Романенко С.А. Национальные движения югославянских народов Австро–Венгрии и судьба монархии Габсбургов // Новая и новейшая история. 2011. №3. С.67–81.

⁶² Sandor Kostya. Pan-Slavism. / Edited by Anne Fay Atzel. Astor Park, Florida: DanubianPress, Inc. 1981. p.8.

⁶³ Балужев Б.П. Споры о судьбах России: Н.Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа». М., 1999. С. 211.

⁶⁴ Подобно немецкому политологу Карлу Шмитту (1888–1965), определявшему политику исключительно как противостояние «друзей» и «врагов», создатели панидеологий полностью восприняли фактор «общего врага», впервые появившийся еще в панэллинизме. Необходимо сказать, что формирование идеологами панэллинизма в общест-

(*Volksgeist*), который находит свое проявление в культуре, языке, традициях и обычаях народа, славянские деятели приходят к мысли о том, что именно этот «народный дух» и объединяет всех славян в одно неделимое целое. В своем главном труде «Идеи к философии истории человечества» (1784–1891) Гердер, в отличие от многих его современников, дает лестные оценки и характеристики славянским народам, пророча им великое будущее⁶⁵.

Реакция молодых представителей славянской интеллигенции не заставила себя долго ждать. «Глава о славянах вызвала большой интерес среди деятелей славянского возрождения, ее перепечатавали и переводили на славянские языки»⁶⁶ — пишет Г.Н. Лебедева, отмечая огромный отклик, который нашли в сердцах славян слова Гердера. В свою очередь, Г.Н. Моисеева и М.М. Крбец поясняют, что «рассуждения Гердера как исходящие от представителя немецкой культуры стали использовать для оправдания претензий славян на национально-культурное признание, на переосмысление их культурно-исторической роли в мире»⁶⁷.

И действительно, подобные слова, сказанные немцем, имели в тот период огромное символическое значение⁶⁸. Культурная и духовная жизнь в славянских землях находилась в упадке. Серьезную опасность представляло и лингвистическое растворение славянских языков, сведенных до уровня просторечья и языка черни. Потеря государственности (единственными независимыми славянскими государствами оставались лишь Россия и Черногория) стала национальным позором и тяжелой ментальной травмой. Социальное расслоение общества, стимулированное иностранными захватчиками, привело к тому, что высшие слои общества часто являлись инонациональными, а низшие, кои составляли большинство населения, — славянскими. Эта закономерность привела к одной важной особенности славянского возрождения, а, следовательно, и генезиса панславизма: роль объединителей славянского племени на себя взяло духовенство, являвшееся представителем коренных народностей, так как светская интеллигенция в массе своей

венном сознании дихотомии «друг-враг» стало поистине новаторским подходом, который затем не раз воплощался в последующих интеграционных концепциях. Во многом ни одна панидеология так или иначе не обходилась без этого связующего элемента. Что касается Карла Шмитта, то немецкий автор писал, что «всякая противоположность — религиозная, экономическая или этническая — превращается в противоположность политическую, если она достаточно сильна для того, чтобы эффективно разделять людей на группы друзей и врагов». *Шмитт К.* Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1. С. 61–62. Также о Карле Шмитте см.: *Филиппов А. Ф.* К истории понятия политического: прошлое одного проекта. // Карл Шмитт. Понятие политического. СПб., 2016. С. 432–551; *Ливоваров Ю. С.* К 110-летию со дня рождения Карла Шмитта // Политическая наука. 1997. № 3. С. 22–23; *Бойцова О. Ю.* Шмитт // Философия политики и права. 100 основных персоналий. Словарь: Учебное пособие. М., 2015. С. 337–340.

⁶⁵ См.: *Гердер И. Г.* Избранные сочинения. М.; Л., 1959. С.266–268.

⁶⁶ *Лебедева Г.Н.* Славянское Возрождение в первой половине XIX в.: рождение наций // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2015. Т.2. №2. С.79.

⁶⁷ *Моисеева Г.Н., Крбец М.М.* Йозеф Добровский и Россия: Памятники русской культуры XI–XVIII вв. в изучении чешского слависта. Л., 1990. С.81.

⁶⁸ Помимо И.Гердера в положительном ключе о славянской культуре и истории отзывались чешский филолог Йозеф Добровский (1753–1829), чешский ученый и поэт Йозеф Юнгман (1773–1847), словенский историк Копитар Бартол (1780–1844).

была инородная. В связи с этим в славянском возрождении, в отличие от эпохи Просвещения в Западной Европе, практически отсутствовал антирелигиозный компонент, уступая место национальным мотивам⁶⁹.

В контексте вышеупомянутых процессов славянское возрождение и появление идей общей славянской идентичности⁷⁰ стало уникальным феноменом. Пребывая под постоянным гнетом притеснений, культурным и религиозным давлением, угрозой полной ассимиляции и исчезновения, славяне смогли выработать уникальный идеологический ответ на угрозы своего существования — панславизм.

Нельзя не согласиться с известным отечественным специалистом Л.П. Лаптевой, утверждающей, что именно в XIX в., под воздействием сложившихся исторических условий, панславизм получает свое концептуальное оформление, подразумевая «возможность объединения всех славян на основе родства языков, происходящих из общего корня; близости отдельных элементов быта, нравов и обычаев в древности; родственности фольклора и народной культуры, а также схожести некоторых черт литературы в раннехристианский период»⁷¹.

Одним из «отцов-основателей» идеи славянской взаимности следует считать словацкого священника Яна Коллара (1793–1852)⁷², хотя сам термин «панславизм» впервые появился незадолго до этого в работах словацкого проповедника Яна Геркеля (1786–1853)⁷³. Коллар во многом продолжил и развил идеи своего соотечественника, с тем лишь отличием, что заменил термин «панславизм» на термин «славянская взаимность», считая, что данная дефиниция более полно и точно отражает суть устремлений и желаний славянских народов. Однако существует и другая точка зрения, согласно которой, в своей работе Коллар продолжает линию Геркеля и употребляет термин «панславизм», но по вине переводчика Я.Томичека, перево-

⁶⁹ Подробнее см.: *Кирилина Л.А., Пилько Н.С., Чуркина И.В.* История Словении. СПб., 2011. С.130–133.

⁷⁰ Термин «идентичность» берет свое начало в психологии личности и социальной психологии, где под ним понимается некий целостный образ, который человек формирует о самом себе, сопоставляя себя с другими индивидами. Особое внимание этой проблеме уделено в работах американского психолога Э. Эриксона. См.: *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М., 2006. Национальная идентичность в данном исследовании понимается как сформированное на основе устоявшихся особенностей национальной культуры, этнических характеристик, обычаев, верований, мифов, нравственных императивов видение народов себя в ряду других народов. Подробнее об этом см.: *Гаджиев К.С.* Геополитические горизонты России: Контуры нового миропорядка. М., 2011. Также см.: *Гаджиев К.С.* Национальная идентичность: концептуальный аспект // Вопросы философии. 2011. №10. С. 3–16; *Smith Anthony D.* National Identity. London, 1991.

⁷¹ *Лаптева Л.П.* Идея славянской взаимности и славянские съезды XIX в. // Славянские съезды XIX–XX вв. М., 1994. С.5.

⁷² *Levine Louis.* Pan-Slavism and European Politics // Political Science Quarterly. 1914. Vol. 29. No. 4. P. 668.

⁷³ В своей грамматике общеславянского языка («Elementa linguae Slavicae Universalis»), изданной в 1826 году, Я. Геркель говорил о литературном союзе между славянами, который он именовал «истинный панславизм». Подробнее см.: *Herkels J.* Elementa universalis linguae Slavicae e vivis dialectis eruta et sanis logicae principiis suffulta. Budae, 1826. S. 4; *Матевчик А.* Ян Геркель и его идея славянского литературного единства // L'udovid Stur und die slawische Wechelseitigkeit. Bratislava. 1969. S. 27–31. Также см.: *Павленко О.В.* Панславизм и его модели // Новая и новейшая история. 2016. №5. С.4; *Penchev V.* The Slavic idea and the origin of Bulgarian folklore studies // Traditions. Vol. 40. №2. P.100.

дившего трактат «О литературной взаимности между племенами и наречиями» с немецкого на чешский язык, «панславизм» превратился в «всеславянство», хотя в первоначальном немецком варианте последнего термина нет⁷⁴.

Ключевыми работами, анализ которых позволяет сделать вывод о панславянских взглядах Коллара, стали его цикл сонетов «Дочь Славы» (*Slavy Dcera*) (1824 г.), публицистическая статья «Голоса о необходимости единого литературного языка для чехов, моравов и словаков»⁷⁵ (1846 г.), а также трактат «О литературной взаимности между племенами и наречиями»⁷⁶, впервые опубликованный в чешском журнале «Гронка» (1836 г.). Трактат Коллара стал своеобразным «славянским евангелием», «манифестом, провозглашавшим право славян на национальную индивидуальность»⁷⁷.

Ратовавший за духовное единение всех славянских народностей, особую роль Коллар отводил славянской литературе, способной взять на себя миссию культурной интеграции разрозненного славянского племени⁷⁸. Как мы видим, данная идея полностью созвучна с программами других панидеологий, где литературе также отводится первостепенная роль. Не чужда для Коллара и попытка создания устойчивых художественных образов, «мифов», возвеличивающих славянское племя. Так, в «Дочери Славы», Коллар «сетовал на падение славянской мощи, призывал к единству славянских народов и предрекал им великое будущее — заселение огромных территорий от Эльбы до Тихого океана, от арктических морей до Средиземного моря»⁷⁹.

Наиболее запоминающимся образом, созданным Колларом, можно назвать представление о славянстве как о могучем древе, раскинувшем свои кроны и ветви, символизирующие славянские народы. Кроме того, Коллар, находясь под влиянием Гердера⁸⁰, интерпретируя его идеи об особой миссии славянства в мире, утверждает, что «голубиный народ» (славянство — *В.Б.*) составляет особый культурно-исторический тип, способный обновить дряхлеющую европейскую цивилизацию⁸¹. Считается, что литературная традиция, заложенная Колларом, оказала огромное влияние на будущих деятелей славянской интеллигенции, а образы, описанные в «Дочери Славы» не раз повторялись в славянской литературе.

⁷⁴ Об этом пишет, например, О.В. Павленко. См.: Павленко О.В. Панславизм и его модели // Новая и новейшая история. 2016. №5. С.5.

⁷⁵ Kollár Ján. Hlasové o potřebě jednoty spisovného jazyka pro Čechy, Morawany a Slowáky. W Praze, 1846.

⁷⁶ Kollar J. Ueber die literarische Wechelseitigkeit zwischen der verschiedenen Stammen und mundartender slawischen Nation. Pesth, 1837.

⁷⁷ Павленко О.В. Панславизм и его модели // Новая и новейшая история. 2016. №5. С.4.

⁷⁸ Подробнее см.: Коллар Я. О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими // Отечественные записки. 1840. №8. С.65–94.

⁷⁹ См.: Шириняц А.А., Мыркова А.В. Введение к исследованию истории и идеологии панславизма XIX века. М., 2010. С. 14.

⁸⁰ О связи идей Гердера и Коллара См.: Maxwell Alexander. Herder, Kollár, and the Origins of Slavic Ethnography // Traditiones. 2011. Vol. 40. №2. pp. 79–95.

⁸¹ Подробнее см.: Kollar J. Dobré vlastnosti narodu slovanskeho. Pesth, 1831. S. 500–510.

По большому счету, программа Коллара не носила какого-либо политического окраса, уповая, прежде всего, на культурное единение славянских народов. Книжное дело, перевод славянской литературы на национальные языки, популяризация образования, открытие школ и университетов, способных дать образование на славянских языках — вот те сферы, на которые должны быть направлены усилия славянской интеллигенции. Однако, как известно, формирование других наднациональных идеологий также начиналось именно с культурных требований, обрастая затем и политическими лозунгами. В данном случае теория «литературной взаимности» Коллара не выпадает из общей логики формирования панидеологий. Однако можно выделить и некоторые отличия, наблюдаемые в панславянской программе Коллара в сравнении с тем же пангерманизмом. Словацкий мыслитель изначально выступал против какой бы то ни было унификации, отмечал самобытность каждого славянского народа. Его конструкция, основанная на принципе «разнообразие в гармонии», сильно ограничивала возможности интеграции славянских народов, хотя и была принята на вооружение многими славянскими политиками, так как не предполагала ограничения собственных национальных интересов в угоду общих целей⁸².

Несмотря на то, что некоторые исследователи считают взгляды Коллара аморфными, «платоничными»⁸³, именно в его концепции впервые наметились конкретные шаги, направленные на преодоление славянской разобщенности как источника всех бед в славянском мире, и именно с его именем и связывается дальнейший рост популярности панславизма.

Об объективности появления панславизма именно в этот исторический период говорит и тот факт, что практически одновременно с Колларом и Геркелем схожие идеи начинает высказывать и другой известный деятель славянского возрождения, чешский и словацкий ученый, поэт, литератор и общественный деятель Павел Шафарик (1795–1861), которого американский исследователь Ганс Кон окрестил «первым ученым» раннего панславизма⁸⁴. Подобно своим соплеменникам, Шафарик отмечал засилье в немецкой литературе и науке предвзятого мнения о славянах, принижение их достоинства и богатой истории. Всей своей деятельностью Шафарик пытался развенчать устоявшиеся стереотипы о славянах и опровергнуть негативные клише, существовавшие по отношению к славянской культуре. Одной из самых значительных научных работ Шафарика стала книга «История славянского языка и литературы по всем наречиям»⁸⁵, изданная в 1826 г. на немецком языке, она была призвана показать ту богатую историю славянской литературы, красочность и живость их языков. Кроме того, по верному за-

⁸² Подробнее См.: Павленко О.В. Панславизм и его модели // Новая и новейшая история. 2016. №5. С.6.

⁸³ Подобную точку зрения высказывает, например, русский историк славянской литературы А.Н. Пыпин. См.: Пыпин А.Н. Литературный панславизм // Вестник Европы. Т.3. Май–Июнь. 1879. С. 615

⁸⁴ См.: Kohn H. Pan-Slavism. Its History and Ideology. 2 ed. N.Y., 1960. P.5.

⁸⁵ Šafárik P. J. Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten. Mit kön.ung. Universitäts Schriften, 1826.

мечанию Г.Н. Лебедевой, ключевой работой Шафарика по праву можно считать «Славянские древности» (*Slovanské starožitnosti*)⁸⁶, которая стала «научным подвигом» ученого. Именно в ней «он подвергнул тщательному анализу все имеющиеся источники о происхождении и истории древних славян, он не просто обосновал их индоевропейское происхождение, но также показал вклад в мировую историю и культуру»⁸⁷.

Идеи Коллара и Шафарика вдохновили молодое поколение словацких общественных деятелей на провозглашение лозунгов политического объединения славян. Одним из первых эту роль на себя взял словацкий патриот и общественный деятель Людовит Штур (1815–1856). Признавая политическую составляющую программы Штура, Б.А. Прокудин замечает и некоторый разрыв между «старыми» идеями Коллара и требованиями молодых политиков: «Штуровцы призывали к самобытности славянских наций, не принимая колларовской теории “племен”»⁸⁸. Кроме того, для достижения своих политических целей Штур первоначально предлагал ориентироваться на помощь России. Как пишет Г.В.Рокина: «Штур и его последователи преодолели легитимизм и аполитичность концепции Коллара и придали словацко-русским связям откровенно политический характер»⁸⁹. Дальнейшая разработка и переосмысление идей панславизма привела к тому, что в 1848 г. Людовит Штур перешел на позиции австрославизма, отойдя от взглядов первых «отцов движения» Я. Коллара и П. Шафарика.

В историографической традиции взгляды Коллара и Шафарика принято относить к «литературному» направлению панславизма⁹⁰. Именно эти мыслители первыми сформулировали те основные принципы, которые в дальнейшем легли в основу различных направлений и моделей панславизма. Коллар и Шафарик пытались не только обосновать своеобразие славянского мира, указать на то, что славяне, наряду с другими народами Европы обладают богатой культурой и историей, но и популяризировали идеи о «великом будущем» славянского племени. Первые попытки этих двух словацких деятелей носили еще аполитичный характер, ограничиваясь лишь сферой культуры. Однако уже к середине XIX в. панславизм, введенный в оборот Геркелем, Колларом и Шафариком, начинает цвести политическими красками, играя все более значительную роль во внутри- и внешнеполитических процессах Европы.

⁸⁶ *Šafařík P. J. Slovanské starožitnosti. Praha, 1837.*

⁸⁷ *Лебедева Г.Н. У истоков славянского мира: П. Й. Шафарик и В. Ганка // Славянские языки и культура. история и современность. Материалы международной научно-практической конференции. СПб, 2015. С.56.*

⁸⁸ *Прокудин Б.А. Идея славянского единства в политической мысли России XIX века. М., 2007. С.19.*

⁸⁹ *Рокина Г.В. Теория и практика славянской взаимности в истории словацко-русских связей XIX в. Казань, 2005. С. 8.*

⁹⁰ О понятии «литературный панславизм» См.: *Пытин А.Н. Вопрос о национальности и панславизм // Современник. 1864. № 2. С. 480; Пытин А.Н. Литературный панславизм // Вестник Европы. Т.3. Май-Июнь. 1879. С. 615; Прокудин Б.А. Идея славянского единства в политической мысли России XIX века: генезис, основные направления и этапы развития: дис ... канд. полит. наук. М., 2007. С. 19.*

Резюмируя процесс генезиса панславизма, сразу следует указать на тот факт, что он проходил по совершенно тому же сценарию, что и развитие других панидеологий. Его появление было обусловлено тем социально-политическим и культурным состоянием славянского общества, в котором оно находилось после потери большинством славянских народов своей государственности. Угроза растворения и культурной ассимиляции подталкивала славян к выработке идеологии, способной консолидировать славянские народы и обеспечить их выживание. По сути, панславизм стал ответом на усиление гнета над славянами и страха перед собственным исчезновением как самостоятельного культурного племени. Угроза культурной и национальной ассимиляции, исходившая от немцев, венгров и турок, вызвала идейный ответ в славянском обществе — процесс славянского национального возрождения, следствием которого и стало появление панславизма. Небывалый рост интереса к литературе, истории и традициям славянского мира стал лишь следствием чувства страха на коллективном и бессознательном уровне. Помимо прочего, зарождение панславизма следует рассматривать в теснейшей связи с появлением главного его оппонента — пангерманизма. Двусторонние тенденции нагнетания взаимных упреков, обоюдное формирование политических мифов об «экспансионистской» роли двух идеологий сыграли роль катализаторов интеграции, усиливая символический капитал, обосновывая идею защиты от внешних врагов. Миф «панславизма» был выгоден Габсбургам для укрепления внутреннего единства империи, миф «пангерманизма» — оправдывал национальные устремления и притязания на независимость славянской интеллигенции.

Краеугольным камнем в вопросе формирования славянской идентичности стала проблема преодоления полилингвистического многообразия славянского мира. В отличие от пангерманизма (стремившегося к созданию моноэтнического государства), панславизм претендовал на консолидацию совершенно разных в историческом, культурном, политическом и экономическом отношении народностей. Несмотря на общее культурно-языковое прошлое, за многие годы в славянском мире накопились противоречия и конфликты, которые не так-то легко было преодолеть. История причудливым образом сталкивала братские славянские народы между собой, что приводило к накоплению взаимных обид. Кроме того, религиозный раскол некогда единого славянства на католиков, протестантов и православных привел и к языковому отдалению славянских народов друг от друга. Центрами духовной жизни в славянских странах традиционно были церкви и монастыри, а духовенство играло особую роль в сохранении и поддержании национальных традиций. Распространение образования и науки также велось через монастыри, что сказывалось и на литературных и языковых традициях. Все это приводило к некому ментальному и культурологическому расколу между славянами-католиками, которые в

принципе принадлежали к общеевропейской католической семье, и славянами-православными, главными ориентиром для которых традиционно была православная Россия.

Именно на преодоление всех вышеуказанных сложностей и были направлены появившиеся в дальнейшем различные модели панславизма. Ведь без ответов на ключевые вопросы, разобщающие славянский мир, славянское племя ставило себя под угрозу исчезновения. А то, как теоретики панславизма видели выход из сложившейся ситуации, во многом предопределялось тем культурным кодом, той самобытной спецификой, на почве которой вырастали их идеи. Именно поэтому появившийся из общего «литературного» корня панславизм в каждой славянской стране нашел свое уникальное и самобытное продолжение и воплощение в политических программах, зачастую с различающимися целями и задачами, но при этом всегда объединенных общими заветами «отцов-основателей» панславизма.

Раздел II. Модели панславизма у западных и южных славян: австрославизм и югославизм⁹¹

Формирование моделей панславизма у западных и южных славян происходило под влиянием двух амбивалентных тенденций — роста национально-освободительных настроений в рядах славянской интеллигенции, с одной стороны, и полной лояльностью короне Габсбургов, — с другой. Эта двойственность предопределяла все идейные поиски славянских мыслителей, а превалирование одной тенденции над другой полностью зависело от меняющейся политической конъюнктуры. Когда это было выгодно лидерам славянских партий, они активизировали дискурс о национальной независимости, когда не выгодно — постулировали идею об «общем австрийском доме» и Австрии как «матушке австрийских славян»⁹².

⁹¹ При написании данного раздела диссертации использованы результаты научных работ, выполненных автором и опубликованных ранее: *Болдин В.А.* Рупор нового славянского мировоззрения: журнал Славянский век (1900–1904 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2017. № 1. <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/789>; *Болдин В.А.* Эволюция великохорватской идеологии в начале 20 в // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник материалов IV международной конференции молодых ученых и специалистов «Сlio – 2014». М., 2014. С. 60–62; *Болдин В.А.* Истоки и генезис великохорватской идеи // Дні науки філософського факультету – 2013. Міжнародна наукова конференція «Дні науки філософського факультету – 2013», 16–17 квіт. 2013 р.: [матеріали доповідей та виступів]. Ч.9. Київ, 2013. С. 25–27; *Болдин В.А.* Иллиризм как феномен хорватского национального возрождения // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, отечественной и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник тезисов докладов участников Третьей международной конференции молодых специалистов и ученых «Сlio – 2013». М., 2013. С. 62–66.

⁹² Использование славянской тематики и символов в имперской мифологии Австро–Венгрии было распространенным явлением. Например, как отмечается в современных исследованиях, «центральное место отводилось офици-

Подобная двойственная установка славянской интеллигенции становится вполне объяснимой при более детальном ее рассмотрении. Для западных и южных славян Австро-Венгрия, с ее многообразием национальных элементов, являлась вполне приемлемой формой сосуществования при условии расширения собственных прав и автономии — то есть федерализации империи. Именно поэтому первоначально в большинстве своем все деятели славянского движения были скептически настроены относительно сецессии, а идеи о создании независимых государств хоть и высказывались, но воспринимались как радикальные и не находили широкой поддержки вплоть до Первой мировой войны. Однако настроения славянских идеологов находились в тесной взаимосвязи с изменением внутривластного курса Австрии, и как только надежды на федерализацию угасали — сразу же появлялись радикальные проекты переустройства империи. В целом же, как отмечает О.В. Павленко, особых возможностей для выработки новых альтернатив у австрийских славян не было изначально, они могли «либо выступать с программой собственной государственности, либо выдвигать эрзац-идею замены Австрии на другое не менее сильное государство»⁹³.

Можно предположить, что подобный легализм западных и южных славян был обусловлен страхом окончательно потерять собственную идентичность в случае обретения независимости, ведь тогда им приходилось бы иметь дело с крупными державами-соседями — Германией, Турцией и Россией. Эти державы, в свою очередь, рассматривались скорее как оппоненты, которые могут поглотить малые славянские народы, нежели как партнеры. В данном контексте показателен вывод, сделанный в недавнем исследовании: «первая политическая концепция славянского объединения ограничивалась проблемами федерализма австрийских славян, Россию же рассматривала как угрозу для национальной и культурной независимости малых славянских народов. Следует отметить, что многие чешские сторонники “австрославизма” после 1867 г., с созданием дуалистической Австро-Венгрии, усиливавшей положение мадьяр в государстве, решили продемонстрировать свой протест Вене, и перешли на позиции русофильства»⁹⁴.

Среди иных причин существования сильных австрофильских настроений славянских жителей империи исследователями называется социальный состав панславистского движения. Как уже отмечалось, основными вдохновителями национально-освободительного движения в большинстве случаев выступали священники и духовные лица, а население славянских терри-

альной трактовке “собираания” славянских земель вокруг престола Габсбургов. В сочинениях “профессиональных патриотов” подчеркивалось, что слабые и беспомощные славяне никогда не смогли бы выжить, если бы их не взяла под свой скипетр династия Габсбургов». См.: Павленко. О.В. Россия и Австро-Венгрия середины XIX – начала XX века: политические мифы имперской власти // Новая и новейшая история. 2014. №1. С.126.

⁹³ Павленко О.В. Панславизм и его модели // Новая и новейшая история. 2016. №5. С.8.

⁹⁴ Шириняц А.А., Мыркова А.В. Введение к исследованию истории и идеологии панславизма XIX века. М., 2010. С.15–16.

торий преимущественно было сельским. Все это предопределяло господство традиционалистских ценностей и консервативных начал в политической культуре славянских народов, и, как следствие, нежелание перемен, страх перед потрясениями и нововведениями. Данной точки зрения придерживается, например, О.В. Павленко⁹⁵. Нам она также кажется интересной и заслуживающей внимания.

Что касается тенденций русофильства, которые также проявлялись у некоторых теоретиков панславизма, то такой разворот был вызван самой внутренней политикой Австрии. Так, наибольший всплеск русофильских настроений наблюдается в землях, попавших под власть Венгерской короны после 1867 г. Возможно, из-за этого венгерский историк К. Шандор и характеризует панславизм как угрозу для целостности Венгерских земель⁹⁶.

В принципе было бы ошибочно обвинять славянских лидеров того времени в двойных стандартах или показном русофильстве, скорее подобная тактика была продиктована собственными национальными интересами, стратегией на выживание и противодействие немецкому гнету. По большому счету, западные славяне, в силу специфики культур, видели себя скорее частью общеевропейского мира, нежели стремились стать частью Российской империи. Россия играла для них роль союзника для реализации собственных политических интересов. Но не более того. Кроме того, использование «мифа панславизма» было выгодно самим австрийским славянам, «ведь потенциал страха, заложенный в этом понятии, продолжал использоваться для шантажа австрийского правительства вплоть до Первой мировой войны»⁹⁷.

Помимо прочего панславизм являлся и источником создания позитивных стереотипов славянских народов о самих себе, что являлось крайне важным моментом для поддержания национального духа народов, потерявших независимость. По факту, для австрийских славян панславизм компенсировал сознание собственной малочисленности⁹⁸. Национальная травма потери государственности сублимировалась идеей принадлежности к общему, многомиллионному славянскому миру.

В исторической литературе концепции переустройства Австрийской империи на федеративных началах, предложенные славянскими деятелями, принято называть «австрославизмом». Считается, что первыми выразителями «австрославизма» стали известный австрийский публицист, чех по происхождению, Карел Гавличек-Боровский (1821–1856), а также чешский историк и общественный деятель Франтишек Палацкий (1798–1876).

⁹⁵ Подробнее см.: Павленко О.В. Панславизм и его модели // Новая и новейшая история. 2016. №5. С.8.

⁹⁶ Sandor Kostya. Pan-Slavism. / Edited by Anne Fay Atzel. Astor Park, Florida: Danubian Press, Inc. 1981. pp.24–35.

⁹⁷ Павленко О.В. Панславизм и его модели // Новая и новейшая история. 2016. №5. С.9.

⁹⁸ См.: Лебедева О.В. Чешское русофильство в период установления австро-венгерского дуализма // Социально-политическая борьба в странах Европы в Средние века и Новое время. Йошкар-Ола, 1990. С. 130–144.

Палацким, как одним из лидеров чешской фракции в австрийском парламенте, был разработан проект, названный «Австрославизм», который был представлен на рассмотрение австрийскому парламенту в 1848 г. Согласно проекту Палацкого, «малые славянские народы постепенно должны были получить автономию и одновременно в едином сильном государстве поддерживать друг друга и противостоять опасности пангерманизма и панрусизма»⁹⁹. Как отмечает А.А. Григорьева, по мысли Палацкого, «только сильная “славянская Австрия” способна спасти западное славянство от крепких объятий “русского медведя” и объединяющейся Германии»¹⁰⁰. По мысли австрославистов территорию Австро-Венгрии следовало поделить на семь национально-административных областей (австро-немецкую, чехословацкую, польско-русинскую, венгерскую, румынскую, югославянскую, итальянскую), которые наделялись равными правами и широкими полномочиями. В компетенции центральных властей оставались лишь вопросы внешней политики, международной торговли, армии, финансов, транспорта и связи. «Теоретически федерализация Габсбургской империи в соответствии с проектом Ф. Палацкого вполне отвечала интересам Австрии, поскольку была направлена на установление межнационального равновесия и укрепление внешнеполитического положения страны»¹⁰¹. Однако проекту Палацкого не суждено было реализоваться, и прежде всего из-за несогласованности действий и противоречий между народами монархии Габсбургов. Венгры восприняли проект как направленный против их законных прав, немцы — как выражение тенденции к ослаблению империи, поляки — как конец мечтаний о воссоздании «Великой Польши», румыны, словенцы, русины и другие представители меньшинств остались недовольны тем, что их национальные интересы проектом вовсе игнорировались.

Тем не менее, в 1848 г. в Праге прошло знаковое событие для всего славянского мира — Первый всеславянский съезд, председателем и одним из организаторов которого стал Палацкий. Этот съезд имел огромное символическое значение, показав, что славяне, несмотря на раздираемые их противоречия, представляют собой единую силу и способны консолидировать свою борьбу за культурную, духовную и национальную автономию. Этот съезд стал первым этапом на пути институционализации славянского движения. По мысли отечественного исследователя О.А. Хоревой: «Съезд был, по сути, блестящей импровизацией молодых славянских политических лидеров Центральной Европы <...> пражский съезд представляет собой контрмеру против выпадов Германского национального собрания <...> созыв Германского Национального собрания и проведение Славянского съезда обозначали начало столкновения несовпадающих национально-

⁹⁹ См.: *Шириняц А.А., Мырикова А.В.* Введение к исследованию истории и идеологии панславизма XIX века. М., 2010. С. 29.

¹⁰⁰ *Григорьева А.А.* Панславизм: идеология и политика (40-е годы XIX – начало XX века). Иркутск, 2013. С.111.

¹⁰¹ *Там же.*

государственных интересов нескольких общественных сил. Конфликт воспринимался современниками во многом как мегаэтнический, как противостояние славян и германцев, чему способствовала атмосфера апрельских (1848 г.) выступлений славянской общины в Вене»¹⁰².

Оценивая итоги работы первого славянского съезда, Б.А. Прокудин приходит к выводу, что он «был задуман как национально-политическая манифестация славянского возрождения»¹⁰³, а главной его целью стало стремление показать, что славянские народы представляют собой самостоятельную политическую силу на карте Европы. Однако, несмотря на вполне миролюбивое настроение участников съезда по отношению к правительству, съезд, объединивший около 340 делегатов, был разогнан полицией, так и не закончив своей работы. Главным же его достижением стала репрезентация факта, что славянские народы могут объединять собственные усилия для выражения совместной политической позиции.

Вскоре после поражения Австрии в войне с Пруссией (1866 г.) и усиления тенденций пангерманизма, национальные противоречия в империи вспыхивают с новой силой, среди немецкого населения все чаще стали слышны опасения о «растворении в славянском море». В империи возрастало напряжение, что, например, вылилось в националистические манифестации в Чехии в 1867 г. и последующую реакцию австрийских властей, запретивших преподавание в школах на чешском языке¹⁰⁴.

Усиление прогерманских тенденций закономерно приводило к усилению пророссийских взглядов у славян Австрии. Так, например, в чешском национальном движении в 70-е годы XIX в. происходит раскол на «старочехов» (сторонников Палацкокого), ратовавших за продолжение переговоров о федерализации Австрии, и «младочехов» (объединившихся вокруг Карела Крамаржа (1860–1937)), выступавших за новые подходы к решению национального вопроса и более склонных к сотрудничеству с Россией. Но по большому счету все рассуждения чехов, которые и были главными идейными вдохновителями австрославизма, не выходили за рамки реформирования империи, а контакты с Россией рассматривались как способ «надавить» на правительство собственной страны¹⁰⁵.

¹⁰² Хорева О.А. Славянский съезд 1848 г. В Праге и некоторые проблемы современного национального развития // Славянские съезды XIX–XX вв. М., 1994. С. 22–23.

¹⁰³ Прокудин Б.А. Панславизм в истории политики и мысли России XIX века. М., 2018. С.29.

¹⁰⁴ Подробнее см.: Погодин А.Л. Славянский мир: Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 г. М., 1915. С.38.

¹⁰⁵ Стоит сказать, что в годы Первой мировой войны русофильские взгляды среди австрийских славян еще более усилились. Вслед за победами русского оружия, все смелее звучали мнения, что славянские государства могут надеяться на помощь России в деле своего освобождения, а лидер чешских реалистов, будущий президент Чехословакии Томаш Масарик (1850–1937) и вовсе писал о возможности создания «независимого чешского государства во главе с представителем российской династии». См.: Ведерников М.В. Место России во внешнеполитической концепции Т.Г. Масарика накануне и в годы Первой мировой войны // Современная Европа. 2015. №6 (66). С. 124.

Поражение Австрии в двух войнах (Сардинская война 1859 г. и Австро-прусская война 1866 г.), усиление национальных движений и рост австро-венгерских противоречий вновь возродили, казалось бы, угасшие идеи иллиризма в среде южных славян империи. Именно в 60-х годах XIX в. на политическую сцену выходит новая интеграционная идеология, явившаяся развитием идей иллиризма и панславизма — югославизм. Известный отечественный балкановед В.И. Фрейдзон дал ему следующее определение: «Югославизм — система представлений и идей, исходящих из принципа общности происхождения и культурно-языкового родства всех южных славян. На его основе делались различные политические выводы — от программы сотрудничества южных славян, как в сфере культуры, так и в политической борьбе вплоть до создания независимого государства»¹⁰⁶. Вслед за Фрейдзоном можно утверждать, что в своем концептуальном развитии югославизм прошел несколько этапов: 1) иллиризм 30–40-х гг. XIX в., связанный с культурным подъемом и «национальным возрождением» славянских народов; 2) югославизм 60-х гг. XIX в., с господствовавшими в нем либеральными представлениями и проектами федерализации Австрийской империи на равноправных началах; 3) югославизм 70-х – середины 90-х гг. XIX в., характеризующийся упадком идеологии и обострением сербскохорватских противоречий; 4) югославизм конца 90-х гг. XIX в. – начала XX в., отличавшийся радикализацией движения и методов борьбы за создание независимого югославянского государства¹⁰⁷. Дальнейшее свое развитие и реализацию идеи югославизма нашли при создании сначала Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев в 1929 г., а затем и социалистической Югославии в 1945 г.

Как верно отмечает все тот же Фрейдзон, вначале идеи югославизма зародились в среде хорватского духовенства, и лишь только в 1903 г. «на хорватском югославизме начало сказываться сильное влияние сербской национальной идеологии и внешней политики Сербии»¹⁰⁸. Это было обусловлено тем, что в 1903 г. в Белграде было совершено убийство короля Александра Обреновича представителями организации «Черная рука», объединивших в своих рядах недовольных (в том числе и внешнеполитическим курсом монарха) военных. Девизом организации был лозунг «Объединение или смерть!» (Уједињење или смрт), а главной целью провозглашалось объединение всех южнославянских народов под властью Сербии. Взошедший на престол король Петр Карагеоргиевич вынужден был считаться с влиятельной организацией, устранившей его предшественника. Кроме того, «Черной рукой» руководил полковник Драгутин Димитриевич (1876–1917), известный как Апис, он возглавлял разведыватель-

¹⁰⁶ Фрейдзон В.И. Хорватский югославизм в 30–90-е годы XIX века // Славяноведение. 1998. №5. С.3.

¹⁰⁷ Подробнее о классификации См.: Фрейдзон В.И. Хорватский югославизм в 30–90-е годы XIX века // Славяноведение. 1998. №5. С.3–4.

¹⁰⁸ Там же. С.4.

ный отдел Генерального штаба Сербии, и по признанию многих современников, являлся самым влиятельным человеком в государстве¹⁰⁹.

В связи с вышесказанным интересно обратиться к словам современного сербского автора Александры Колакович, замечаящей, что усиление Сербии как независимого государства сделало ее центром проюгославских настроений, что немедленно вызвало противодействие со стороны Австро-Венгрии, для которой молодое балканское государство стало «главным врагом». Именно для того, чтобы «разрушить сербское государство» и раз и навсегда покончить с идеями югославизма, Австро-Венгрия взяла курс на дискредитацию югославистского движения и поддержку «хорватского шовинизма». Но победы в Балканских войнах (1912–1913 гг.) сумели придать новый импульс идее югославизма и утвердить мнение о Сербии как о возможной собирательнице славянских земель¹¹⁰.

Подобная трактовка, популярная в современной Сербии, говорит, на наш взгляд, о том, что обе стороны — и хорваты, и сербы, пытаются утвердить идею о собственном первенстве в разработке «югославизма». Эти попытки должны были бы противоречить самой сути идеологии, в основе которой лежит мысль о едином «югославском народе», о том, что нет серба или хорвата, а есть югослав. Но постоянное воспроизведение, в том числе и в современном научном дискурсе, идей о первенстве или хорватов или сербов, говорит о глубоко укоренившихся противоречиях между обоими народами, претендующими на лидерство среди южных славян. Как итог, ни сербы, ни хорваты, не готовы отказаться от взаимных обид и национальных претензий. Хотя не стоит отрицать, что в начале XX в. первенство в пропаганде югославизма действительно перешло к Сербии, что соответствовало ее внешнеполитическим интересам.

Возвращаясь к возрождению идей возможного объединения южных славян в начале 60-х гг. XIX в., сразу следует обозначить, что стоявшие у истоков югославизма хорваты видели возможность решения данной проблемы путем объединения всех югославянских земель, входящих в состав Австрийской империи, в Триединое королевство, которое стало бы третьим составляющим элементом до этого двуединой монархии. То есть, по сути, югославизм развивался в общем русле федералистских тенденций, приобретающих популярность в монархии Габсбургов. Объединение именно вокруг Хорватии виделось югославистам вполне логичным шагом, так как в основе него лежал бы принцип исторического права — ведь Хорватия, когда-то имевшая независимое государство, по их мысли, заключила личную унию с Габсбургами и добровольно

¹⁰⁹ Существует мнение, что Драгутин Дмитриевич и возглавляемая им организация «Черная рука» были причастны и к убийству эрцгерцога Франса Фердинанда, послужившего поводом к началу Первой мировой войны. Об этом пишет, например, немецкий исследователь Лефельдт Вернер. См.: *Lehfeldt W. A Russian shadow over the assassination in Sarajevo // SLOVÈNE*. 2016. Т. V. №.1. PP.218–225.

¹¹⁰ См.: *Kolakovic Aleksandra. Road to Great War. Serbian Intellectuals and Austro–Hungarian Policy in the Balkans (1894–1914) // Serbian Political Thought*. №. 1/2014. Year VI. Vol.9. PP. 77–84.

выбрала в 1527 г. Фердинанда Австрийского своим королем. Подобная апелляция к принципам исторического права использовалась не только либеральными настроенными югославистами, но и сторонниками радикально-националистической идеологии «Великой Хорватии», утверждавшей, что на Балканах существует лишь один общий хорватский народ и задача политических лидеров Хорватии объединить его в одно независимое государство¹¹¹.

Использование принципов исторического права сыграло злую шутку с теоретиками югославизма. Несмотря на то, что они с уважением относились к культурным и национальным особенностям других народов Балканского полуострова, отсутствие у словенцев, словаков, румын, русинов и сербов государственной традиции в пределах империи автоматически ставило эти народы в подчиненное положение к хорватам, они рассматривались лишь как «довесок» к возможной возродившейся хорватской государственности. Об этом, например, свидетельствует союз между хорватскими югославистами и чешскими либералами в период конституционных реформ в империи (60-е гг. XIX в.). Выступая за федерализацию монархии на основе «исторического права земель» (речь идет о Чешском, Венгерском и Хорватском королевстве), они интересы других «негосударственных» народов попросту игнорировали и не учитывали всерьез¹¹². Хорватские югослависты признавали за сербами все гражданские права, свободу вероисповедания, право на занятие государственных должностей, однако требовали взамен полной лояльности хорватскому государству. Подобная расстановка сил вступала в противоречие с зарождающимися национальными идеологиями, кроме того именно в этот период происходит активное утверждение этнонимов «серб» и «хорват» (взамен региональных наименований «далматинец», «славонец» и т.п.). Конфликт между национализмом и либеральным югославизмом стал основным камнем преткновения, не позволившим реализовать югославянский проект до конца.

Однако возникший дуализм империи в соответствии с договором между Австрией и Венгрией (1867 г.), согласно которому хорватские земли признавались неотъемлемой частью Венгерской короны, что усилило процессы мадьяризации внутри них, нанес сильный удар по чаяниям югославистов. Однако, парадокс в том, что венские политики всегда рассматривали югославизм как противовес венгерскому влиянию и зачастую негласно поощряли славянских деятелей. Венгрия же, в свою очередь, видя в югославизме политического противника, всеми возможными способами пыталась ограничить развитие этого движения.

¹¹¹ Подробнее о великохорватизме как радикальной интеграционной идеологии см.: *Фрейдзон В.И.* История Хорватии. Краткий очерк с древнейших времён до образования республики (1991 г.). СПб., 2001. С.167–174; *Фрейдзон В.И.* Хорватский национальный радикализм (Великохорватская идеология) в 19 веке // *Славяноведение*. 1998. №5. С. 18–24; *Фрейдзон В.И.* Югославизм и «великие идеи» у хорватов и сербов монархии Габсбургов во второй половине 19 века // *На путях к Югославии: за и против*. М. 1997. С.201–229; *Освободительные движения народов Австрийской империи. Период утверждения капитализма*. М., 1981. С.161–164.

¹¹² Подробнее о союзе хорватов и чехов См.: *Фрейдзон В.И.* Югославизм и «великие идеи» у хорватов и сербов монархии Габсбургов во второй половине 19 века// *На путях к Югославии: за и против*. М. 1997. С.206–207.

В основе идей югославизма на разных этапах его существования лежал принцип взаимного сотрудничества и устранения национальных и культурных противоречий между балканскими народами (и прежде всего между сербами и хорватами). Создание общего культурного поля и формирование единого литературного языка виделось главной задачей на пути интеграции разрозненных славянских народов полуострова. Одними из главных популяризаторов югославизма стали хорватский епископ Йосип Юрай Штросмайер (1815–1905) и хорватский историк Франьо Рачки (1828–1894). Оба этих политика, выступая за усиление культурного сотрудничества и взаимодействия славянских народов, все же прочно стояли на принципах федеративного развития в рамках империи. Лишь после австро-венгерского соглашения 1867 г., испытывая разочарование из-за краха надежд на повышение политического статуса Хорватии, Штросмайер выразил готовность поддержать «борьбу Сербии и создаваемого ею балканского союза против Турции за присоединение Боснии к Сербии», а при возможном крахе Австрийской империи и вовсе был готов на создание федеративного государства под крылом Сербского королевства¹¹³. Однако, на наш взгляд, подобный разворот стоит воспринимать лишь как политический реверанс в сторону набиравшей силу Сербии, предопределенный изменением политической конъюнктуры. В конечном итоге этим планам не суждено было сбыться и Штросмайер остался верен австрийской короне.

Подробнее останавливаясь на взглядах Штросмайера, следует сказать о том огромном значении, которое он придавал устранению религиозных противоречий между южными славянами. Именно Штросмайер одним из первых выступил за расширение католического богослужения на старохорватском языке по глаголическим текстам, что позволило бы, по мысли епископа, возродить культурно-языковое родство и единство языка, господствовавшее в прошлом. Другим ключевым моментом концепции Штросмайера стало развитие идеи Людевита Гая о создании единого языка¹¹⁴ как средства межкультурного общения и объединения. Однако этот проект также вызвал сильное сопротивление националистически настроенных элит.

Несмотря на то, что в дальнейшем в Югославии сербскохорватский язык по факту стал единым для всей территории страны, на нем могли свободно изъясняться и понимать друг друга

¹¹³ См.: *Фрейдзон В.И.* Хорватский югославизм в 30–90-е годы XIX века // *Славяноведение*. 1998. №5. С.4.

¹¹⁴ Так известный теоретик иллиризма, хорват Людевит Гай (1809–1872) пытался создать общий «литературный язык» на основе распространенного штокавского диалекта, на котором говорило большинство сербов и боснийцев. Как пишет переводчик программной статьи Л.Гая «Наш народ» А.В. Мырикова выбор штокавского диалекта был обусловлен тем, что «Гай убедился, что кайкавское наречие, во-первых, не имеет литературной традиции, а во-вторых, — мало понятно другим ветвям сербохорватской народности». См.: *Мырикова А. В.* Статья Людевита Гая «Наш народ» // *SCHOLA* – 2013. Материалы Международной научной конференции «Политика в текстах — тексты в политике: наука истории идей и учений», 30–31 октября 2013 года. М., 2013. С. 153. Так же об этом См.: *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 г. СПб., 2017. С. 87; *Фрейдзон В.И.* Хорватский Югославизм в 30–90-е годы XIX века // *Славяноведение*. 1998. №5. С.5.

как сербы и хорваты, так и черногорцы, боснийцы и словенцы, дальнейшие тенденции, проявившиеся в XX в. после распада страны, и вылившиеся в выделение в каждой бывшей республике собственного языка (черногорского, боснийского и т.п.), стали иллюстрацией тех глубоко укоренившихся стереотипов и противоречий, которые так и не удалось преодолеть ни югославистам, ни коммунистам.

Вопреки тому, что Загребский университет и Югославянская академия наук и искусств, находившаяся в Загребе, долгое время были оплотами югославизма, на рубеже веков политическое лидерство на Балканах постепенно стало переходить к Сербии. Здесь обнажилась и другая проблема югославизма — сербские политики видели его совершенно не так, как хорватские идеологи и общественные деятели, а если рассматривать проблему в контексте всего югославянского ареала, то на лидерство в нем претендовали не только Сербия и Хорватия, но и Болгария. Таким образом, идея югославизма, удачно вписывающаяся во внешнеполитический курс молодого сербского государства, в конце XIX – начале XX в. становится обоснованием претензий Сербии на лидерство на Балканах. Кроме того, неудача либерально настроенных югославистов 60-х гг. XIX в. приводит к радикализации самой идеи, и распространению убеждения, что только насильем можно объединить страдающие под гнетом славянские народы.

Таким образом, рассмотрение моделей панславизма (австрославизм, югославизм), выработанных у западных и южных славян, позволяет выделить их следующие ключевые особенности. Во-первых, то, что стремление к объединению было продиктовано экономическим и политическим упадком славянских народов, лишившихся своей государственности. Тенденции мадьяризации, германизации и италянизации (в случае хорватов) представлялись славянским деятелям реальной угрозой. В данном историческом контексте создание панидеологий вновь становится идеологическим ответом на угрозы. Во-вторых, западные и южные славяне к моменту появления идей панславизма уже в течение долгого времени находились под властью других государств. Присущий славянским народам консерватизм, слабость политических институтов, а также экономическая неоднородность славянских земель предопределили стойкий легализм теоретиков панславизма, ориентацию на сотрудничество с правительством с целью повышения политического веса славянских территорий, усиления культурной и политической автономии в рамках империи Габсбургов. Отсюда и появляются идеи о федерализации Австрии, рухнувшие с установлением австро-венгерского соглашения и переходом к дуализму. Именно тогда намечается разворот представителей славянской интеллигенции в сторону России, как потенциального союзника в деле борьбы за возможную политическую независимость. Снижение доверия к австрийскому правительству, а также изменение исторического контекста, усложнение экономических отношений, вылившихся в увеличение разрыва между развитыми и отсталыми терри-

ториями империи, отразилось и на радикализации панславистских проектов в конце XIX – начале XX в., а также и на пересмотре роли России в этом процессе. Однако, по-прежнему, в большинстве проектов Россия рассматривалась как важный, но временный союзник в деле достижения собственных политических целей. В-третьих, ни австрославизм, ни югославизм не удалось реализовать в полной мере, что было предопределенно огромными противоречиями между самими славянами и нежеланием их отказаться от конкретных и сиюминутных в пользу долгосрочных наднациональных интересов. Даже создание государства Югославии нельзя назвать в полной мере эффективным воплощением идей югославизма, о чем говорят примеры коллаборационизма в годы Второй мировой войны, а также Балканские войны, захлестнувшие республики бывшей Югославии после распада страны в XX в. Тенденции к сецессии и распаду проявляются на Балканах и в наши дни (создание независимой Черногории в 2006 г., объявление о независимости Косово в 2008 г., «Македонский вопрос» в Греции и «Албанский вопрос» в Македонии). В-четвертых, механизмы формирования идентичности, использовавшиеся идеологами австрославизма и югославизма, объединяют эти идейно-теоретические комплексы с другими панидеологиями. Однако в данном случае создание единого языка, формирование общей литературы и культурного поля нашло серьезное противодействие со стороны национальных элит, не желавших поступиться собственными политическими целями. Идеи объединения использовались австрийскими славянами лишь для лоббирования собственных интересов, а интересы славянства часто отходили на второй план. С одной стороны, чувствуя общую судьбу, общее «горе» потери государственности, каждый славянский народ империи в то же время претендовал на лидерство в среде «угнетенного» славянства. Хорваты видели себя в авангарде объединения южных славян, с чем не могли примириться сербы. Чехи брали на себя роль инициатора федерализации империи, не беря в расчет интересы не только других славянских народов, но и румын и венгров, что, естественно, встречало противодействие с их стороны. Поляки, разделенные на три государства, изначально не верили в идею федерализации и мечтали о воссоздании независимой Польши. А австрийское правительство, в свою очередь, лишь поддерживало распри между славянскими народами. Политический торг с различными славянскими деятелями — вот то орудие, которое принесло Венскому кабинету результат, не позволило австрийским славянам выступить единым фронтом.

Тем не менее, идеи панславизма оказали огромное влияние на культурное возрождение славянских народов, на популяризацию национальной литературы, истории, стимулировало изучение собственных языков. Возможно, именно рост идей панславизма так и не позволил славянам австрийской империи окончательно раствориться под действием культурной и политической ассимиляции.

Раздел III. Появление и становление панславизма в России¹¹⁵

Возникновение и развитие панславистского идейно-теоретического комплекса в России разворачивалось несколько иначе, нежели чем у западных и южных славян. Несмотря на то, что впервые концептуально панславизм оформился именно у наших западных собратьев, именно в России панславизм нашел благодатную почву для развития и обретения своей политической формы. Славянская идея, глубоко укоренившаяся в русском общественном сознании, со временем начинает разделяться представителями разных общественно-политических сил, а различные тезисы «всеславянства» с завидной регулярностью воспроизводились как левыми, так и правыми, как либералами, так и консерваторами. Кроме того, идея славянской солидарности нашла поддержку и в широких народных массах, у простого народа, причем гораздо искреннее и шире, чем у тех же прародителей панславизма — чехов. О чем говорят, например, массовые случаи записи в добровольцы в годы Сербско-турецкой войны (1876—1877) или же Балканских войн (1912—1913 гг.), проявление солидарности с «братьями-славянами» в отечественной прессе тех лет, призывы к культурному и научному единению. В чем же были причины такого «успеха» панславизма в России? И как проходил процесс проникновения панславистских идей в нашу страну?

Впервые мысли о необходимости объединения славянства зазвучали в России еще в XVII в., и примечательно, что принадлежали они перу хорватского богослова и философа Юрия Крижанича (ок. 1617—1683), служившего при дворе русского царя Алексея Михайловича (1629—1676). В своем наиболее известном трактате «Политика», который по факту представлял перевод и осмысление ряда идей Аристотеля, Крижанич помимо прочего высказывает идею о культурной,

¹¹⁵ При написании данного раздела диссертации использованы результаты научных работ, выполненных автором лично и опубликованных ранее: *Болдин В.А.* Идеиные корни формирования нового славянского мировоззрения в начале XX в. // Вестник Российской нации. 2017. № 2. С. 256–263; *Болдин В.А.* Рупор нового славянского мировоззрения: журнал Славянский век (1900–1904 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2017. № 1. <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/789>; *Болдин В.А.* К вопросу о дихотомии «панславизм-неославизм» в отечественной науке // Геополитический журнал. 2017. № 2-3(18). С. 76–82; *Болдин В.А.* О дихотомии панславизм-неославизм в отечественной науке // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник материалов Седьмой международной конференции молодых ученых и специалистов «Сlio – 2017». М., 2017. С. 58–61; *Болдин В.А.* Несколько слов о дихотомии панславизм-неославизм в отечественной науке // Материалы Международного молодежного научного форума Ломоносов – 2017. [Электронный ресурс]. М., 2017; *Болдин В.А.* Журнал Славянский Век (1900–1904гг.) в контексте истории панславизма // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник материалов Пятой международной конференции молодых ученых и специалистов «Сlio-2015». М., 2015. С. 40–43; *Болдин В.А.* Журнал Славянский век (1900–1904гг.) в контексте истории панславизма // Материалы Международного молодежного научного форума Ломоносов – 2015. [Электронный ресурс]. М., 2015.

языковой и этнической близости славянских народов. Особую роль в деле объединения славян Крижанич возлагал на московского государя и на Россию как единственное сильное и независимое славянское государство. Все остальные славянские земли, считал он, в той или иной степени уже подверглись онемечиванию и поэтому неспособны самостоятельно возродить свое прежнее величие¹¹⁶. Развивая мысль о роли Московского царства в славянском деле, Крижанич обращается с призывом к русскому царю повести славянство за собой. Именно Россия и русский царь должны были помочь славянским народам вернуть утраченную государственность, при этом Крижанич не конкретизирует, каким образом Россия должна добиться этого. Более того, «встать во главе славянства», по Крижаничу, далеко не означало объединения все славянские земли под скипетром русского царя, а скорее наоборот, помощь России должна была носить безвозмездный и дружеский характер, воспринимаясь как особая и важная миссия.

Несмотря на активность Крижанича, его идеи так и не нашли отклик при русском дворе. В одном из исследований отмечены следующие причины этого: «Идеи предшественника панславизма в России, который не был ни русским, ни православным, при дворе Алексея Михайловича, а затем Федора Алексеевича Романовых так и не были востребованы. В частности из-за того, что Крижанич приехал в Россию в качестве католического проповедника, и его призыв к славянскому единству являлся во многом призывом к объединению православной и католической церкви»¹¹⁷.

Вскоре после того, как Крижанич покинул Россию в 1876 г., идеи славянской солидарности надолго исчезли из лексикона и умов отечественных мыслителей и политиков. Здесь нельзя не согласиться с А.Н. Пыпиным, который отмечал, что вплоть до эпохи Александра I о славянских народах вспоминали лишь в контексте просьб последних, обращенных к русскому правительству с целью найти защиту и покровительство¹¹⁸. Только изменение внешнеполитических условий, и в частности войны с Турцией, оживляли внимание к славянской проблеме, рождая дискуссии о роли России в славянском мире, «о возможном возрастании независимости этих родственных племен, о союзе с ним, о будущем могуществе славянского народа в соединении с Россией, под ее охраной и предводительством»¹¹⁹.

Ключевым фактором, предопределившим активизацию интереса к славянским народам в России, стала победа в войне с Наполеоном и участие российской армии в заграничных походах

¹¹⁶ Крижанич пишет: «На него (царя — В.Б.) обращены все взоры славянства, он один может собрать рассеянное стадо и вернуть человеческий вид народам, превращенным в скотское состояние влиянием иностранцев <...> но для того, чтобы сыграть роль в славянстве, Россия сама должна очиститься от греха “чужебесия”». Крижанич Ю. Политика. М., 1997. С. 231–232. Чужебесие же, по мысли Крижанича, заключалось в засилье иностранцев, копировании их образа жизни в укор собственным национальным традициям и нравам. Там же. С. 194–195.

¹¹⁷ Прокудин Б.А. Панславизм в истории политики и мысли России XIX века. М., 2018. С.32.

¹¹⁸ См.: Пытин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем. СПб., 1913. С. 75.

¹¹⁹ Там же. С. 76.

(1813–1814 гг.). Кроме того, не стоит забывать и о внутривнутриполитических процессах, либерализации внутренней жизни в эпоху реформ 60-70 гг. XIX в. в России, что также не могло не сказаться на росте интеллектуальных течений, заинтересованных передовыми европейскими идеями того времени. Хотя нужно оговориться, что возрастание внимания к славянской проблематике далеко не означало поддержку идеи «славянского единства» на государственном уровне. Скорее наоборот, официальный внешнеполитический курс, взятый Россией после победы над Наполеоном и ее участие в «Священном союзе» с Пруссией и Австрией, скорее противоречили идеям славянского объединения, ставящим под угрозу территориальную целостность союзников России. Этот факт еще раз опровергает тезис о панславизме как внешнеполитической доктрине русских монархов.

А вот русская интеллигенция и мыслящие слои общества далеко не всегда разделяли внешнеполитическую ориентацию правительства. Охваченная национальным подъемом после победы в войне 1812 г., увлекавшаяся передовыми и популярными идеями А.И. Гердера, А.Л. Шлегера и П. Шафарика, бывшим близким другом многих отечественных общественных деятелей, русская интеллигенция подхватывает идеи о культурной и национальной самодостаточности и самобытности славянского племени. Как отмечает Г.В. Рокина, работы Шафарика открыли русскому взору удивительный и ранее неизведанный мир славянства, с которым Россия составляла единое и неделимое целое. Из всего из этого вытекало то, что российское общественное мнение трактовало славянский вопрос «прямо противоположно тому, как он рассматривался в официальной внешнеполитической доктрине России — участнице Священного союза»¹²⁰.

Интересный вектор исследования зарождения панславизма в России был предложен Б.А. Прокудиным, который сосредоточил внимание на влиянии масонских лож на распространение идей панславизма, и на тех последствиях, которые данный факт имел для развития славянской идеи в России. Автор отмечает, что после Наполеоновских войн масонские ложи вновь начинают обретать популярность в России и именно в них впервые и стал подниматься «славянский вопрос». Прокудин пишет: «В 1818 г. была основана ложа «Соединенных славян» (фамилии членов русские и польские). Точнее говоря, в России мысль о славянской солидарности зародилась в масонской ложе «Соединенных славян» и декабристском обществе с тем же названием, выдвигавшем идею федерации славянских республик»¹²¹.

Упомянутое «Общество соединенных славян» было создано в 1823 г. Согласно его уставу, главной целью провозглашалось «введение чистой демократии в России, которая устраним не

¹²⁰ Рокина Г.В. Теория славянской взаимности в истории словацко-русских культурных связей XIX в.: дис. ... д-ра ист. наук. Йошкар-Ола, 2005. С. 99.

¹²¹ Прокудин Б.А. Панславизм в истории политики и мысли России XIX века. М., 2018. С.33.

только сам титул монарха, но и дворянство, как и другие сословия, и объединит их в одно сословие — граждан». Особый интерес, представляет собой клятва, выражающая твердость намерений участников общества и произносимая неопитами при вступлении в него: «Пройду тысячи смертей, тысячи препятствий, — пройду и посвящу последний вздох свободе и братскому союзу благородных славян»¹²².

Ряд членов общества в дальнейшем принял активное участие в подготовке и проведении декабристского восстания на Сенатской площади (1825 г.). Восстание декабристов оставило неизгладимый след на всей дальнейшей общественно-политической жизни в России. По мысли Г.В. Рокиной, «последствия выступлений 14 декабря имели и “славянский аспект”. Когда стала известна причастность декабристов к организации “Общества соединенных славян”, меняется отношение официальной России к значению славянского вопроса в общественной жизни»¹²³. Отталкиваясь от вышесказанного, можно предположить, что декабристское восстание, а также наличие масонского следа в «славянском вопросе», убедили императора Николая I в опасности «идеи славянской солидарности», подтвердив его решимость следовать выбранному внешнеполитическому курсу. Действительно, в годы царствования Николая I славянский вопрос отодвигается на периферию политического спектра и «даже во время Турецкой войны 1828 г., когда русские солдаты и офицеры воочию увидели бедствия южных славян, из-за действий цензуры эти впечатления не оказали заметного воздействия на общественное мнение»¹²⁴.

Но как не парадоксально, несмотря на игнорирование славянского вопроса со стороны официальных властей, именно в эпоху правления Николая I зародился интерес не только к панславизму, но и славянским исследованиям. Об этом в частности упоминает и известный русский философ Н.А. Бердяев¹²⁵. И первое, по-настоящему концептуальное воплощение, славянская идея находит в мировоззрении славянофилов.

Появление концепции славянской взаимности, предложенной славянофилами приходится на период 40-х гг. XIX в. Однако стоит отметить, что собственно «славянофилом» себя впервые

¹²² Цит. по: *Йосифова Бригита*. Декабристы. М., 1983. С. 82, 83.

¹²³ *Рокина Г.В.* Теория славянской взаимности в истории словацко-русских культурных связей XIX в.: дис. ... д-ра ист. наук. Йошкар-Ола, 2005. С. 103.

¹²⁴ *Прокудин Б.А.* Панславизм в истории политики и мысли России XIX века. М., 2018. С.36. В данном контексте крайне показательны рукописные заметки императора на полях ответов И.С. Аксакова на вопросы III отделения Его Величества канцелярии: «...под видом участия к мнимому утеснению славянских племен таится преступная мысль о восстании против законной власти соседних и отчасти союзных государств и об общем соединении, которого ожидают не от Божьего произволения, а от возмущения, губительного для России!.. И мне жаль, потому что это значит смешивать преступное с святым». *Аксаков И.С.* Вопросы, предложенные Ивану Сергеевичу Аксакову III-м отделением // Быть России в благоденствии и славе: Послания великим князьям, царям, императорам, политическим деятелям о том, как улучшить «государственное устройство». М., 2002. С.348. И далее: «...Один Бог может определить, что готовится в дальнем будущем; но ежели бы стечения обстоятельств и привели к этому соединению (славянских народностей с русской. — В.Б.), то оно будет на гибель России». Там же. С. 353.

¹²⁵ См.: *Бердяев Н.А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. М., 2000. С. 22.

назвал на рубеже 1845–1846 гг. К. С. Аксаков (1817–1860)¹²⁶, до этого как самоназвание этот термин не применялся. Предшественниками же движения «славянофилов» по праву можно считать участников кружка¹²⁷, сложившегося в самом начале XIX в. вокруг адмирала Александра Семеновича Шишкова (1754–1841), ставшего затем Президентом Российской академии (1818 г.) и Министром народного просвещения (1824–1828 гг.), и писателя Сергея Тимофеевича Аксакова (1791–1859) — отца будущих «славянофилов» Константина и Ивана. Члены кружка выступали за архаизацию русского языка, были убежденными противниками изменений русского литературного стиля, предпринятой сторонниками реформирования русского языка во главе с историком и литератором Николаем Михайловичем Карамзиным (1766–1826)¹²⁸.

Как отмечает польский историк философии Анджей Валицкий, возглавляемое Шишковым и поэтом Гавриилом Романовичем Державиным (1743–1816) литературное общество «Беседа любителей русского слова» (1811–1816) выступало не только в защиту «старого стиля», но и стояло на позициях консерватизма и национализма, с их требованиями самобытности и народности литературы. В свою очередь, защита вытесняемого из литературы церковнославянского языка была напрямую связана, по мнению «шишковистов», с борьбой против секуляризации, а борьба с галлицизмами переходила в «галлофобию уже политического свойства»¹²⁹.

Выстраивая свою концепцию славянской взаимности, славянофилы многое заимствовали из немецкой идеалистической философии. Во-первых, они опирались на философско-теоретические построения немецкого философа Г.В.Ф. Гегеля (1770–1831), который имел огромную популярность в среде русской интеллигенции. За основу славянофилы взяли идею Гегеля о том, что каждому народу присуще некое абсолютное «начало». Именно раскрытие сущности и содержания этого «начала» и составляет историю народа. Как отмечает Б.А. Прокудин, «подобная мировоззренческая позиция, опираясь на традиционное сознание, вела к тому, что всякая нация, государство, или просто историческая общность имеет некий изначальный иррациональный генезис и априорную метафизическую “подкладку”. В нашем случае подразумевалось, что славянский “дух”, выражаясь в стиле Гегеля, сущность которого составляют единый язык и христианство, влечет разрозненные народы к объединению, а мешают этому лишь коры-

¹²⁶ Об этом, например, пишет отечественный историк Н.И. Цимбаев. См.: *Цимбаев Н.И.* Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986. С. 31.

¹²⁷ Некоторая терминологическая путаница возникает и из-за этого, что известный литературный критик, оппонент «славянофилов» В.Г. Белинский, обвиняя в ретроградстве, отождествлял их то с «шишковистами», то с «консерваторами», осознанно стирая линию демаркации между разными общественно-политическими идеологиями. Об этом, например, пишет А.А. Тесля. См.: *Тесля А.А.* Россия и «другие» в представлениях русских консерваторов // Тесля А.А. Русские беседы: лица и ситуации. М., 2018. С.81–82.

¹²⁸ См.: *Шириняц А.А., Мыркова А.В.* Введение к исследованию истории и идеологии панславизма XIX века. М., 2010. С.18–19.

¹²⁹ См.: Славянофильство и западничество: консервативная и либеральная утопия в работах Анджея Валицкого. Выпуск 2. М., 1992. С.41.

стные интересы, злой умысел или историческая недалёковидность политиков»¹³⁰. Стоит, однако подчеркнуть, что славянофилы не только творчески переосмыслили Гегеля, но порой даже и критиковали немецкого философа¹³¹.

Еще одним идейным вдохновителем славянофилов становится немецкий философ Фридрих Шеллинг (1775–1854). При этом славянофилы критически переосмысливали философскую систему немецкого идеалиста, выстраивая на ее основе собственные оригинальные положения. В преломлении славянофилов идеи Шеллинга могут служить не только основой национальной философии, но и инструментом критики рационализма¹³². Также у славянофилов можно проследить и духовное влияние немецкого романтизма, в частности Гердера. Но в силу того, что славянофильство оформляется лишь в 40-е гг. XIX в., к этому времени философия Гегеля и Шеллинга вытесняет по популярности романтизм Гердера.

Но еще раз стоит особо отметить, что философская база славянофильства не предопределялась сугубо идеями гегельянства или шеллингианства, а была оформлена под влиянием общего модного тогда круга идей немецкой идеалистической философии¹³³.

Еще одним отличительным признаком славянофильства стал отстаиваемый ими тезис о непреодолимости противоречий между носителями «византийской», «восточно-христианской» культуры и представителями «римской», «западно-христианской» цивилизационной матрицы. Позже американский политолог С. Хантингтон назовет данное явление «столкновением цивилизаций»¹³⁴. Источник всех бед Запада славянофилы видели в распространении рационализма, выросшего из католической схоластики. Заменяв духовность на вещественность, «внутреннюю правду» на начала юридического авторитета, рационализм привел Европу к духовному кризису и как следствие — к государственным переворотам и революциям. В свою очередь православ-

¹³⁰ Прокудин Б.А. Панславизм в истории политики и мысли России XIX века. М., 2018. С.20.

¹³¹ Тем не менее, существует и другая точка зрения, например, немецкий философ Б. Гройс утверждает о неоригинальности выводов славянофилов по отношению к немецкой философии. Такая точка зрения, на наш взгляд, представляется неоправданной. См.: Гройс Борис. Поиск русской национальной идентичности // Россия и Германия: опыт философского диалога. М., 1993. С. 30–53.

¹³² О влиянии Шеллинга на славянофилов подробно пишет Н.О. Лосский. См.: Лосский Н.О. История русской философии. М., 1991. С.10–49. Также см.: Penchev V. The Slavic idea and the origin of Bulgarian folklore studies // Traditions. Vol.40. №2. P. 100.

¹³³ Существует и иная точка зрения на данный вопрос. А.Тесля утверждает, что воззрения славянофилов формируются отнюдь не под влиянием Гегеля: «обращение даже к обзорным работам по истории славянофильства могло сообщить автору, что формирование воззрений А.С. Хомякова и И.В. Киреевского (обмен их в 1839 г. текстами «О старом и новом» и «Ответ А.С. Хомякову» традиционно принято считать за начальную дату образования славянофильства) происходит независимо от гегелевской философии, оказавшей серьезное воздействие на молодых Ю.Ф. Самарина и К.С. Аксакова. Во многом именно со споров Хомякова с Самаринным о Гегеле и опровержения опытов Самарина в приложении философии последнего к православию начинается соединение двух поколений московских национально настроенных дворян в «московское направление». Тесля А.А. Русский панславизм: от культурного к политическому и обратно: рецензия на книгу Бориса Прокудина // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т.11. №2. С.183.

¹³⁴ См.: Huntington, Samuel P. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. Vol. 72. № 3. Summer 1993. pp. 22–49.

но-славянский мир не подвергся влиянию рационализма, «второго грехопадения человечества», сохранив в чистоте христианскую религию¹³⁵.

Но было бы ошибочно думать, что славянофилы мыслили себя в отрыве от Европейской цивилизации и культуры. Как верно отмечает А.А.Тесля, «славянофилы принадлежали, пожалуй, к первому вполне европеизированному поколению», и европейская культура была для них тем, вне чего они себя не мыслили, в чем они выросли¹³⁶. Недаром журнал И.В. Киреевского (1806–1856), одного из отцов-основателей славянофильства, носил название «Европеец». Для славянофилов быть «европейцем» означало быть «русским», «французом», «немцем», так как не существует «универсального европейца», универсальной культуры. Не зря Г.А. Ильинский называет славянофила А.С. Хомякова «великим эмансипатором», главным поборником индивидуальной свободы, который в отличие от «западников» был более последовательным гуманистом, не ограничиваясь отстаиванием духовной и политической свободы человека как индивидуальной личности, а распространил принцип свободы на всю коллективную личность — народность. Именно Хомяков кажется Ильинскому настоящим либералом, развенчавшим мифы об универсальности западной культуры и несостоятельности культуры национальной¹³⁷.

В целом взгляды славянофилов представляли собой глубокую и самобытную философию, идея славянского единства в которой занимала особое место. Однако многие русские панслависты начала XX в. критиковали славянофильство за излишний мистицизм, отсутствие четкой политической ориентации, видя в нем скорее мировоззрение, нежели политическую идеологию, способную решить славянский вопрос. Но в то же время никто не отрицал огромного гуманистического потенциала славянофильства, впервые позволившего взглянуть не только на Россию, но и на все славянство как на уникальный и особый культурно-исторический тип, обладающей собственной логикой развития, своими сильными и слабыми чертами. Не стоит упрекать славянофильство за излишнюю романтизацию славянства и его социально-психологических черт, подобный идеализм в принципе был свойственен многим общественно-политическим движениям и мировоззрениям того времени. Главное, что именно славянофилы популяризировали славянскую идею, сумев доказать важность изучения культуры братских по менталитету, культуре и языку славянских народов и их сплочения. Этим был обеспечен рост популярности славянских исследований в науке, а также возрастание общественного интереса к

¹³⁵ См.: Прокудин Б.А. Панславизм в истории политики и мысли России XIX века. М., 2018. С.21; Тесля А.А. Россия и «другие» в представлениях русских консерваторов // Тесля А.А. Русские беседы: лица и ситуации. М., 2018. С.90–91.

¹³⁶ См.: Тесля А.А. Россия и «другие» в представлениях русских консерваторов // Тесля А.А. Русские беседы: лица и ситуации. М., 2018. С.94.

¹³⁷ Ильинский Г.А. Великий эмансипатор (А.С.Хомяков) // Славянский век. 1901. Вып.18. С.4–8.

политическим и социальным проблемам славян, которые начинают восприниматься в российском общественном сознании как члены общей славянской семьи.

Идеи славянофилов о славянском сотрудничестве и объединении подхватили разные «партии» — начиная от русских социалистов (А.И.Герцен), анархистов (М.А. Бакунин) и заканчивая почвенниками (Ф.М. Достоевский) и либералами (В.А.Маклаков). Но все-таки идея славянского единства для указанных авторов была не основной, а скорее дополняющей их собственные политические концепции. Наивысшее же свое оформление русский панславизм, на наш взгляд, нашел в работах М.П. Погодина (1800–1875), Ф.И. Тютчева (1803–1873), Н.Я. Данилевского (1822–1885), В.И. Ламанского (1833–1914). Подробному освещению социально-политических взглядов и панславистских программ данных мыслителей посвящены многие исследования¹³⁸. В нашем случае подробное обращение к работам этих авторов сознательно опускается, взамен обобщающим выводам об общих чертах русского панславизма.

Еще раз необходимо подчеркнуть тот факт, что в «истории развития панславистских идей в России были различные периоды, когда они то становились популярными, то забывались, запрещались правительством или наоборот использовались для оправдания тех или иных внешнеполитических действий¹³⁹. Поэтому было бы методологически неверно отождествлять русский панславизм с теми или иными официальными доктринами. Панславизм то находил поддержку в высших эшелонах власти, когда возникала благоприятная политическая ситуация и это могло сыграть на руку правительству, то наоборот, объявлялся опасной тенденцией. Зачастую идеологи и теоретики панславизма, особенно в начале XX в., находились в оппозиции к правительству. Поэтому о единстве взглядов на панславизм в разные исторические периоды со стороны представителей государства не может быть и речи. В свою очередь взгляды панславистов на различные социально-политические и экономические проблемы также различались, что позволяет сделать вывод о том, что никакого единого консолидированного «панславистского» движения в России не было. Особенно споры между панславистами усилились в начале XX в., когда стремительно модернизирующаяся Россия стояла на перепутье и стремилась дать ответы на вызовы новой эпохи.

Однако русский панславизм можно подвергнуть определенной классификации, исходя из основных целей и задач, которые ставили перед собой его теоретики, а также методов объедине-

¹³⁸ См.: *Шириняц А.А.* Русский хранитель: политический консерватизм М.П. Погодина. М., 2008; *Мырикова А.В.* Политические идеи Ф.И. Тютчева. М., 2004; *Аринин А.Н., Михеев В.М.* Самобытные идеи Н.Я. Данилевского. М., 1996; *Пивоваров Ю. С.* Николай Данилевский в русской культуре и мировой науке // Мир России: социология, этнология. 1992. № 1. С. 163–216; *Шириняц А.А., Гудков А.Д.* Политические портреты: Владимир Иванович Ламанский // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2001. № 1. С. 94–119; и др.

¹³⁹ См.: *Прокудин Б.А.* Панславизм в истории политики и мысли России XIX века. М., 2018. С.31.

ния славян, видевшихся для них наиболее приемлемыми. Наиболее подходящая и систематизированная классификация в свое время была представлена А.А. Ширинянцем: «В рамках русского панславизма можно выделить “культурное” и “политическое” направления. “Культурный панславизм” развивал идеи о полезности для всех славян введения в их письменность славянской азбуки (кириллицы), о необходимости принятия всеми славянами единого литературного языка, которым должен был бы стать русский язык. “Политический панславизм” создавал проекты политического объединения славян, в которых России отводилась роль не только объединителя, но и гегемона. Эта ветвь панславизма существовала в нескольких вариантах, одни из которых можно обозначить как “революционные” или “радикальные”, другие — как “консервативные” или “имперские”»¹⁴⁰.

В наше время наиболее дискуссионным моментом, касающимся русского панславизма, становится вопрос об определении сущности панславизма в начале XX в. В отечественной науке четко прослеживается следующая дихотомия — в начале XX в. панславизм качественно переродился в совершенно новое идейно-политическое течение «неославизм», на корню порывавшее с взглядами предыдущих поколений российских панславистов. Российский исследователь З.С. Ненашева отмечает: «Неославизм — это общеславянское движение, появившееся на арене большой политики в начале XX века. Лидеры и сторонники этого движения пытались сформулировать наднациональную общеславянскую программу. В её основу была положена идея славянской общности как интегрирующей силы, призванной обеспечить не только самосохранение, но и дальнейший расцвет славянства в качестве своеобразной этнополитической и этнокультурной общности»¹⁴¹. По мнению Ненашевой, концептуальным отличием неославизма, зародившегося в кругах чешской национальной буржуазии, было то, что сторонники «нового славянского мировоззрения» стремились «отделить сотрудничество славянских народов в сфере культуры и экономики от политических связей, найти подходы к решению наболевших вопросов — польского и македонского, при непосредственном участии славянской политической элиты и на провозглашенных ею началах равноправия»¹⁴². В одной из своих статей другой отечественный исследователь О.В. Павленко приходит к оригинальному выводу о том, что панславизм по своей сути есть «европейский феномен». Автор разделяет точку зрения американского историка Л. Снайдера на то, что панславизм был проявлением «макронационализма в Европе». Павленко подчеркивает, что «истинный панславизм» зародился скорее в западнославянских странах, пытавшиеся с помощью идеологии «всеславянства» решить свои собственные нацио-

¹⁴⁰ Ширинянец А.А. Русский хранитель: политический консерватизм М.П. Погодина. М., 2008. С. 75.

¹⁴¹ Ненашева З.С. Братья славяне // Родина. 2006. №4. С. 60.

¹⁴² Ненашева З.С. Идейно-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX в. М., 1984. С.67; Ненашева З.С. Под лозунгом равенства. Расцвет и увядание неославизма // Родина. 2001. №1. С.131–133.

нальные задачи, «компенсируя сознание собственной малочисленности уже тем, что за ними стоит сила 80-ти миллионного славянства»¹⁴³. Именно *концептуальные* отличия в трактовках панславизма, а также «острая конкуренция между различными славянскими центрами» в принципе не позволяют, на взгляд Павленко, говорить о преемственности или идейной гомогенности панславизма. О концептуальном разрыве нового поколения панславистов XX в. со сложившейся традицией русского панславизма утверждают в своих работах и Я.В. Вишняков, А.Н. Сквозняков¹⁴⁴.

Но, на наш взгляд, именно отсутствие гомогенности внутри панславизма как раз и говорит о том, что этот идейно-теоретический комплекс трансформировался и эволюционировал, породил различные интерпретации и подходы, в тоже время, оставаясь в рамках некой базовой традиции. В связи с этим удачным представляется мнение А.А. Григорьевой о соотношении понятий «панславизм-неославизм», которое было дано в недавнем ее исследовании: «“Камнем преткновения” в понимании сущности славянской идеологии является также вопрос о разграничении понятий “панславизм” и “неославизм”. В отечественной и зарубежной исторической науке принято считать, что к началу XX в. панславянская идея трансформировалась в “неославизм”, который стал формой размежевания славянского движения на рубеже XIX–XX вв. и ранних российских славянофилов и панславистов»¹⁴⁵.

¹⁴³ Павленко О.В. Панславизм и его модели // Новая и новейшая история. 2016. №5. С.10. Павленко приходит к заключению, что панславизм в XIX – XX вв. в России и других славянских странах развивался разными путями. «Его adeptов объединяла лишь идея исторической общности славянских народов и особой цивилизационной миссии славян в европейской истории. “Истинный панславизм”, “имперский панславизм” (преобладавший, по мнению Павленко, в российской социально-политической мысли — В.Б.), “имитационный панславизм”, “австрофильский панславизм” различались по целям, интересам, ценностным ориентирам, геополитическим мотивам и социальным коммуникациям». Павленко О.В. Панславизм и его модели // Новая и новейшая история. 2016. №5. С.15.

¹⁴⁴ См.: Вишняков Я.В. «Подальше от нашего порога». Съезд славянских журналистов в Белграде 1911 года // Родина. 2011. №8. С.137–138; Сквозняков А.Н. Македония в конце XIX-начале XX века — яблоко раздора на Балканах. Самара: Самар. гуманитар. акад., 2010.

¹⁴⁵ Григорьева А.А. Панславизм: идеология и политика (40–е годы XIX – начало XX века). Иркутск, 2013. С.45. Интересным представляется заочная дискуссия между А.А. Григорьевой и З.С. Ненашевой. Подмечая тот факт, что Ненашева исходит из убеждения, что панславизм к началу XX в. претерпел коренные трансформации, Григорьева пытается опровергнуть подобные выводы. Для лучшего понимания развернувшейся полемики представляется уместным привести обширную цитату: «Во-первых, за принципиально новый З.С. Ненашева выдала панславистский лозунг “Свобода, равенство, братство!”, хотя он звучал еще на Пражском съезде в 1848 г. и был признан основополагающим условием объединения славян. Данное недоразумение возникло по причине отказа автором от сравнительного анализа панславизма и т.н. неославизма. Во-вторых, З.С. Ненашева, признавая политическое содержание неославизма, тем не менее, переместила акценты на экономику и культуру, что вряд ли правомерно. В-третьих, констатация факта внешнеполитической переориентации славянских теоретиков, например, младочехов на Россию не являлась стратегией, но отражала исключительно тактический ход. Он был вызван опасностью “растворения” славянства среди количественно доминирующих этносов Австро-Венгрии, ставшей уже унижительной национальной ролью “младшего брата” и с нарастанием германской экспансии. Поэтому переориентация западных и южных славян на Россию и царизм являлась выбором наименьшего из “двух зол” и потому не может рассматриваться как показатель трансформации панславизма, тем более что подобная практика имела место и ранее». Григорьева А.А. Панславизм: идеология и политика (40–е годы XIX – начало XX века). Иркутск, 2013. С.45. Примечателен и тот факт, что федералистские проекты объединения славян, которые иногда пытаются представить как «новшества» неославистов, в этот период развивал и русский геополитик Иван Иванович Дусинский (1879–1919), далекий от однозначного одобрения «неославизма». Взгляды Дусинского, которого скорее относят к «политическому направ-

На наш взгляд, более обоснованной представляется точка зрения, согласно которой «неославизм» есть лишь одна из форм панславизма, претерпевшего существенные изменения в начале XX в.. Учитывая тот факт, что панславизм никогда не являлся цельным идеологическим конструктом, имел различные интерпретации (как на разных этапах своей эволюции, так и у разных славянских народов), дихотомия «панславизм» — «неославизм» кажется, по меньшей мере, неоправданной. Применение методов компаративного анализа и политической текстологии (особенно введение в научный оборот ранее не исследованных источников) позволяет преодолеть сложившуюся в отечественной науке дихотомию, которая является, по нашему мнению, следствием господствовавшей долгое время марксистской методологии, которая трактовала «панславизм» сугубо как реакционную идеологию, а «неославизм» рассматривался на его фоне как «демократическое и освободительное» движение. Однако подобные выводы представляются упрощением, а отрицание генетической связи между «панславизмом» и «неославизмом» приводит мысли о «разрыве» в идеях между поколениями панславистов, что является, конечно же, преувеличением.

Современный анализ источников позволяет говорить о том, что социально-политические взгляды сторонников «неославизма» были крайне неоднородны. Многие из тех, кто идентифицировал себя с этим движением, считали себя последователями отечественных традиций панславизма (например, признавая себя учениками В.И. Ламанского или Н.Я. Данилевского), а в неославизме видели продолжение «истинного славянофильства» (так считал, например, Г.А. Ильинский). Во-вторых, нельзя говорить о том, что все неослависты отказывались от политических

лению русофильского консервативного панславизма», отличались более явным акцентом на ведущую роль Российской империи в деле объединения славян, как одной из главных геополитических целей нашего государства. Другой наиболее известный проект славянской федерации под главенством России был представлен на страницах журнала «La Revue Slave» в 1906 г., и предполагал: полное равенство религиозных конфессий в будущем «Славянском союзе», равенство всех славянских народов в национальном, цивилизационном и экономическом аспекте, создание действенных автономий и таможенного союза между элементами федерации, а также полное равноправие неславянских народов и агломераций. Однако нельзя утверждать, что в истории русского панславизма ранее не было предложений о создании союзов между славянскими народами, например, можно вспомнить проект «Дунайского союза» М.П. Погодина или неопубликованную статью В.И. Ламанского «Славянский союз». Безусловно, панслависты начала XX в. были знакомы с проектами своих предшественников. См.: *Ковтуненко М.К.* Концепция политического панславизма И.И. Дусинского: дис. ... канд. полит. наук. М., 2015. С.119; *Ковтуненко М. К.* Развитие панславизма в Российской Империи в начале XX века // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, отечественной и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник тезисов докладов участников Третьей международной конференции молодых ученых и специалистов «Сlio–2013». М., 2013.С. 184–189; *Ковтуненко М.К.* Концепция политического панславизма И.И. Дусинского // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 3. С. 222–227; *Смолин М. Б.* Панславистский политический теоретик в истории русской геополитики // Дусинский И. И. Геополитика. М., 2003. С. 5–22; *Кострикова Е.Г.* Геополитические интересы России и славянский вопрос: Идеиная борьба в российском обществе в начале XX века. М., 2017. С 87; *Шириняни А. А.* Проект «Дунайского союза» М.П. Погодина // SCHOLA–2006: Сборник научных статей философского факультета МГУ. М., 2006. С.91–97; *Прокудин Б. А.* Неопубликованная статья В.И. Ламанского «Славянский союз» // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, отечественной и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник тезисов докладов участников Третьей международной конференции молодых ученых и специалистов «Сlio–2013». М., 2013. С. 339–345.

целей и задач, стремясь придать движению аполитичный характер. Об этом свидетельствуют попытки выработать политические программы, издание журналов, проведение многочисленных съездов и встреч. Тот факт, что программы панславистов в начале XX в. носили размытый, нечеткий характер, не говорит о том, что политический смысл в них отсутствовал. Скорее это было общей слабой чертой всех панславистов, ориентирующихся, так или иначе, на продолжение заветов русского культурного панславизма. Хотя и здесь были исключения (например, достаточно проработанный проект «славянской федерации» И.И. Дусинского). Таким образом, «неославизм» представляется лишь продолжением, расширением панславизма за счет использования новых методов интеграции и переформатирования политического языка¹⁴⁶.

Говоря о западных трактовках и определениях сущности панславизма в начале XX в., небезынтересно обратиться к исследованию специалиста Лейбницского института восточной и юго-восточной Европы (Регенсбург, Германия), профессора Катрин Боекх. Она отмечает, что в конце XIX в. русский панславизм действительно трансформировался под влиянием процессов модернизации и индустриализации, охвативших Российскую империю. Обновленный «неопанславизм» (Neo-Pan-Slavism) или «неославизм» (Neo-Slavism) более не настаивал на доминирующей роли России в славянском мире, переместив акцент на противодействие немецкой гегемонии и возрастанию пангерманизма. Основными угрозами «неослависты» видели деятельность таких прогерманских обществ, как «Пангерманский союз» (the Alldeutscher Verband), «Общество Густава-Адольфа» (the Gustav-Adolf-Verein), «Общество по защите немецкого языка» (the Allgemeiner Deutscher Schulverein). Основными представителями «неославистов» профессор Боекх называет члена государственной Думы Российской империи Владимира Алексеевича Бобринского (1868–1927), чешского политика и общественного деятеля Карела Крамаржа (1860–1937), русского общественного деятеля и журналиста Дмитрия Николаевича Вергуна (1871–1951). Но главным выводом немецкого специалиста становится акцентирование внима-

¹⁴⁶ Схожего мнения придерживается и отечественный политолог Б.А. Прокудин. В своем исследовании, посвященном идее славянского единства в политической мысли России, он утверждает, что нельзя проводить четкую линию демаркации между панславизмом в XIX и в начале XX вв. «Идеологи славянского единства в последнее десятилетие XIX - начале XX в. вернулись к тому, с чего начинали “первооткрыватели” славянского мира, ученые слависты первой половины XIX в. — к деятельности по укреплению культурных связей «всех славянских народностей», к “культурному панславизму”». Прокудин Б.А. Панславизм в истории политики и мысли России XIX века. М., 2018. С.129. В данной связи можно вспомнить и точку зрения известного отечественного специалиста в области славистики В.А. Дьякова, который отмечал, что «буржуазно-националистический неославизм являлся по своей сути несомненным преемником идеологии левого крыла пореформенного славянофильства». Дьяков В.А. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М., 1993. С.148. В схожем ключе высказывался и отечественный историк-болгарист Б.Н. Билунов, который отмечал, что «славянские одежды» буржуазных партий в начале XX в. (например, кадетов), легко объясняются тем, что по сути неославизм — это буржуазная адаптация славянофильства, а славянские лозунги были использованы для привлечения «демократических слоев научной интеллигенции». Билунов Б.Н. Русское славянофильство и болгарское национальное движение // Болгария и Россия: Сборник трудов Б.Н. Билунова. М., 1996. С. 105. Эти небезынтересные выводы также позволяют говорить об органической связи панславизма и неославизма.

ния на факте модификации панславизма под влиянием социально-экономических процессов в России и в мире, а не на появлении кардинально новой идеологии¹⁴⁷.

Несмотря на всю кажущуюся различность между взглядами представителей поколений русских панславистов, теоретики панславизма в начале XX в. вполне четко заявляли о том, что они являются продолжателями дела «истинного славянофильства». Так, например, Илья Владимирович Каменский (1875–?), открыто называя себя «нео-славянофилом»¹⁴⁸ и «панславистом»¹⁴⁹, и был убежден, что его программа нисколько не противоречит истинному славянофильству, что в ней нет мистицизма старой славянофильской школы, с одной стороны, и, с другой, — нет той нетерпимости ложных славянофилов (иначе «квасных патриотов»), которая может быть выражена тремя словами: «обрусить», «оправославить», «обюрократить»¹⁵⁰.

Другой известный русский славист, также входивший в круг журнала «Славянский век», Григорий Андреевич Ильинский (1876–1937), с одной стороны, «признавая утопичность идей ранних славянофилов, фантастичность и политическую ангажированность их последователей»¹⁵¹, с другой — находил идеи славянофильства крайне плодотворными для умственного развития русского общества, отмечая положительную роль некоторых славянофильских деятелей. Более того, Ильинский, будучи учеником В.И. Ламанского, был уверен в том, что основной принцип славянофильства — политическая и духовная эмансипация славянского племени от других — остается актуальным и в начале XX века¹⁵². Действительно, сами неослависты не лишали его политического содержания, наоборот, подчеркивали политики важность в современных им условиях¹⁵³.

¹⁴⁷ *Boeckh K.* The rebirth of Pan-Slavism in the Russian empire, 1912–13 // *Boeckh K., Rutar S.* The Balkan Wars from Contemporary Perception to Historic Memory. Palgrave: Basingstoke. 2016. pp. 108–109.

¹⁴⁸ Интересен тот факт, что, по мнению издателя журнала «Славянский век» Д.Н. Вергуна, название «неославянофильство» было использовано газетой «Санкт-Петербургские ведомости» при напаках на порожденное «Славянским веком» движение и лично на самого Вергуна. Однако сам Вергун отнюдь не считает его негативно окрашенным, также как и термин «панславизм», взамен которому некоторые предлагают использовать «великославизм». Для Вергуна подобная игра терминами не более чем схоластика, от которой стоит отказаться. Главным же остается то, какое содержание вкладывается в них. См.: *Вергун Д.Н.* От редактора // *Славянский век.* 1904. Вып.82. С.293.

¹⁴⁹ Панславизм Каменский определял как «идею самобытности и равноправного общения соплеменных славянских народов для улучшения своей культурной и политической жизни». Именно поэтому всякая тенденциозность и нетерпимость должна быть чужда истинным панславистам. См.: *Каменский И.В.* Славянская идея и клерикализм // *Славянский век.* 1901. Вып. 24. С.9.

¹⁵⁰ *Каменский И.В.* Тезисы панславизма // *Славянский век.* 1903. Вып. 59. С. 323–324.

¹⁵¹ *Лантева Л.П.* Г.А. Ильинский о славянофильстве // *Славянский альманах* 2012. М., 2013. С.177.

¹⁵² *Там же.* С.179.

¹⁵³ Однако не всем общественным деятелям той поры пришелся по вкусу новый термин и желание отмежеваться от славянофилов и традиций русской политической мысли. Так, например, известный общественный деятель, дипломат Григорий Николаевич Трубецкой (1873–1930) скептически оценивал надобность введения нового наименования для славянского дела: «...меня несколько коробит пущенный в обращение термин неославизм. — пишет Трубецкой. — Люди как будто стараются избавиться от обвинения в исторической преемственности как от чего-то постыдного; боятся, чтобы их не смешали со старыми славянофилами». Трубецкой, не разделяя мнения о том, что наследие русских мыслителей следует забыть, настаивает, что славянская идея должна быть осознана как целостное направление, которое должно лечь в основу внешней и внутренней политики России. *Трубецкой Г.Н.* Славян-

Подтверждением тезиса о преемственности взглядов русских панславистов может служить и мнение одного из активных популяризаторов «неославизма» Александра Львовича Погодина (1872–1947), утверждавшего, что неославизм есть, несомненно, продолжение панславизма, но в современной, прогрессивной, отказавшейся от старых экспансионистских амбиций форме¹⁵⁴. Кроме того, по мнению Погодина, перед идеологами славянской взаимности в новую эпоху стоит следующая задача: сплотив славян не для завоевательных целей, сторонники славянского единения должны противостоять воинственным устремлениям идеологии ма¹⁵⁵. «Славянофильство Шафарика и Суравицкого, Хомякова и К.Аксакова,— пишет Погодин, — обнимало все славянство, как и наш неославизм, но представляло собой лишь историческое мировоззрение»¹⁵⁶. По поводу «неославизма» Погодина хорошо написала Е.Г. Кострикова, заметив, что для Погодина термин «неославизм» является вполне оправданным, так как, сохраняя родственные черты со славянофильством, новое славянское движение, в отличие от своих предшественников, приобретает и политический характер¹⁵⁷.

В заключение хочется отметить, что, несмотря на все отличия, существовавшие во взглядах сторонников панславизма, можно сказать, что эволюция панславизма в начале XX в. была обусловлена объективными изменениями социально-экономического и исторического контекста. Во многом переход к «неославизму» был вынужденной мерой, ведь в новом мире «господствующего капитала» оперирование старыми идейными концептами эпохи модерна было уже попросту невозможно. Даже сторонники относительно консервативной трактовки славянской идеи, группировавшиеся вокруг Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества (А.А. Башмаков, П.А. Кулаковский, В.Н. Кораблев, А.И. Соболевский и др.) осознавали необходимость перемен и ревизии славянской идеи в новых исторических условиях. Однако и взгляды неославистов претерпевали постоянные изменения под влиянием различных внешне-политических процессов¹⁵⁸. Кроме того, не стоит забывать, что многие представители консерва-

ский вопрос в Думе // Вестник Европы. 1908. №50. С.16–20. Представители более консервативного течения русских панславистов, традиционно группировавшиеся вокруг Санкт-Петербургского славянского общества, также выступили с критикой размежевания в рядах панславистов и введения термина «неославизм». С критическими замечаниями относительно неославизма выступил один из руководителей Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества Платон Андреевич Кулаковский (1848–1913), а также редактор журнала «Славянские известия» Василий Николаевич Кораблев (1873–1936). А после Боснийского кризиса (1908–1909 гг.) Кораблев и вовсе заявил, что «неославизм потерпел полное крушение». См.: *Кораблев В.Н.* Крах неославизма // Славянские известия. 1910. №2. С.170–177.

¹⁵⁴ См.: *Ненашева З.С.* Идеино-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX в. М., 1984. С.128.

¹⁵⁵ См.: *Погодин А.Л.* Причины и цели новейшего славянского движения // Вестник Европы. 1909. №1. С.263–264.

¹⁵⁶ *Погодин А.Л.* Причины и цели новейшего славянского движения // Вестник Европы. 1909. №1. С.250–251.

¹⁵⁷ *Кострикова Е.Г.* Геополитические интересы России и славянский вопрос: Идеинная борьба в российском обществе в начале XX века. М., 2017. С. 89.

¹⁵⁸ Так, Я.В. Вишняков акцентирует внимание на том, что первоначальному развитию неославизма поспособствовала русская революция (1905–1907 гг.), но уже в скором времени «аннексия Австро-Венгрией ранее оккупированных османских провинций, Боснии и Герцеговины, которые 5 октября 1908 года были объявлены неотъемлемой

тивного направления русских панславистов непосредственно принимали активное участие в работе Славянских съездов (1908 и 1910 гг.), организованных так называемыми «неославистами», что говорит о том, что, так или иначе, несмотря на разные трактовки славянской идеи, сторонники «неославизма» и «старого панславизма» не отрицали принципиальную возможность совместной деятельности. Ряд идей, высказанных неославистами (культурное сотрудничество, популяризация народного образования, создание всеславянских федераций) в той или иной степени уже озвучивался представителями предыдущих поколений панславистов. Ключевым новшеством стала переориентация взглядов панславистов на вопросы экономического сотрудничества, что было продиктовано вступлением мировой экономики в новую фазу буржуазно-капиталистических отношений.

Таким образом, даже краткий обзор основных взглядов неославистов, позволяет утверждать, что многие деятели славянского движения в начале XX в. часто не делали четкого методологического различия между терминами «панславизм», «неославизм», «неославянофильство», «славянская взаимность», «всеславянство» и тп. Также неправомерно говорить об однородности взглядов нового поколения русских панславистов и об их повсеместном отказе от наработок предыдущих поколений отечественных сторонников теории славянской взаимности. Неославизм явился лишь этапом эволюции, трансформации славянской идеи, а не зарождением фундаментально нового мировоззренческого ее осмысления. Именно поэтому утверждения о концептуальном разрыве нового поколения панславистов в начале XX в. со сложившейся традицией русского панславизма, встречающиеся в отечественной науке, являются неоправданными.

Однако из-за существующей в отечественной науке дихотомии «панславизм-неославизм», о которой говорилось выше, и попытках представить панславизм в начале XX в. как качественно новый идейно-теоретический комплекс, порывающий с прошлой традицией, что, как было показано нами, является не вполне корректным, приведенная выше классификация русского панславизма требует своей доработки и расширения. Для преодоления сложившегося противопоставления и дихотомии, предлагается дополнить классификацию русского панславизма *как политического или культурного — «культурно-экономическим панславизмом»*. Именно таковым панславизм и был в начале XX в. Данный термин представляется наиболее корректным, так как, с одной стороны, подчеркивает преемственность линии русского культурного панславизма, а с другой, выделяет и его основное отличие в начале XX в. — экономический аспект.

частью двуединой монархии, — оказали на трансформацию идеи «неославизма» существенное негативное влияние». Вишняков Я.В. «Подальше от нашего порога». Съезд славянских журналистов в Белграде 1911 года // Родина. 2011. №8. С. 137. После указанных событий во взглядах неославистов произошел своеобразный откат — возврат к прежним, более консервативным трактовкам русского панславизма.

Также несколько слов стоит сказать и о характеристике русского панславизма, данной в недавнем исследовании О.В. Павленко. Признавая особость и отличия русского панславизма от панславистских проектов западных и южных славян, Павленко следующим образом характеризует его: «Особое место в истории панславизма занимают представления о доминирующей роли России в славянском мире. Эти идеи, ориентированные либо на расширение сферы морального влияния России, либо на создание славяно-российской империи, в историографии были объединены под общими названиями – “большой панславизм”, “русский панславизм”, “имперский панславизм”»¹⁵⁹. Можно согласиться с автором в вопросе закономерности формирования панидеологий под влиянием объективных причин, целей и потребностей государств, в то же время его тезис о сугубо расширительных, экспансионистских тенденциях внутри русского панславизма представляется нам не совсем оправданным. Безусловно, подобные идеи имели место в ряде проектов некоторых русских панславистов, однако, как было показано выше, русский панславизм как идейно-теоретический комплекс не был единым, был гораздо сложнее, чем могло бы показаться на первый взгляд. Многие теоретики и идеологи панславизма стремились отойти в своих проектах от идеи гегемонии России в деле объединения славян, показать заинтересованность в равноценном диалоге с «малыми» славянскими народами и свои мирные намерения в отношении них. Принимая за отправную точку гипотезу о родстве и общих источниках всех панславистских идей в России, мы в то же время придерживаемся твердого убеждения, что панславизм в России имел различный характер, начиная от откровенно имперского и экспансионистского и заканчивая вполне либеральным и революционным. Поэтому утверждать о единстве взглядов всех панславистов на роль России в деле объединения славян, а также об единстве их представлений о направлениях и средствах этого объединения, не представляется возможным.

Таким образом, резюмируя, можно утверждать, что русский панславизм, возникший позже, чем в других славянских странах, имел те же идейные основания, что и панславизм западных и южных славян. Специфика русского панславизма обуславливалась тем, что Россия, в отличие от других славянских территорий, занимала особое политическое положение в мире. Обладая огромными ресурсами, собственной государственной традицией, богатой историей, самобытной философией, Россия создала уникальный синтез западного панславизма и собственных общественно-политических традиций. К тому же, геополитическое положение России в мире оказывало влияние и на формирование панславизма в самой стране. Русские теоретики и идеологи пансла-

¹⁵⁹ Павленко О.В. Панславизм и его модели // Новая и новейшая история. 2016. №5. С.10. Кроме того, Павленко утверждает, что возникновение панславизма в России «было типичным проявлением» эпохи модерна. Все европейские нации, не исключая и русскую, проходили «через соблазн расширения своего жизненного пространства». Стремясь максимально расширить сферы своего влияния, экономический, политический и культурный потенциал, государство проектировало собственные проекты расширения своего влияния. И российский панславизм не стал здесь исключением. См.: Там же. С.10.

визма попросту не мыслили категориями своих западных коллег. А особые представления о роли и месте русского народа, уходящие корнями в отечественную духовно-политическую мысль¹⁶⁰, не могли не отразиться и на представлениях о месте России в деле объединения славян.

Кроме того, нужно отметить, что идеи панславизма порой использовались и для обоснования места России в мире, ее претензий на ведущую роль в международной политике и геополитические приобретения, что отчасти роднит панславизм с пангерманизмом. При всем при этом, пангерманизм всегда лежал в основе внешнеполитического курса Германии, а панславизм использовался лишь как сиюминутное политическое орудие. Поэтому говорить о его «официальном» характере или главной инструменте влияния России, так называемой «мягкой силе»¹⁶¹ — значит упрощать его. Панславизм всегда был идеей интеллигенции, общественных деятелей, журналистов и философов, но никак не чиновников и политиков. Но не стоит забывать, что представления о «всеславянстве» в российской интеллигенции носили различный и часто диаметрально противоположный характер.

В начале XX в. русский панславизм претерпевает ряд изменений. В силу бурного развития капиталистических отношений вопросы культурной и политической интеграции уступают место поискам путей экономического сотрудничества между славянскими странами. Происходит и изменение социального состава славянского движения, панславизм все больше овладевает умами зарождающейся славянской буржуазии. Несмотря на попытки некоторых современных ученых представить «неославизм» начала XX в. как порывающий со спецификой и традицией русского панславизма XIX в., анализ современных отечественных и зарубежных исследований по данной проблеме, а так же детальный политико-текстологический анализ работ теоретиков и идеологов панславизма начала XX в. позволяет говорить о том, что дихотомия «панславизм-неославизм», сложившаяся в отечественной историографии, является неоправданной. Для ее преодоления нужно дополнить существующую классификацию русского панславизма направлением «*культурно-экономического панславизма*». Именно таковым панславизм и был в начале

¹⁶⁰ Подробное исследование русской общественно-политической традиции было дано в цикле работ «Хранители России». См.: Хранители России. Антология. Т. 1. Истоки русской консервативной мысли. XI–XVII вв. М., 2015; Хранители России. Антология. Т. 2. В поисках нового... консерватизма. М., 2015; Хранители России. Антология. Т. 3. Рождение русского консерватизма. 1800–1850 гг. М., 2016; Хранители России. Антология. Т. 4. В поисках русского пути. 1800–1850 гг. М., 2016; Хранители России. Антология. Т. 5. Обретённая Россия. 1840-е – начало 1860-х гг. М., 2018; Хранители России. Антология. Т. 6. Крестьянское дело. 1840-е – начало 1860-х гг. М., 2018.

¹⁶¹ Концепт «мягкой силы» (soft power) в современной политической философии подразумевает инструменты внешнеполитического влияния государства, основанные на интеллектуальном, символическом, когнитивном воздействии на другие государства с целью достижения своих политических целей. Противопоставляется «жесткой силе» (hard power) заключающейся в использовании методов военного, административно-правового и иного принуждения. Подробнее см.: *Русакова О.Ф.* Концепт «мягкой» силы (soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2010. №10. С. 173–192. Так же см.: *Алексеева Т.А.* «Мягкая сила» в теории и практике международных отношений // Политическое пространство и социальное время. Идентичность и повседневность в структуре жизненного мира. XXX Харакский форум. 26–30 мая 2016, г. Ялта (Республика Крым). С. 5–21.

XX в. Данный термин представляется наиболее корректным, так как, с одной стороны, подчеркивает преемственность линии русского культурного панславизма, а с другой, выделяет и основное отличие панславизма начала XX в. — экономический аспект.

В этом-то и раскрывается специфика русского панславизма, как многообразного и идейно богатого направления русской социально-политической мысли.

Раздел IV. Политическая программа журнала «Славянский век» как пример эволюции панславистских политических концепций в начале XX в.¹⁶²

Начало XX в. — переломная эпоха в мировой истории. К началу нового столетия европейская цивилизация находилась, с одной стороны, в условиях жесточайшего социокультурного и духовного кризиса, вызванного переосмыслением всех ранее преобладавших в обществе ценностей и взглядов, а с другой, — в фазе своего небывалого подъема и развития. Кризис идеологии гуманизма, рационалистических парадигм и сциентистских идеалов науки, предопределивший направление интеллектуальных поисков европейской интеллигенции, сопровождался невиданными ранее успехами в экономике и промышленности, открытиями в области медицины и химии, созданием непревзойденных образцов искусства в литературе и живописи. В русской культурологической и исторической традиции можно встретить разные наименования этой эпохи: здесь и «русский духовный ренессанс» (Н.А.Бердяев), и «второй золотой век» (Д.П. Святополк-Мирский), и, конечно, «серебряный век»¹⁶³ русской культуры. Однако все они лишь подчеркивают значение и противоречивый характер этого периода в истории человечества.

Именно поэтому, прежде чем перейти непосредственно к характеристике журнала «Славянский век», следует рассмотреть тот исторический и культурный контекст, в котором раз-

¹⁶² При написании данного раздела диссертации использованы результаты научных работ, выполненных автором лично и опубликованных ранее: *Болдин В.А.* Идеология нового славянского мировоззрения И.В. Каменского в контексте социально-политических процессов конца XIX — начала XX века // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2017. № 1. С. 37–55; *Болдин В.А.* И.В. Каменский — идеолог «нового славянского мировоззрения» // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2017. № 2(51). С. 169–176; *Прокудин Б.А., Болдин В.А.* Концепции славянского единства конца XIX — начала XX вв. (Ф.М. Достоевский, И.В. Каменский) // Вестник Российской нации. 2017. № 3. С. 125–137; *Болдин В.А.* Рупор нового славянского мировоззрения: журнал Славянский век (1900–1904 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2017. № 1. <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/789>; *Болдин В.А.* Идейные корни формирования нового славянского мировоззрения в начале XX в. // Вестник Российской нации. 2017. № 2. С. 256–263; 6. *Болдин В.А.* Социальный, экономический и политический контекст формирования идеологии нового славянского мировоззрения в конце XIX — начале XX вв. // Материалы Международного молодежного научного форума ЛОМОНОСОВ – 2018. [Электронный ресурс]. М., 2018.

¹⁶³ О значении, появлении и употреблении современниками термина «серебряный век» см.: *Ронен О.* Серебряный век как умысел и вымысел. М., 2000.

вивалась идеология и теория панславизма в начале XX в. Без адекватного представления об интеллектуальной атмосфере той поры, предопределившей творческие поиски панславистов, невозможно понять и те цели и задачи, которые «младославянские деятели» ставили в своих программных документах.

Как известно, не только искусство, литература или философия, но и социально-политическая мысль являются теми наиболее чувствительными индикаторами изменений в обществе, которые одними из первых, подобно первоклассному врачу, способны поставить диагноз трансформациям, происходящим в «общественном организме».

Духовные скитания европейской интеллигенции, экономические и политические изменения на карте мира, усложнение социальной структуры общества — все это нашло отражение на страницах работ виднейших историков, философов, литераторов и общественных деятелей «конца века».

Л.Г. Зимовец отмечает, что «Уже в философии жизни (Шопенгауэр, Ницше) тема кризиса становится главной темой, а известное восклицание Ф. Ницше — “Бог умер” — становится одной из первых констатаций кризиса европейской культуры»¹⁶⁴. Нельзя не согласиться с ролью, которую Зимовец отводит Фридриху Ницше (1844–1900), подчеркивая, что «причину кризиса европейской культуры Ницше, прежде всего, видит в широком распространении нигилизма, возникшего в результате крушения христианской морали и десакрализации христианских ценностей»¹⁶⁵. Роль нигилистических настроений русской интеллигенции как один из ключевых факторов, повлиявших на уникальность русской общественно-политической мысли начала XX в., выделяет в своих работах и А.А.Шириянц¹⁶⁶. Действительно, распространение нигилистических настроений и в России и в Европе, на наш взгляд, еще раз говорит о схожих тенденциях в русском и европейском обществе, об общем интеллектуальном и историко-культурном пространстве России и Европы.

Вслед за Ницше знаменитый немецкий философ и культуролог Освальд Шпенглер (1880–1936) в своей концептуальной для понимания эпохи работе «Закат Европы» ставит неумолимый диагноз европейскому обществу. Шпенглер убежден, что современная ему Европа

¹⁶⁴ Зимовец Л.Г. Кризис культуры и его отражение в западноевропейской и русской культурологической мысли // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2011. №5. С.25.

¹⁶⁵ Зимовец Л.Г. Кризис культуры и его отражение в западноевропейской и русской культурологической мысли // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2011. №5. С.25.

¹⁶⁶ Концепт русской интеллигенции как уникального духовно-социального образования разрабатывается профессором Московского университета А.А. Шириянцем. Подробнее см.: Шириянц А.А. Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли). М., 2011; Шириянц А.А. Русское общество и политика в XIX веке: русский революционный нигилизм // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2012. № 1. С. 38–49; Шириянц А.А. Интеллигенция и власть в контексте политико-культурного подхода // Элитология и стратегия развития современной России: материалы Второго Всероссийского элитологического конгресса с международным участием 21–22 октября 2016 г., Ростов-на-Дону. Т. 1. Ростов н/Д., 2016. С. 596–606; Шириянц А.А. Вне власти и народа. Политическая культура интеллигенции России XIX–начала XX века. М., 2002.

— это отнюдь не вершина человеческого прогресса. Исчерпав духовные силы для своего развития, променяв религию, философию и искусство на достижения индустриальной цивилизации, Европа, по его мнению, теперь необратимо движется к фазе своей гибели — «цивилизации». «Цивилизация» не способна к производству новых ценностей, и реализует себя лишь в расширении и экспансии, проявлением которой служит империализм¹⁶⁷.

Говоря об особенностях и факторах, повлиявших на эволюцию «мироощущения» человека эпохи «декаданса», М.В. Бахтин утверждает: «К концу XIX в. ценности романтического идеализма вошли в очевидное противоречие как с бурным ростом естествознания и техники, так и с существенными социальными изменениями в странах - лидерах европейской цивилизации. С развитием капитализма наступает кризис старых элит, кризис традиционных устоев общества, а на арену общественной борьбы выходит масса — новый субъект социальной реальности. Появление масс путает все социальные планы вскормленных романтическим идеализмом элит. Масса не готова к восприятию каких-либо идей, ценностей, культурных или социальных навыков в тех сложных формах, в которых они преподносились элитам»¹⁶⁸. Такой вывод Бахтина, не случаен. Еще в 30-х годах XX в. испанский философ и социолог Хосе Ортега-и-Гассет (1883–1955) заметил, что вся история предопределила тот факт, что в XX в. на политическую арену выйдет новый актер — массы. Появление массовой культуры, «массового человека», по мнению философа, ослабило европейскую цивилизацию, ее культурный и духовный потенциал¹⁶⁹.

Идею о «человеке нового времени» в дальнейшем развивали многие мыслители. Так, немецкий философ и писатель Эрнст Юнгер (1895–1998) в своей работе «Рабочий. Господство и гештальт», впервые опубликованной в 1932 г., констатировал кризис буржуазного общества, гибель «старой бюргерской Германии» и либеральной идеи «индивидуальной свободы». Человек новой эпохи — это рабочий, человек массы, человек нового психологического гештальта. «Тотальная мобилизация», подчинение техники своим нуждам, иерархия и организация взамен «вредной» идеи буржуазной свободы, диктатура как естественная форма организации общества во главе с рабочим — вот основные столпы нового мироустройства¹⁷⁰.

¹⁶⁷ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Гештальт и действительность. М., 1993. С. 163–170. «Пора уяснить себе, — пишет О. Шпенглер, — что XIX и XX века — эту мнимую вершину прямолинейно прогрессирующей всемирной истории — фактически можно отыскать в каждой зрелой, склоняющейся к концу культуре». Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Гештальт и действительность. М., 1993. С. 173. Также см.: Мчедлова М.М. Шпенглер // Глобалистика. Энциклопедия. М., 2003. С. 1168–1169.

¹⁶⁸ Бахтин М.В. Кризис культуры начала XX века и историческое познание // Вестник МГОУ. Серия «Философские науки». 2011. № 3. С. 61.

¹⁶⁹ См.: Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М., 1991. С. 322.

¹⁷⁰ См.: Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли. СПб., 2000.

Было бы опрометчиво полагать, что идеи Юнгера или Ортегги-и-Гассета были «маргинальными» и родились в отрыве от «интеллектуальной почвы». Дальнейшая противоречивая история XX в. скорее доказала выдвинутые ими тезисы, чем опровергла их¹⁷¹.

Резюмируя различные взгляды на причины кризисных явлений в европейском обществе, можно констатировать, что все мыслители сходятся в определении некоторых общих предпосылок кризиса: нигилизм интеллигенции, кризис рационализма, дегуманизация общества, фетишизация денег и техники — вот те «гордые улыбки», приведшие европейскую цивилизацию в «пропасть»¹⁷².

В русской социально-политической мысли начала XX в. тема кризиса также нашла свое отражение. Предчувствие приближения новой эпохи, влекущей за собой изменения во всех сферах общественной жизни, явилось катализатором появления новых концепций и идей. Более того, в культурном плане «кризисная эпоха» стала периодом ренессанса и подъема отечественного искусства, ознаменовавшись возникновением множества новаторских стилей, жанров и направлений в нем.

Задолго до Шпенглера русский мыслитель, представитель панславизма, Николай Яковлевич Данилевский (1822–1885) заметил тенденции к угасанию европейской культуры. Кроме этого, Данилевский говорит и об упадке российского общества, проявляющемся в потере собственной самобытности. Анализируя творчество мыслителя, О.К. Шиманская приходит к выводу, что «Данилевский констатирует как кризис системы международных отношений, так и всесторонний, социокультурный кризис, тяжелую внутреннюю “болезнь” российской цивилизации, пораженной прогрессирующим “европейничаньем»»¹⁷³. Этот тезис еще раз подтверждает идею о том, что ощущение кризисных явлений было характерно как для европейской, так и для русской интеллигенции. И панслависты здесь не были исключением.

Другой известный русский мыслитель, затрагивающий в своих работах тему славянского единства, Константин Николаевич Леонтьев (1831–1891) также подвергал критике современное ему общество, отмечая слепую и бездумную веру в идеи «прогресса», «свободы», «равенства», «братства». Тотальный эгалитаризм европейской цивилизации ведет ее к упадку, считал он. Леонтьев был убежден, что европейское общество вступило в последнюю фазу своего существова-

¹⁷¹ О взаимосвязи политики и культуры в XX веке подробнее см.: *Гуторов В.А.* Политическая культура и политическая власть в эпоху глобализации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2006. Т.2. №4. С.63–74; *Gutorov V.A.* Citizenship, National Identity and Political Education: some disputable questions // *Studies of Transition States and Societies (STSS)*. 2015. Vol.7. Issue 1. pp. 77–93.

¹⁷² Обобщенный взгляд на причины кризисных явлений в различных сферах общественной жизни начала XX в. был предложен Ю.Н. Солониным и С.И. Дудником См.: *Дудник С.И., Солонин Ю.Н.* Парадигмы исторического мышления XX века. Очерки по современной философии культуры. СПб., 2001. С. 130–132.

¹⁷³ *Шиманская О.К.* Принципы философии кризиса в творчестве Н. Я. Данилевского // *Вестник ННГУ. Социальные науки*. 2006. № 1 (5). С. 627.

ния — фазу «вторичной простоты», за которой следует лишь неизбежная смерть. Поэтому величайшей ошибкой России могло бы стать часто предлагаемое слияние с «умирающей Европой»¹⁷⁴.

Уникальным источником для понимания процессов, происходивших в русском обществе в начале XX в., является сборник «Вехи» (1909), вышедший под редакцией Михаила Осиповича Гершензона (1896–1925). А.А. Ширинянец отмечает: «Он знаменовал собой радикальную переориентацию на индивидуальные духовно-религиозные ценности самосовершенствования, в отличие от прежней интеллигентской акцептации первостепенной значимости политических реформ. Веховцы осознали, что в условиях реакции после поражения первой русской революции, занятие прагматической либеральной политикой не имело смысла, поэтому они пересмотрели коренные ориентиры русской интеллигенции, прежде всего коллективистско-революционаристские ее устремления»¹⁷⁵. Авторы сборника выступили с резкой критикой нигилистических тенденций, негативных революционных импульсов, способных подрвать основы общества, они отмечали упадок духовности и охлократические настроения русской молодежи¹⁷⁶.

Несмотря на общность темы предчувствия кризиса, нигилизм и секуляризацию общественного сознания русской и европейской интеллигенции, все же можно выделить отличительные черты общественно-политических взглядов европейских и русских мыслителей на причины, последствия и пути преодоления духовного кризиса общества¹⁷⁷. Так, один из современных исследователей, например, верно утверждает, что «русские философы, в отличие от западных мыслителей, причину упадка культуры видели не только в “торжестве” массового человека, но и в разрыве с религиозными истинами, или, точнее, с религиозным мировоззрением и его символикой. Искренняя вера в Бога или идейно-духовного лидера сменяется неверием и отчаянием»¹⁷⁸.

¹⁷⁴ Подробнее об уникальной историософской концепции К.Н. Леонтьева см.: *Мячин А.Г., Ширинянец А.А.* Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX века: К.Н.Леонтьев. М., 1995.

¹⁷⁵ *Ширинянец А.А.* Вне власти и народа. Политическая культура интеллигенции России XIX–начала XX века. М., 2002. С. 73.

¹⁷⁶ Также о сборнике «Вехи» см.: *Щипков А.В., Козырев А. П.* Выйти из череды разрывов // Тетради по консерватизму. 2017. № 4. С. 277–287.

¹⁷⁷ Так, например, Л.Г. Зимовец отмечает: «...при всей близости исходной тематики работы западноевропейских и русских мыслителей отличает и определенная специфика в понимании кризиса культуры. Особенности национальных и культурных традиций, особенности менталитета обусловили существенное различие не только в оценках кризиса, но и различное видение путей выхода из кризисной ситуации. Для западной мысли европейский кризис — это, прежде всего, кризис культурных традиций, идеалов и ценностей эпохи Нового времени, это кризис рационалистических и гуманистических установок...В русской философии этого времени складывается другая ситуация: русские мыслители разводят понятия глобального кризиса, возможного конца истории и кризиса европейской культуры...Причины кризиса европейской культуры русские мыслители видят в отпадении Европы от истиной веры, мировоззренческих “переломах” эпохи Возрождения и Реформации, в утрате духовности (Н. А. Бердяев), в процессах эгалитаризации и демократизации жизни, в упрощении и “смещении” (К. Леонтьев), в рационализации жизни (М. Гершензон), утрате религиозности (И. Ильин)». *Зимовец Л.Г.* Кризис культуры и его отражение в западноевропейской и русской культурологической мысли // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2011. №5. С. 30–31.

¹⁷⁸ *Сколота З.Н.* Кризис культуры как угроза жизнестойкости цивилизации // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012, №1(30). С. 249.

Тем не менее, именно тема кризиса, предчувствие «переломов», духовных трансформаций и изменений предопределила содержание всех идейно-политических концептов, появившихся в начале XX в. и в России и на Западе. Идеология «нового славянского мировоззрения» в этом плане не стала исключением. Интеллигенция, являвшаяся носителем этой идеологии, продолжала развивать идеи вышеупомянутых мыслителей, пытаясь предложить свои шаги на пути преодоления кризиса, охватившего Россию и Европу. Выход из «болезненного состояния» виделся один — объединение духовных, социальных, политических и экономических ресурсов славянского мира перед лицом новых вызовов грядущей эпохи.

Анализируя процесс возрождения обновленного панславизма, нельзя не сказать о тех социальных, экономических, политических процессах, имевших место в России и оказавших колоссальное влияние на содержание политических программ панславистов начала XX в.

Современные исследователи подчеркивают: «На рубеже XIX–XX веков российское государство все больше испытывало на себе возрастающее влияние развитых в индустриальном плане капиталистических стран — стран так называемого первого эшелона капитализма — Англии, Франции, США и др. Подобно тому, как политическая система Российской империи отличалась от западной, развитие капитализма в стране также имело свою специфику»¹⁷⁹. Для экономических отношений в России начала XX в. было характерно скачкообразное развитие. Тем не менее, к началу XX в. Российская империя догнала по темпам экономики многие европейские страны. Однако бурный экономический рост часто сопровождался ломкой устоявшихся в обществе норм и традиций, социальная структура претерпевала серьезные изменения, общественная жизнь усложнялась и приобретала качественно новые характеристики¹⁸⁰.

Экономический и промышленный рост повлиял и на бурное развитие банковской и финансовой системы страны. Постепенно в России стала складываться финансовая олигархия, класс крупных промышленников и предпринимателей. Именно интересы крупного капитала, искавшего новые рынки в славянских странах, в дальнейшем повлиял на переориентацию панславизма с культурного и политического сотрудничества — на экономическую кооперацию.

В социальной сфере развитие России также шло неравномерно. Размывание старых социальных групп и сословий усиливалось из-за растущей дифференциации доходов населения¹⁸¹.

¹⁷⁹ *Шириняну А.А., Шириняну С.А.* Российская интеллигенция на рубеже веков: заметки о политической культуре. М., 1997. С. 58.

¹⁸⁰ «В условиях сохранения значительных остатков феодализма высокий темп и скачкообразность развития России обуславливали болезненность и повышенную конфликтность ее общественного развития». *Шириняну А.А., Шириняну С.А.* Российская интеллигенция на рубеже веков: заметки о политической культуре. М., 1997. С. 58.

¹⁸¹ См.: *Шириняну А.А., Шириняну С.А.* Российская интеллигенция на рубеже веков: заметки о политической культуре. М., 1997. С. 62. «существенным моментом, тормозившим все российские реформы, — отмечают авторы, — была социально-политическая структура общества, та пропасть, которая лежала между различными его социальными

Говоря о внешнеполитической конъюнктуре, повлиявшей на формирование «нового панславизма», нельзя не привести мнение А.А. Григорьевой, которая утверждает, что к концу XIX в. сложились необходимые условия для усиления России на внешнеполитической арене, а идея панславизма стала идеологической базой этого возвышения¹⁸². Однако полностью согласиться с выдвинутым автором тезисом нельзя, так как сторонники «нового славянского мировоззрения», часто напротив, не поддерживали, а осуждали внешнюю политику Российской империи, требовали ее переориентации на защиту «действительно славянских интересов». Нельзя говорить и о единстве взглядов панславистов по вопросу о сотрудничестве с официальными и государственными структурами империи.

В целом же, характеризуя геополитические процессы на рубеже веков, можно выделить несколько тенденций: 1) окончание русско-турецкой войны 1877–1878 гг. повлекло за собой ослабление Османской империи и появление нового независимого славянского государства — Болгарии. В связи с этим обострился конфликт за разделение сфер влияния на Балканах между Россией, Австро-Венгрией, Германией и др. «Великие державы», подталкиваемые своими промышленно-финансовыми элитами, наращивали финансово-экономическую экспансию, стремясь поглотить рынки «молодых балканских государств»; 2) в монархии Габсбургов нарастало недовольство в среде славянской буржуазии. Подобные настроения были обусловлены тем, что основные финансовые и экономические потоки контролировались венгерской и немецкой буржуазией, что лишало предпринимателей и банкиров славянского происхождения огромной части доходов. Выход из сложившейся ситуации представители славянских земель видели в налаживании более тесных экономических отношений как друг с другом, так и с Россией; 3) славянские общественные деятели усматривали негативные тенденции в усилении экономической и военной мощи Германской империи, а растущий милитаризм в немецком обществе воспринимали как прямую угрозу. Несмотря на то, что большинство славян, проживавших в Австро-Венгрии, стояли за сохранение целостности монархии, все же они с надеждой смотрели на Россию как традиционную «защитницу» славянских народов. Однако ошибочно полагать, что сла-

слоями... Неравенство было закреплено и старой сословной системой, хотя по мере развития капитализма эта система все более переставала соответствовать классовому делению общества». Там же.

¹⁸² «К 80-м годам XIX века Россия уже накопила ощутимые природно-территориальные, экономические и демографические ресурсы, позволившие ей сформировать мощную военную базу, а ослабление Османской и Габсбургской монархий создало объективные предпосылки для активного продвижения “русского колосса” в балканском направлении. Идеологическим обоснованием последнего стал российский вариант панславянской теории, легитимировавший дальнейшее расширение Российской империи на Ближний Восток и присоединение к ней остальных славянских земель. Показательно, что формирование и эволюция панславизма в России проходили под пристальным контролем со стороны правительства и всегда находились в тесном контакте с внешнеполитическим курсом официального Петербурга». Григорьева А.А. Балканская политика России и панславизм в 80-е гг. XIX – начале XX века// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. №6(20). Ч. 1. С. 78.

вяне империи Габсбургов всерьез рассматривали возможность вхождения в состав России, скорее усиление политических контактов с «восточным соседом» преследовало конъюнктурные политические цели (усиление автономии в составе Габсбургской монархии или помощь в дальнейшей борьбе за независимость).

На фоне вышеуказанных событий и явлений происходит новый виток интереса к панславизму. При этом, подход к славянскому объединению виделся уже не только в плоскости культуры и политики, как было раньше, но, что особенно важно, и экономики.

Именно в этот период в 1900 г. в Вене начинает издаваться журнал «Славянский век», ставший на тот момент чуть ли не единственной независимой площадкой для обсуждения общественно-политических вопросов в славянских землях¹⁸³. В России до 1905 г. издание подобного журнала было попросту невозможно из-за действий цензуры.

Прежде чем начать рассмотрение политической программы, а также характеристику целей и задач журнала «Славянский век», нужно обратить внимание на некоторые особенности визуального оформления и композиционной составляющей журнала. На титуле каждого номера журнала под названием «Славянский век» располагается подзаголовок «Всеславянский орган», который говорит о позиционировании журнала как печатного органа не для узкого круга читателей, а для всего славянского мира. Непосредственно слева от заголовка вертикально сверху вниз располагаются варианты перевода названия журнала на основные славянские языки, что также говорит о желании редакции подчеркнуть «всеславянский» характер издания, не ограничивающегося публикациями лишь на русском языке. В левом нижнем углу титульного листа располагается известная фраза чешского политического деятеля Франтишека Палацкого (1798–1876), приравненная к идиоме — «*Svíj k svému!*». Дословно ее можно перевести как «свой к своему», «свой своего» в значении, что люди с одинаковым происхождением должны объединяться друг с другом. В русском эквиваленте эта идиома звучала бы как «рыбак рыбака видит издалека». Можно предположить, что данная идиома была помещена на титульный лист журнала с целью подчеркнуть важность интеграции и объединения славян, как процесса закономерного и неизбежного. Также начало каждого выпуска журнала венчал девиз «*Любовью и силой!*».

На протяжении всего периода существования журнала «Славянский век» (1900–1904 гг.), его редакцию, находившуюся в Вене по адресу Wien, VIII / 2, Bennogasse 22, возглавлял Дмитрий

¹⁸³ Изначально объявив о нежелании быть продолжателем прежних русских славянофильских изданий, субсидированных и «почти официальных», редакция «Славянского века» болезненно воспринимала упреки в официальном финансировании журнала. Еще в первых выпусках Д.Вергун предупреждал «клеветников», что «в будущем стану преследовать судом всех, кто будет разсеивать клевету о пособиях, якобы получаемых «Славянским веком». Вергун Д.Н. От редактора! // Славянский век. Вып. 7–8. С.3. И это не осталось пустыми словами. В 1902 г. «Славянский век» выиграл судебный процесс у официальной венской газеты «Wiener Morgen-Zeitung», а в 1903 г. привлёк к судебной ответственности украинофильские газеты во Львове — «Руслан» и «Діло». См.: Статистические данные о «Славянском веке» // Славянский век. Вып.72. 1903. С.768.

Николаевич Вергун (1871–1951). Вергун родился в уездном центре Городок близ Львова, после окончания немецкой гимназии во Львове (1890 г.) поступил в Венский университет, где изучал славянскую филологию под началом знаменитого профессора, филолога-слависта И.В. Ягича (1838–1923). Именно в Вене Вергун примкнул к славянскому движению, за что попал в список политически неблагонадежных лиц Австрийской империи, а позже за активную «прославянскую» деятельность и вовсе был заключен в австрийскую тюрьму¹⁸⁴.

Основной костяк журнала составили его постоянные авторы: В.Н. Вергун (Новосильцева) — жена и ближайший помощник Вергуна, слависты и члены петербургского кружка «Славянская беседа» (1892–1902) И.В. Каменский (псевдоним Панславист) и Г.А. Ильинский (псевдоним Г.А.И)¹⁸⁵, Ю.А. Яворский, земляк и идейный соратник Вергуна, также обучавшийся у профессора И.В. Ягича в Венском университете, русский филолог-славист В.Н. Кораблев (псевдоним Веди-Како; также среди известных псевдонимов автора: Катон, Наблюдатель), журналист, племянник известного русского путешественника-натуралиста Н.М. Пржевальского — Р.Г. Пржевальский, деятели славянского и галицко-русского движения Л.М. Лесковец, С.А. Лабенский (Псевдонимы: Л-ий, С.; Л-кий, С.) и В.А. Горлов, корреспондент Санкт-Петербургской газеты «Новое время».

География подписчиков «Славянского века» также является крайне показательной. В России журнал рассылался в Санкт-Петербург, Москву, Одессу, Киев, Харьков, Варшаву, а также в русские губернии и Сибирь. За границей: в Вену, Галицию и Буковину, земли Чешской короны, Словению, Хорватию и Далмацию, Венгрию, Сербию и Болгарию, Германию (Познань и Лужиц), Францию, Швейцарию, Данию и даже в Америку. Если попытаться соотнести среднее количество постоянных читателей журнала (1200–1250 чел.) в России и других странах, то соотношение аудитории будет выглядеть как 58% к 42% соответственно, что говорит о значительной популярности издания у западных и южных славян.

Далее необходимо перейти непосредственно к анализу целей и задач, которые преследовали издатели «Славянского века». В начале каждого выпуска помещалась следующая пояснительная запись о журнале: «Всеславянский орган для выяснения и защиты славянских культурных интересов, распространения русского языка и для поощрения торговых сношений между Росси-

¹⁸⁴ Известно, что в 1897 г. Вергун стал основателем кружка «Круг любителей русского языка», чем привлек к себе внимание австрийских властей. В 1897 г. Вергун был арестован и помещен в австрийскую тюрьму за составление «Программы червонорусской молодежи», что сказалось на его дальнейшей карьере, не позволив ему занять должность лектора в Венском университете. Подробнее о биографии Д.Н. Вергуна см.: *Ваврик В.Р.* Краткий очерк галицко-русской письменности. Луен, 1973. С.60; *Луцик Р.Я.* Дмитрий Николаевич Вергун // *Временник: Научно-литературные записки Львовского Ставропигиона.* Львов, 1938. С.76–80; *Брага Т.В.* Дмитрий Николаевич Вергун о славянах // *Историческая наука и российское образование (актуальные проблемы): Сборник статей: памяти профессора А.Г. Кузьмина и профессора В.Г. Тюкавкина.* М., 2008. Ч. 2. С.398–402.

¹⁸⁵ Г.А.Ильинский с 1901 по 1903 гг. проходил обучения в университетах Европы, в том числе и в Вене, именно тогда и началось его сотрудничество с журналом. Подробнее см.: *Баранкова Г.С., Еськова И.Б.* Труды и дни Григория Андреевича Ильинского (1876–1937) // *Московский журнал.* 2000. № 7. С. 2–14.

ей, Австро-Венгрией и Балканским полуостровом»¹⁸⁶. Сама редакция определяла свои цели так: «1. Дать русскому и славянскому читателю полное, ясное и правдивое представление о культурной жизни всего славянства. 2. Идти навстречу желанию юго-западных славян ознакомиться с русской речью настолько, чтобы русский язык мог сделаться со временем общим языком для культурных сношений славян между собой. 3. Дать австро-венгерским, русским и балканским производителям и торговцам возможность войти в непосредственные сношения»¹⁸⁷.

В объявлении о подписке на «Славянский век» в 1903 г. редакция добавила следующее: «Враг узкой предвзятости, чуждый всякого человеконенавистничества, поборник исконного славянского симбиоза, «Славянский век» старается быть *всеславянским вечем*, в котором каждый славянин имел бы возможность свободно и искренне высказываться на своем языке по текущим славянским вопросам. Параллельные тексты на всех славянских языках дают русскому читателю возможность знакомиться со славянскими языками, славянам облегчают изучение русского языка. Для усвоения правильного произношения печатаются также рассказы и стихотворения с надстрочными ударениями»¹⁸⁸.

Теперь представляется важным рассмотреть все вышесказанное более подробно. Во-первых, как следует из приведенных фрагментов, журнал «Славянский век» предполагался, в частности, как средство культурного сближения славян. Редакция во главе с Вергуном рассчитывала с помощью издания журнала начать работу по популяризации славянской идеи не только среди «русских читателей», но и среди других славянских народов, в том числе и в Австро-Венгрии. Подобная деятельность не могла пройти мимо австрийских властей¹⁸⁹, видевших в распространении «славянской идеи» угрозу территориальной целостности и стабильности империи, поэтому «Славянский век» не раз испытывал трудности с публикацией и доставкой издания подписчикам¹⁹⁰. Во-вторых, одной из основных задач, ставившихся перед изданием, стало распространение русского языка как будущего языка межславянской коммуникации. Данная позиция редакции жур-

¹⁸⁶ См.: Славянский век. 1900. Вып. 4.

¹⁸⁷ См.: Славянский век. 1900. Вып. 7–8.

¹⁸⁸ Объявление о подписке на «Славянский век» // Славянский век. Вып. 72. 1903. С.770.

¹⁸⁹ О пристальном внимании к себе австрийских властей Вергун упоминает в личной переписке с русским славистом П.А. Кулаковским (1848–1913). См.: *Егорова К.Б.* Письма Д.Н. Вергуна к П.А. Кулаковскому // Библиотека журнала «Русин». 2017. №1. С.155–159.

¹⁹⁰ В январе 1903 г. венгерское правительство запретило почтовую доставку «Славянского века» в пределы земель короны св. Стефана, т.е. в Венгрию, Трансильванию, Хорватию и Славонию. Официальным поводом послужила публикация в «Славянском веке» статьи «Славяне и мадьяры» (Вып. 57), написанной издателем словацкого журнала «Slovenské pohľady» («Словацкие наблюдения») Й. Шкультеты в ответ на статью А.С. Будиловича в «Известиях Славянского благотворительного общества». Тем не менее, статья Шкультеты была ранее уже опубликована на страницах словацкого журнала в самой Венгрии, поэтому вполне можно предположить, что поводом к запрету «Славянского века» стали опасения властей в усилении панславистских идей в Венгрии. Редакция «Славянского века» следующим образом отреагировала на официальный запрет со стороны властей: «Это запрещение нанесет, конечно, нашему изданию немалый материальный ущерб, но оно в то же время является и доказательством, что «Славянский век» приобрел такую нравственную силу, с которой необходимо считаться». От редакции // Славянский век. 1903. Вып. 60. С. 257.

нала «Славянский век» перекликается с взглядами известного русского панслависта Владимира Ивановича Ламанского (1833–1914), который на протяжении многих лет отстаивал идею распространения русского языка среди славян как необходимого условия существования славянской нации как единого целого¹⁹¹. Наконец, третьей, и, судя по количеству публикаций на эту тему, основной задачей редакция видела поощрение торговых отношений между Россией, Австро-Венгрией и Балканским полуостровом посредством предоставления возможности производителям и торговцам вступать в контакт друг с другом через журнал. На страницах «Славянского века», помимо общественных, культурных и политических вопросов, очень часто можно встретить различного рода объявления и рекламу, поддерживающие «славянских» производителей. Более того, редакционная политика издательства была направлена на то, чтобы подписчики и читатели журнала могли узнавать свежие экономические и торговые сводки из разных частей славянского мира, а также получать полезные советы о ведении дел в том или ином регионе.

Таким образом, можно утверждать, что журнал «Славянский век» с самого начала достаточно четко обозначил свои цели и задачи, однако говорить об их определенном политическом характере не приходится. Первоначально издание было полностью сосредоточено на культурных, просветительских и торговых задачах. Затем постепенно стала выстраиваться и политическая платформа издания. Ее окончательное оформление произошло к 1903 г., когда на страницах журнала была опубликована программная статья И.В. Каменского «Тезисы панславизма»¹⁹².

Каменский во время учёбы в Санкт-Петербургском университете, заинтересовавшись идеями славянской взаимности, организовал в 1892 г. вместе с Г.А. Ильинским славянофильский студенческий кружок «Славянская беседа», члены которого «ставили перед собой задачу объединять студентов высших учебных заведений для научных беседований по славянским делам, а также выработать новое славянское мировоззрение, способное отвечать вызовам эпохи»¹⁹³. После распада «Славянской беседы» в 1902 г. Ильинский и Каменский активно включились в деятельность нового журнала «Славянский век». Именно перу последнего принадлежит ключевая для понимания политических позиций этого «всеславянского органа» работа.

¹⁹¹ Данный факт не удивителен, так как ведущие авторы «Славянского века» либо учились под руководством Ламанского (Г.А. Ильинский), либо считали себя его «духовными» последователями. Подробнее о роли русского языка в объединении славян у В.И. Ламанского см.: *Ламанский В.И.* Из записок о славянских землях // Отечественные записки. 1864. Т. СЛII. Февраль. Отд. I. С. 649–702; Т. СЛIV. Май. С. 353–380; *Ламанский В.И.* Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях // Отечественные записки. 1864. №11. С. 166–188. *Ламанский В.И.* Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях // Отечественные записки. 1864. №12. С. 548–616.; *Ламанский В.И.* Проекты славянских федераций. Обзор // ПФА РАН. Ф. 35. Оп. 2. Д. 110. Л. 2. *Ламанский В.И.* Чтения о славянской истории в императорском Санкт-Петербургском университете. СПб., 1867.

¹⁹² См.: *Каменский И.В.* Тезисы панславизма // Славянский век. 1903. Вып. 59. С. 322–325.

¹⁹³ *Прокудин Б.А.* Панславизм в истории политики и мысли России XIX века. М., 2018. С. 184.

К сожалению, в биографии Каменского до сих пор остается множество темных пятен. Пытаясь восстановить творческий и жизненный путь мыслителя, в списке должностных лиц города Одессы, работающих по линии Министерства народного просвещения, мы обнаружили упоминание о некоем Илье Владимировиче Каменском, учителе русского языка и словесности в 4-й Одесской гимназии и Одесской женской гимназии (учрежденной Е.С. Пашковской). Кроме того, в воспоминаниях известного украинского публициста, Богдана Михайловича Комарова (1882–1975), сына украинского этнографа, основателя одесского общества Просвещения имени Тараса Шевченко («Просвиты») М.Ф. Комарова (1844–1913), есть следующее упоминание: «Вспоминая своих школьных учителей, я могу назвать только таких, уроки которых вызывали у меня несомненный интерес к своему предмету и о которых я вспоминаю с признательностью. Это учитель русского яз. Илья Владимирович Каменский, учитель греческого языка Тюльпанов и физик Адольф Генрихович Поль. Остальные не внушили мне любовь к гимназии того времени. Они чужие и чуждые»¹⁹⁴. Сопоставляя тот факт, что Комаров в 1900 г. поступает в Новороссийский университет, можно предположить, что в этих упоминаниях речь идет об одном и том же Илье Владимировиче Каменском. Кроме того, известно, что в 1902 г. работа Каменского «Панславизм, пангерманизм и панроманизм в XX в» вышла именно в Одессе. В 1906 г. на заседании Одесского отдела Русского собрания (монархической общественно-политической организации) И. Каменским был прочитан доклад «Об отношении русских людей к современности»¹⁹⁵. Также учитывая тот факт, что на проходившем в Санкт-Петербурге с 6 по 10 апреля 1909 г. съезде представителей славянских обществ делегатом от Одесского славянского общества стал некий И.В. Каменский, позже удостоившийся должности секретаря по нескольким секциям (о просветительской деятельности русско-славянских обществ; о благотворительной помощи; о мерах по укреплению связей между славянами) съезда, можно предположить, что речь идет об одном и том же человеке. Из всего перечисленного можно сделать вывод о том, что найденные нами упоминания относятся именно к Илье Владимировичу Каменскому и позволяют хоть в малой толике восстановить его биографию.

Статья «Тезисы панславизма» была опубликована в выпуске № 59 от 1 (14) января 1903 г. и сразу вызвала оживленные дискуссии в лагере панславистов. Каменский начинает свою работу с констатации того печального состояния, в котором оказалась «славянская идея» к началу XX в.: «Несколько лет тому назад славянская идея казалась уже отжившей свой век. Милановщина в Сербии, Стамбуловщина в Болгарии, неславянская политика русского правительства в Царстве

¹⁹⁴ *Закіпна Г.В.* Духовний спадкоємець // Дім князя Гагаріна: Дім князя Гагаріна: Збірник наукових статей і публікацій /Одеський літературний музей. Вип. 4.Одеса, 2007. С. 67.

¹⁹⁵ См.: *Кирьянов Ю.И.* Русское собрание 1900–1907. М., 2003. С.175.

Польском во время генерал-губернаторства Гурко и управления Варшавским учебным округом Апухтина, угнетение Галицких русских поляками-помещиками и ужасы сеймовых выборов, дружба поляков в Познани с немцами до появления «гакатизма», междоусобная борьба старочехов с младочехами, соперничество сербов с хорватами, обоюдная ожесточенная ненависть сербов и болгар со времени Сливницкой кампании Милана в 1885 году — вот картины недавнего прошлого. Всякого, кто решался заговорить о славянской взаимности и всеславянском единении подымали на смех, как сумасшедшего»¹⁹⁶. Однако, как пишет Каменский, несмотря на все трудности, «несколько Петроградских студентов» создали славянофильский научно-литературный кружок «Славянская беседа» «под кровом Петербургского Славянского общества» и попытались выработать панславистскую программу для будущих действий по прошествии неблагоприятных для панславизма исторических обстоятельств¹⁹⁷.

Для более полного понимания предлагаемых Каменским шагов по «выработке новославянского мировоззрения и программы младо-славянской партии», представляется уместным привести текст программы целиком.

- «1. Панславизм есть идея всеславянского единения.
2. Всеславянское единение не является само по себе *целью* панславизма, а служит лишь *средством* для выработки *общеславянской культуры* совокупными усилиями отдельных славянских народов.

¹⁹⁶ Каменский И.В. Тезисы панславизма // Славянский век. 1903. Вып. 59. С. 322.

Милановщина в Сербии — время правления сербской королевской династии Обреновичей, ориентировавшейся на союз с Австро-Венгрией и из-за чего снискавшую крайнюю непопулярность в народе.

Стамбуловицина в Болгарии — авторитарный режим личной власти болгарского Премьер-министра С.Ф.Стамбулова (1887–1894), носивший явно враждебный России характер.

«Неславянская политика русского правительства в Царстве Польском во время генерал-губернаторства Гурко и управления Варшавским учебным округом Апухтина» — имеется в виду деятельность И.В. Гурко на посту генерал-губернатора Привислинского края и командующего войсками Варшавского военного округа в 1883–1894 гг. и А.Л. Апухтина в роли попечителя Варшавского учебного округа с 1879 по 1897 гг. Подробнее см.: Лопатина Е.Б. Политика Российской империи в польском вопросе в 1880–1890-е гг.: автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 2011.

«Угнетение Галицких русских поляками-помещиками и ужасы сеймовых выборов» — последовательная политика Австро-Венгерских властей по украинизации и полонизации Галицкой Руси. Подробнее см.: Терох И.И. Украинизация Галичины // Украина — это Русь: Литературно-публицистический сборник. СПб., 2000. С. 130–139.

«Гакатизм» — полонофобское направление в немецком обществе конца XIX века, получившее название по начальным буквам трех наиболее рьяных ненавистников польской нации — Ганземанна, Кеннеманна и Тидемана. Подробнее см.: Кареев Н.И. История Западной Европы в Новое время (1880–1900 годы). Т. 6. Последняя треть XIX века, Ч. 2. СПб., 1910. С.124–125.

«Междоусобная борьба старочехов с младочехами» — политическая конкуренция между сторонниками «Чешской национальной партии»(1860–1919) и «Национальной партии свободомыслящих» (1874–1919) за возможность проводить свой политический курс в Чехии.

«Соперничество сербов с хорватами» — борьба между сербскими и хорватскими элитами за главенство в деле объединения славян на Балканах.

«Сливницкая кампания Милана в 1885 году» — война между Сербией и Болгарией, завершившаяся разгромом войск сербского короля Милана Обреновича при Сливницах.

¹⁹⁷ См.: Каменский И.В. Тезисы панславизма // Славянский век. 1903. Вып. 59. С. 322–323.

3. Выработка этой культуры должна совершаться при постоянном взаимодействии друг с другом *всех* славянских народов с одной стороны и *всего* Славянства с Европой с другой стороны. Взаимодействие славянских народов с Европой *porozнь* вело всегда к большей или меньшей потере бытовых славянских особенностей, к обезличению данной славянской народности.

4. Взаимодействие Славянства с Европой отнюдь не должно носить насильственного, завоевательного характера, а должно выражаться в совместном накоплении и беспрестанном обмене духовных и материальных благ.

5. Взаимодействие славянских народов друг с другом тем более не может основываться на насилии: культурное кровообращение в Великом Славянском Телe может быть правильным и полезным для всего организма лишь при полной равноправности и самостоятельности каждого из народов-членов Всеславянского Союза.

6. Всеславянский Союз (в идеальном будущем) должен создаваться на *этнографическом* принципе: где живет сплошной массой известный славянский народ, там (и только там) могут находиться его владения. Пограничные области, населенные смешанным населением, примыкают к той или другой славянской народности, 1) смотря по преобладанию известного славянского элемента, а в затруднительных случаях, 2) в зависимости от желания самого населения. Принцип *исторической давности*, как поощряющий политическое насилие, должен остаться чуждым для Славянского мира. Этнографический принцип остается в силе и по отношению к Романо-Германскому культурно-историческому типу, т. е. исключает возможность насильственности со стороны Славянства над землями, занятыми сплошной массой Романского либо Германского племени.

7. Желательно, чтобы связь между славянскими народами была не только культурная, но и политическая: земские выборные представители отдельных славянских народов (пропорционально количеству населения) могли бы собираться на всеславянскую думу, для обсуждения и решения дел, касающихся всего Славянства.

8. Дипломатическим языком Славянского Союза может быть либо 1) один из славянских же, наиболее подходящий для этой цели (т. е. русский), либо 2) обычный французский (но отнюдь не немецкий), — в случае разногласия между славянами по поводу данного вопроса.

9. Различие вероисповеданий не должно служить препятствием к сближению славянских народностей; свобода совести в делах веры остается неременным условием и при выработке общеславянской культуры.

10. Цели панславизма в культурном отношении таковы: а) всестороннее развитие каждой отдельной личности и обеспечение ее материального и духовного счастья; б) возможное расширение свободы личности, т.е. до таких пределов, которыми не разрушалась бы жизнь всего об-

щества; в) равноправность сословий, как в общественной, так и в государственной жизни; г) равновесие между правами и обязанностями у должностных лиц; д) всеобщая грамотность, как необходимое условие правильной общественной жизни; е) надлежащая постановка и беспристрастное мирное решение рабочего, женского, школьного и иных общественных вопросов и нужд; ж) скорейшее разоружение, до возможно меньших размеров, громадных армий, поглощающих большую часть государственных доходов и употребление освобождающихся таким образом средств на поднятие экономического благосостояния славянских народов; з) возможно-большая *полнота и разнообразие* в проявлениях бытовой жизни славянских народов.

11. Выработкой культуры на *славянской бытовой основе* и постоянное взаимодействие с другими племенными федерациями Славянство примет *самостоятельное* участие в поступательном движении (прогрессе) человечества.

12. Сближение славянских народов друг с другом, взаимное изучение их языков, литератур и быта, знакомство с историческим прошлым Славянства, всестороннее развитие мировоззрения каждого панслависта путем образования и самообразования, а силы воли путем плодотворной общественной деятельности — вот ближайшие задачи сторонников панславизма»¹⁹⁸.

Кроме того, Каменский, пытаясь снять напряжение по наиболее острым вопросам славянского мира, сознательно нейтрально формулирует основные политические тезисы своей программы. Показательно то, что Каменский готов сделать языком будущей всеславянской федерации французский, чтобы продемонстрировать готовность России к компромиссу и диалогу.

Каменский со своими единомышленниками не оставили без внимания вопрос о политическом объединении славянских народов. Тем не менее, в программе Каменского звучат достаточно осторожные предложения. Так, например, с точки зрения автора «желательно, чтобы связь между славянскими народами была не только культурная, но и политическая». Для этого Каменский предлагает создание «всеславянской думы для обсуждения и решения дел». Формировалась бы она по принципу пропорционального представительства каждого славянского народа в зависимости от количества населения¹⁹⁹. При этом Каменский не ставит никаких конкретных политических целей перед союзным парламентом, а говорит лишь о необходимости достижения «целей панславизма в культурном отношении». Среди них можно выделить такие, как свобода личности, политическое и гражданское равенство, просвещение, защита прав женщин, разоружение и экономическое благосостояние.

В заключение следует отметить, что, несмотря на попытку переосмысления идейных основ панславизма, Каменский никогда не отрицал преемственности взглядов теоретиков культурного

¹⁹⁸ Каменский И.В. Тезисы панславизма // Славянский век. 1903. Вып. 59. С. 323–324.

¹⁹⁹ Там же. С. 323–324.

направления в русском панславизме. Более того, Каменский был категорически против «руссофобских» трактовок панславизма, как орудия «царской политики». Для него очевиден сдвиг концепций славянского единства в экономическую плоскость, обусловленный изменениями в экономической и политической сферах жизни. Хотелось бы подчеркнуть, что работы Каменского наиболее точно передают суть трансформации панславизма на рубеже эпох. Многие поставленные вопросы и высказанные на страницах журнала «Славянский век» идеи Каменского, стали пророческими. Игнорирование властями проблем, которые рассматривали и пытались решить панслависты начала XX в., привело к кровавому событию, изменившему судьбы миллионов людей — Первой мировой войне.

Таким образом, в политической программе журнала «Славянский век» четко фиксируется главный тренд в эволюции панславизма в начале XX в. — усиление экономической составляющей и приоритет идей экономической интеграции славянских народов, как единственного средства противостояния немецкой экономической экспансии. В тоже время отмечается и преемственность взглядов с предыдущими поколениями русских панславистов. Анализ программы журнала позволяет говорить о том, что она укладывается в предложенное нами наименование *«культурно-экономический панславизм»*, так как в век бурного развития капитализма опора на старые и изжившие схемы уже попросту не отвечала ни интересам панславистов, ни интересам славянства. Резюмируя рассмотрение программы журнала, следует подчеркнуть, что она полностью вписывалась в парадигму *«культурно-экономического»* направления русского панславизма и носила сознательно политически нейтральный характер. Основной упор в ней делался на развитии культурных взаимосвязей со славянскими странами, упрочении роли русского языка как средства межславянской коммуникации, подготовки «почвы» для будущей политической интеграции славянских народов в рамках некоего «славянского союза» на равноправной основе. В тоже время, здесь вполне четко обозначился вектор ухода в обсуждение экономических путей интеграции славянства. Именно экономике и торговле отводилась та роль, которая ранее признавалась за языком и литературой. Но это были лишь первые шаги на пути кристаллизации подобной идеи. В будущем некоторые мысли, впервые высказанные И.В. Каменским, получили дальнейшую разработку и на политическом уровне. В ходе многочисленных переговоров между политическими деятелями славянских земель (В. Клофач, К. Крамарж, И. Хрибар, С. Радич) и членами Государственной Думы Российской империи (Н.М. Хомяков, В.А. Маклаков и др.) не раз поднимались вопросы создания славянского банка, развития славянского туризма и молодежного движения, поощрения культурных связей и многих других. Но это будет позже. А из вышесказанного можно сделать вывод о том, что политическая программа «Славянского века»

весь период его существования, не носила до конца проработанный характер, требования были размыты и неточны, а их реализация откладывалась на неопределенное будущее.

Раздел V. Политико-текстологический анализ содержания журнала «Славянский век»²⁰⁰

Как было сказано выше, журнал «Славянский век», объединивший вокруг себя молодых славистов и общественных деятелей, просуществовал недолгие четыре года. Однако и за этот столь короткий срок сумел стать площадкой для обсуждения самых разнообразных тем и вопросов, начиная от славянской филологии и заканчивая экономикой и политикой. Из-за действий австрийской полиции журнал был вынужден прекратить свое существование в 1904 г., но авторы, сплотившиеся вокруг редакции «Славянского века», не утратили веру в славянское движение и продолжили свою работу по популяризации славянской идеи, кто в науке, а кто в других печатных изданиях.

Содержание журнала «Славянский век» будет рассмотрено нами по частям: Выпуски №№1–48 (первый и второй годы издания) и Выпуски №№49–92 (третий и четвертый годы издания). Это позволит проследить трансформацию редакционной политики журнала, выделить основные темы, освещаемые авторами, охарактеризовать общую тональность статей, выявить корреляции между сменой курса редакции и изменениями исторического контекста эпохи.

Первый выпуск журнала «Славянский век» вышел в свет в 1900 г. и включал в себя 15 разделов — больше за первые два года издания не было ни в одном выпуске. Самыми небольшими по количеству разделов стали выпуски 15, 22 и 25, которые насчитывали лишь по 7 разделов. Также за первые два года издания семь раз редакция выпускала сдвоенные выпуски — 7–8 (12 разделов), 9–10 (10 разделов), 11–12 (12 разделов), 33–34 (11 разделов), 35–36 (12 разделов), 37–38

²⁰⁰ При написании данного раздела диссертации использованы результаты научных работ, выполненных автором и опубликованных ранее: *Болдин В.А.* И.В. Каменский — идеолог «нового славянского мировоззрения» // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2017. № 2(51). С. 169–176; *Болдин В.А.* Культурный панславизм И.В. Каменского // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 2. С. 348–352; *Болдин В.А.* К вопросу о дихотомии «панславизм-неославизм» в отечественной науке // Геополитический журнал. 2017. № 2-3(18). С. 76–82; *Болдин В.А.* Рупор нового славянского мировоззрения: журнал Славянский век (1900–1904 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2017. № 1. <https://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/789>; *Болдин В.А.* Освещение русско-японской войны (1904–1905 гг.) в русской публицистике на примере журнала Славянский век (1900–1904 гг.) // Сборник материалов VI Международной конференции молодых ученых и специалистов «КЛИО – 2016». Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. М., 2016. С. 68–70; *Болдин В.А.* Освещение русско-японской войны (1904–1905 гг.) в русской публицистике на примере журнала Славянский век (1900–1904 гг.) // Материалы Международного молодежного научного форума Ломоносов – 2016. [Электронный ресурс]. М., 2016; *Болдин В.А.* Очерки И.В. Каменского «Панславизм, пангерманизм и панроманизм в XX веке» (1902 г.): политико-текстологический анализ // SCHOLA – 2016: Политическая текстология и история идей. М., 2016. С. 26–30.

(15 разделов) и 39–40 (11 разделов). В среднем же выпуск журнала содержал от 9 до 12 разделов разной тематической ориентации. В целом, каждый журнал по объему не превышал 32-х страниц, за исключением сдвоенных выпусков, когда количество страниц увеличивалось до 48.

Стоит сказать, что первые выпуски журнала «Славянский век» не имели четкой структуры, так как редакция старалась найти нужный подход к читателю и освещать именно те темы, которые были бы ему интересны. Однако сразу же наметилась тенденция к тому, что «Славянский век» неукоснительно придерживался поставленных перед собой целей и задач и с первых же номеров значительное внимание уделял культурным и торговым связям в славянском мире. Так, уже в первом выпуске можно увидеть позже ставший традиционным раздел «Критика и библиография», посвященный обзору наиболее интересных книг, вышедших на славянских языках. Более того, с выпуска №9–10 и по выпуск №24 «Славянский век», помимо прочего, имел и «Литературный отдел», в котором публиковались произведения русских и славянских писателей, поэтов и публицистов, а также выходила колонка ведущего этого отдела под названием «Листки» (ее вел В.Н. Кораблев, подписывавшийся псевдонимом «Веди–Како»). С выпуска №25 «Литературный отдел» прекратил свое существование, однако вопросы, поднимаемые в нем, не пропали из повестки журнала, а перешли в другие разделы. Кораблев продолжал периодически публиковать свои «Листки», освещая события из мира литературы, а «Славянский век» ввел новую практику — отныне каждый выпуск журнала сопровождался публикацией в нем стихотворения, очерка или рассказа одного из славянских литераторов, помещенной или в начало, или в конец журнала.

Стоит отметить особенность редакционной политики журнала, в основу которой был положен принцип публикации в издании как можно более широкого круга литераторов. На страницах «Славянского века» за первые два года издания журнала были опубликованы произведения совершенно разных писателей: известного своими близкими к социал-демократам взглядами М. Горького (1868–1936), А.П. Чехова (1860–1904), А.К. Толстого (1817–1875), известного своими симпатиями к славянскому движению поэта Ф.И. Тютчева (1803–1873), классика сербской литературы С. Матавуля (1852–1908), болгарского поэта, борца за независимость Болгарии И. Вазова (1850–1921) и др. Даже такой неполный перечень авторов дает отчетливое представление о довольно либеральном подходе редакции к вопросу включения того или иного литературного произведения в предстоящий выпуск. Этот факт подтверждает предположение о том, что целью журнала было познакомить читателя со всем спектром славянской литературы, а главное — дать ему возможность самому вынести вердикт о состоятельности того или иного литературного произведения.

Необходимо особо подчеркнуть не только практику публикаций литературных произведений на русском языке, но и примеры параллельных переводов со славянских языков на русский. Это

лишний раз говорит о стремлении редакции к популяризации русского языка как средства будущей межславянской коммуникации посредством знакомства славянских народов с русской литературой и культурой, и, конечно же, о предоставлении нерусским читателям возможности изучать русский язык, читая журнал.

Все выпуски первого и второго года издания (кроме выпусков №1 и №3) содержали в себе раздел, посвященный культурным и общественным событиям, происходившим в славянском мире. До выпуска №25 этот раздел носил название «Славянские культурные новости», а начиная с выпуска №26 — название «Славянские вести», охватывая более широкий круг освещаемых событий, не ограничивающихся культурной сферой жизни общества.

Выпуски №№ 1, 3, 4, 5, 6, 7–8, 9–10, 13, 14, 15, 16, 17, 20 имели очень интересный раздел «Славянская летопись», в котором помещались совершенно разные материалы: начиная от писем в редакцию и размышлений о славянской филологии и кончая заметками о славянских благотворительных обществах и деятелях славянского движения. Можно предположить, что разброс тем в этом разделе, был обусловлен, скорее всего, поисками содержательной концепции журнала, так как затем многие из тем, затронутых в разделе «Славянская летопись», либо получали свое самостоятельное место в журнале (как раздел «Письма в редакцию»), либо вошли в другие разделы.

Придерживался «Славянский век» и курса на освещение торгово-экономических вопросов, призванных поощрять налаживание торговых связей между Россией и славянскими землями. Так, например, в выпуске №4 была помещена статья польского литературоведа, уроженца Львова Романа Пилата (1846–1906) «Чешская торговая жизнь»²⁰¹, выполненная на двух языках — русском и чешском, а в выпуске №33–34 можно найти публикацию Д.Н. Вергуна «Русско-австрийский таможенный союз»²⁰². Более того, в выпуске №2 журнала появился целый раздел, посвященный торгово-экономическим вопросам — «Торгово-промышленный отдел», в выпусках же №№19 и 20 он уже носит название «Народно-хозяйственный отдел». И это лишь немногие примеры, подтверждающие то, что «Славянский век» на своих страницах пытался дать полную и разнообразную информацию, которая помогла бы торгово-промышленным кругам славянских стран наладить экономические связи.

Наши выводы подтверждаются и мнением З.С. Ненашевой, которая пишет следующее: «Как русские, так и зарубежные славянские авторы стремились найти конкретные пути сближения славянских народов среди заинтересованных в этом буржуазных и торгово-промышленных кругов. В этой связи уже во втором номере журнала был учрежден специальный торгово-

²⁰¹ См.: Пилат Р. Чешская торговая жизнь // Славянский век. 1900. Вып. 4. С.20–24.

²⁰² См.: Вергун Д. Русско-австрийский таможенный союз // Славянский век. 1901. Вып. 33–34. С.278–279.

промышленный отдел. Журнал уделяет пристальное внимание всем перипетиям организации юбилейной Всеславянской художественно-промышленной выставки в Петербурге, поднимает вопрос об активизации славянской книжной торговли, о необходимости издания “всеславянской популярной энциклопедии”, подробно информирует о проектах создания в России и Австро-Венгрии различных торговых фирм»²⁰³.

Помимо вышеупомянутых тем, «Славянский век» уделял внимание и общественно-политическим процессам, происходившим в мире. Характерным примером являются очерки И.В. Каменского «Панславизм, пангерманизм и панроманизм в XX веке», которые печатались в «Славянском веке» в выпусках №№ 4, 5, 11–12, 13, 14, 15, 23, 25, 39–40, 41, 43, а позже вышли отдельной брошюрой²⁰⁴. Эти очерки имели концептуальное значение, в них нашли свое отражение тенденции освещения общественно-политических проблем с точки зрения «неославянофилов», к которым относилась и редакция «Славянского века».

Отдельное издание очерков в виде брошюры в 1902 г. было посвящено участникам Гаагской мирной конференции (1899 г.): «Так как панславизм есть лишь одно из проявлений федерализма, возведенного официально созванием знаменитой мирной конференции в Гааге, то я и решаюсь посвятить мои скромные очерки Г.г. участникам этой конференции»²⁰⁵.

Открывает свои очерки Каменский следующими словами, которые, как окажется, имели пророческий характер: «Никто в настоящее время не сомневается, что человечество и особенно Европа находятся накануне великих событий. Войны греко-турецкая, японско-китайская, испано-американская, англо-африканская и недавнее столкновение Европы с Китаем являются грандиозными прелюдиями к предстоящим всемирно-историческим явлениям. Милитаризм, доведенный в Европе до небывалых размеров со времен франко-прусской войны 1870 года, закончившейся объединением почти всей Германии (за исключением областей Австрии), возбуждал и возбуждает повсюду тревожные ожидания Великоевропейской войны»²⁰⁶. Каменский отмечает, что в современной ему Европе скопилось такое количество «гордиевых узлов», что ее «политическое состояние» можно считать ненормальным. Причинами этого стали, по мнению Каменского, во-первых, избыток населения в Европе, предсказанный еще английским экономистом Т. Мальтусом (1766–1834) в его знаменитом труде «Очерки о законе народонаселения» (1798), а, во-вторых, погоня за рынками сбыта для новых товаров, которая привела Европу к политике колониализма²⁰⁷.

²⁰³ *Ненашева З. С.* Идейно-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX в.: чехи, словаки и неославизм, 1898–1914. М., 1984. С. 61.

²⁰⁴ *Каменский И.В.* Панславизм, пангерманизм и панроманизм в XX в. Посвящается участникам Гаагской мирной конференции. Одесса, 1902.

²⁰⁵ *Там же.* Предисловие.

²⁰⁶ *Там же.* С. 2.

²⁰⁷ *См.: Там же.*

Выход из столь затруднительного положения, с точки зрения Каменского, можно найти, используя при анализе «принципов исторической жизни» народов Европы социологию — объективную науку, основоположником которой стал О.Конт (1798–1857), и философию истории, субъективную науку, являющуюся подготовительной стадией социологии. Именно соединение этих двух подходов даст возможность преодолеть временные и пространственные рамки исторической науки и дать точный научный прогноз о будущем лучшем политическом устройстве Европы²⁰⁸.

В результате анализа исторической жизни европейских народов, Каменский приходит к выводу, что европейским странам для процветания, достижения «естественного равновесия» и снижения милитаризма необходимо стремиться к культурному, а, если будет возможность, и к политическому единению трех союзов одноплеменных государств: Романских, Германских и Славянских народов²⁰⁹.

Особенно хочется подчеркнуть, что свои выводы Каменский основывал не на «абстрактных размышлениях», а на научном анализе, с применением собственноручно выведенных оригинальных формул на основе статистических данных. В своем исследовании Каменский старался применить как общенаучные методы индукции и дедукции, так и социологические методы, выводя оригинальную теорию потребностей, одним из элементов которой в его интерпретации стала базовая «потребность в сближении». Именно «потребность в сближении», по мнению Каменского, становится ключевой для народов, населяющих Европу, в их стремлении к «племенному федерализму».

В своих очерках Каменский уделит внимание и традиционному спору «западников» и «славянофилов» о самобытности «славянской культуры» и месте России в мире. Проведя различие между «самобытностью» и «самостоятельностью» культуры, а также рассмотрев исторический путь России от древности и до современной ему эпохи, Каменский пришел к выводу, что в XX в. уже было бы неправильно вести дискуссию в категориях первых «западников» и «славянофилов». Мир изменился, а с ним изменилась и культура народов Европы. Нравственный и социально-политический космополитизм повсюду проник в верхние слои общества. Стремление к сближению и федеративному соединению по этнографическому принципу родственных наций позволит достигнуть братства, равенства и свободы в культурно-материальной и в куль-

²⁰⁸ См.: Там же. С. 5.

²⁰⁹ См.: Там же. С. 9.

турно-социальной жизни. Племенной федерализм обеспечит свободное и независимое развитие каждой из культур, а их достижения станут достоянием всего человечества.

Каменский предупреждает, что культурное сближение ни в коем случае не должно носить насильственный характер. Так, за излишнее «давление», Каменский жестко критикует политику русского правительства в Польше, откровенно называя ее «неславянской»²¹⁰.

Вообще, с точки зрения Каменского политическая карта Европы должна подлежать полному пересмотру, так как ее нынешнее состояние не соответствует ходу исторического развития. Так, например, Галицкая Русь должна отойти России, а левую часть Царства Польского стоило бы отдать будущему Польскому штату в составе Австрийской федерации. Это способствовало бы снятию вражды между двумя братскими народами — русскими и поляками, а в дальнейшем и созданию двух одинаково сильных «славянских великанов» — России, «содержащей в своих недрах» финнов, грузин, армян, татар, и Средне-Европейского имперского союза, состоящего из славян бывшей Австро-Венгерской империи, Греции, Румынии, Венгрии, Албании. Дипломатическим и коммерческим языком будущего двойственного союза, безусловно, должен был стать русский язык, а малые славянские народы должны будут жить в союзе с Россией, не боясь в то же время быть поглощенными ею. Между тем в Европе к тому времени сложился бы Двойственный Романо-Германский Союз²¹¹.

Подводя итог рассмотрению очерков, выделим две ключевые особенности этого текста Каменского. Во-первых, стремление придать теории панславизма научный характер и объяснить будущее объединение славян с точки зрения объективных законов развития, а во-вторых — крайнюю утопичность и непроработанность политического проекта «неославянофила». Это является показательным для журнала в целом, поскольку большинство общественно-политических статей «Славянского века» в первые два года его издания, выражали в целом схожие с позицией Каменского взгляды.

Эволюцию, произошедшую в русском панславизме в начале XX в., хорошо иллюстрирует еще одна работа — статья автора «Славянского века» Г.А. Ильинского «Истинное славянофильство», опубликованная в выпусках №№33-34 журнала за 1901 г. Выбор темы был отнюдь не случаен. В начале XX в., вслед за растущими изменениями в социально-политической и экономической жизни, многие общественно-политические движения и идеологии подверглись ревизии и пересмотру. Не избежало подобной участи и «славянофильство», которое к началу XX в. воспринималось широкой общественностью как направление, давно исчерпавшее свои внут-

²¹⁰ Там же. С. 51–52.

²¹¹ В более поздних работах Каменский был готов поступиться пунктом «о русском языке», и заменить его французским — В.Б.

ренные силы и потерявшее всякую актуальность. Подобная установка привела к тому, что когда-то крайне популярные идеи славянофилов потеряли свое влияние не только в философии и литературе, но и в славистике.

Тем не менее, некоторые ученые-славяноведы выступили против необоснованных нападок на «отцов славянофильства». Признавая тот факт, что в современных им условиях классические славянофильские построения уже не способны в полной мере отвечать актуальным вызовам эпохи, они считали, что было бы неосмотрительно отрицать огромный гуманистический потенциал славянофильского мировоззрения. Одним из таких защитников славянофильства перед лицом «беспощадных врагов» и стал русский славист, ученик академика В.И. Ламанского²¹², Ильинский. Будучи в то время молодым ученым и общественным деятелем, он понимал необходимость выработки не только новых научных подходов для изучения славянских народов, но и, осознавая определенную утопичность идей «старых славянофилов», необходимость своевременной критики эпитогонов славянской идеи. Свои взгляды на славянофильство Ильинский и отразил в рассматриваемой статье.

Необходимо сказать несколько слов о личности Ильинского. Будучи уроженцем Санкт-Петербурга, он в 1898 г. блестяще окончил словесное отделение историко-филологического факультета Петербургского университета, где обучался под руководством «патриарха российского славяноведения» Ламанского. В отличие от своего учителя, в своих научных и публицистических трудах Ильинский подверг пересмотру многие положения отечественного славяноведения. Кроме того, с единомышленниками по петербургскому кружку «Славянская беседа» (И.В. Каменским, В.Н. Кораблевым, Р.Г. Пржевальским, А.Л. Липовским) Ильинский выступил за выработку «нового славянского мировоззрения», которое в дальнейшем должно было бы лечь в основу политической программы будущей «младославянской партии»²¹³. Именно члены петербургского кружка позднее и составили основной круг авторов журнала «Славянский век». Как отмечает Л.П. Лаптева, — «выдержав магистерский экзамен, Ильинский был командирован за границу для усовершенствования в науках, где “ревностно и успешно занимался в избранной специальности с 1 мая 1901 г. по 1 мая 1903 г.”»²¹⁴. Именно в этот период Ильинский начал активно сотрудничать с журналом «Славянский век», на страницах которого вступил в полемику с критиками славяно-

²¹² О роли и месте В.И. Ламанского в становлении российского славяноведения см.: *Лаптева Л.П.* Владимир Иванович Ламанский (1833–1914) (К столетней кончине знаменитого слависта) // *Славянский мир в третьем тысячелетии: человек, общество, народ в истории, языке и культуре.* М., 2014. С.47–59; *Робинсон М.А.* В.И. Ламанский, его взгляды на развитие славяноведения, мнения о нем учеников и коллег // *Славянский альманах* 2013. М., 2014. С. 136–151.

²¹³ Подробнее о биографии Г.А. Ильинского см.: *Баранкова Г.С.* Григорий Андреевич Ильинский (1876–1937) // *Русская речь.* 2001. №2. С. 55–74; *Робинсон М. А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930–х годов). М., 2004.

²¹⁴ *Лаптева Л.П.* Г.А. Ильинский о славянофильстве // *Славянский альманах* 2012. М., 2013. С.176.

фильства, ратуя за выработку «нового славянского мировоззрения», не только хранящего традиции отечественных панславистов, но и отвечающего вызовам нового времени.

К началу XX в. вопрос о славянофильстве вновь начинает широко обсуждаться в русских общественно-политических журналах. По словам Л.П. Лаптевой, славянофильство «активное в 40–50-х гг. XIX века, к концу столетия уже стало анахронизмом в том варианте, в каком оно было сформулировано его родоначальниками. Исчезнув из серьезных научных исследований о славянах, оно продолжало существовать в измененном виде и в разных вариантах. В начале XX века в русской литературе проходила уже историческая оценка славянофильства, разбиралась его сущность и значение для русской интеллектуальной жизни XIX века, и определялось место самой славянофильской доктрины в настоящем и будущем»²¹⁵. Подобное обращение к теме славянофильства в начале XX в. было не случайно. В этот период русское общество находилось в состоянии поиска новых идейно-политических оснований. Усложнение всех общественных отношений, бурный рост экономики, ломка традиционной сословной стратификации, общеевропейский кризис культуры, геополитические потрясения в мире — вот те вызовы, с которыми столкнулось русское общество. В этой связи вполне логичным было оживление общественно-политических дискуссий о месте России в мире, ее духовных и моральных ориентирах, о целесообразности политических и экономических реформ в стране. Отношение к самобытной философии славянофильства, предлагавшей собственный взгляд на многие основные вопросы общественной жизни, вновь становится своеобразным водоразделом, который определял принадлежность к тому или иному идейному направлению русской мысли. Не мог остаться в стороне от разгоравшихся диспутов и Ильинский, всегда тонко чувствовавший основные «болевы точки» русского общества и смело отстаивавший свой «славянский» взгляд по ключевым вопросам российской политики.

Одним из показательных документов, отражающих состояние славянофильской идеи в начале XX в., и стала статья Ильинского «Что такое истинное славянофильство?», в которой он дал собственную оценку этому уникальному явлению в русской общественной мысли. Статья была написана Ильинским в Праге, в годы его научной командировки по славянским землям²¹⁶, сразу же вызвала оживленные споры в среде отечественных славистов и общественных деятелей.

Уже в первых строках Ильинский отмечает следующую закономерность: «чем крупнее по своему внутреннему значению известное культурное направление, чем выше и глубже его принципы, чем шире их круг влияния, тем более разнообразный и страстный характер носят

²¹⁵ Там же. С.177.

²¹⁶ После окончания Петербургского университета Ильинский продолжает свое образование за рубежом (1901–1903 гг.), посещая не только славянские страны, но и Германию и Австро-Венгрию — В.Б.

взгляды на него различных научных и общественных партий»²¹⁷. Данная участь «всего самобытного, оригинального и великого» не обошла стороной и славянофильство. Ильинский подчеркивает, что не только «враги» славянофильства (Д.И. Писарев, М. Здзеховский²¹⁸), но и его самые ярые последователи «нередко расходятся между собой во взглядах на существенные пункты славянофильского учения»²¹⁹. Трактовки и определения этому явлению чрезвычайно разносторонни: от культа самодержавия, православия и народности, веры в религиозную все-спасающую миссию русского народа, до христианского социализма и политического панславизма. Таким образом, замечает Ильинский, «в настоящее время трудно встретить двух “славянофилов”, которые бы не отрицали совершенно мировоззрение один другого»²²⁰.

Более того, особую тревогу Ильинского вызывает тот факт, что «нередко можно встретить людей, глубоко проникнутых идеями Хомякова, Киреевских, Аксаковых и др., и в то же время и руками и ногами отрещивающихся от титула “славянофил”»²²¹.

Однако в подобной путанице и смешении понятий Ильинский видит не вырождение славянофильской доктрины, а наоборот — «необходимое и неизбежное следствие всякого учения, стремящегося объять с немногих точек зрения целый круг религиозных, социальных, правовых и других явлений»²²². Кроме того, любое направление, которое рассчитывает на продолжительное влияние в обществе, и не желающее оставаться позади новых потребностей и интересов, должно стремиться к усовершенствованию, к поиску «честных компромиссов», а «не коснеть в одних и тех же изжеванных формулах и аргументациях»²²³. Именно поэтому в славянофильстве, с точки зрения Ильинского, могут и *должны* существовать фракции, в то же время придерживающиеся «основного принципа» данного направления. Этот принцип автор определяет как душу движения, его «альфу и омегу», смысл существования, и если этот принцип «в последней фазе развития направления также чист, высок и логичен, как и в первой, то направление следует считать существующим и жизнеспособным»²²⁴.

Чтобы понять основной принцип истинного славянофильства и ответить на вопрос, насколько это направление живо и актуально в его дни, Ильинский предлагает провести экскурс в историю развития славянофильства. В начале сороковых годов XIX в., как считает Ильинский, русская интеллигенция раскололась на три враждебных друг другу идейных лагеря, «партии».

²¹⁷ Ильинский Г.И. Что такое истинное славянофильство? // Славянский век. 1901. Вып.33–34. С.261.

²¹⁸ Подробнее о жизни и социально-политических взглядах Здзеховского см.: Дианова В.М., Скочинский Я.Г. Жизнь и мировоззрение Мариана Здзеховского // Вопросы философии. 2017. № 6. С.82–91

²¹⁹ Ильинский Г.И. Что такое истинное славянофильство? // Славянский век.1901. Вып.33–34. С.261

²²⁰ Там же. С.261

²²¹ Там же.

²²² Там же. С.261.

²²³ Там же.

²²⁴ Там же.

Линиями раскола, по его мнению, послужили различные ответы на два главных нерешенных вопроса российской истории: 1) в каком отношении русская культура должна находиться к западноевропейской; 2) как следует понимать отношение русского народа к государству.

Первая «партия», которую условно можно назвать «консервативно-национальной» или «официально-народнической», возглавлялась такими мыслителями, как М.П. Погодин и С.П. Шевырев²²⁵. Ильинский отмечал, что данная «партия» отвечала на заданные нашей историей вопросы в «свободолюбивом духе», утверждая, что «русская культура должна идти в своем развитии самостоятельным, независимым от западноевропейской цивилизации путем»²²⁶. Однако, по мнению Ильинского, эта «партия» допускала фундаментальную ошибку — отождествление русской культуры не с «бытом, стремлениями и идеалами русского народа, а с началами и устоями *русского государственного устройства*»²²⁷. Замыкание на знаменитой уваровской формуле «православие, самодержавие, народность» обрекло это направление на идейную стагнацию, вследствие чего, оно приобрело не только консервативный, но и вполне реакционный характер, враждебно относясь ко всяким западноевропейским и русским течениям, которые иначе понимали принципы взаимоотношений общества и государства. Данный путь развития, с точки зрения Ильинского, был нежизнеспособным.

Противоположных взглядов на нашу историю, культуру, особенности национального характера придерживалось так называемое «западничество». Ильинский пишет: «Оно (западничество — В.Б.) совершенно отрицательно относилось к основам русского государственного быта того времени, освящавшим произвол бюрократии, крепостное право, религиозное фарисейство, полное рабство печатного слова и т.п.»²²⁸. Ильинский выносит этому направлению русской мысли еще более жесткий «диагноз»: «вполне свободолюбивое в общественном смысле, западническое направление было почти реакционным в смысле национальном: *оно не признавало или не хотело признавать самобытности русской собирательной народной личности, отождествляя ее с простым невежеством*»²²⁹. Называя западников «либеральными-космополитами», Ильинский резко выступает против признания ими России варварским государством, подвергая критике идею об усвоении западноевропейских институтов как панацеи и единственном источнике возможного «русского прогресса». Вслед за П.Я. Чаадаевым и В.Г. Белинским, «проповедуя чудовищные нелепости», западники «не замечали чудовищной непоследовательности своих возвышенных стремлений: ведь по существу

²²⁵ О социально-политических взглядах С.П. Шевырева и М.П. Погодина см.: *Шириняну А.А.* С.П. Шевырев в истории социально-политической мысли России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2011. № 1. С. 5–16; *Шириняну А.А.* Михаил Петрович Погодин // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2001. № 4. С. 60–81.

²²⁶ *Ильинский Г.И.* Что такое истинное славянофильство? // Славянский век. 1901. Вып.33–34. С.262.

²²⁷ Там же.

²²⁸ Там же. С.262.

²²⁹ Там же.

они стремились не к полному уничтожению рабства, а к замене одного его вида (социально-политического) другим (национально-культурным)!»²³⁰, — подчеркивает Ильинский.

Единственным верным направлением, свободным от ошибок своих оппонентов, стало, по глубокому убеждению Ильинского, славянофильство. Именно в доктрине славянофилов и только в ней в чистом виде воплотились идеалы гуманизма, уважения к человеческой личности, «стремление к эмансипации русского народа не только от помещичьей или бюрократической опеки, но и от опеки западноевропейской цивилизации»²³¹. В отличие от западников славянофилы не считали гуманизм «монополизированным имуществом Запада», они смогли доказать, что славянское племя всегда было и будет носителем глубоких человеческих ценностей, отмечал Ильинский. Тем не менее, не обошлось без критики. Ильинский резко отрицательно отнесся к высказываниям некоторых из его адептов славянофильства, которые, доходя до крайностей, уверяли, что «началам славянской цивилизации предназначено обновить и освежить дряхлеющий западный мир»²³².

Ильинский выводит основной принцип славянофильства, позволяющий ему оставаться актуальным — требование двойного освобождения русской народной личности, единичной (слагающейся из известной суммы наследственных и благоприобретенных свойств) и собирательной (составляющей результат исторических традиций, физических свойств нации и продуктов коллективного духовного творчества — культуры). Он предлагает и собственную периодизацию эволюции славянофильства, подчеркивая тот факт, что на всех его фазах основной принцип движения оставался неизменным. Первую фазу, которую Ильинский называет «религиозно-мистической», характеризует отстаивание идеи о том, что «каждому великому народу а priori прирождены известные идеи или начала, постепенное раскрытие которых и составляет содержание его истории»²³³. А.С. Хомяков, братья К.С. и И.С. Аксаковы и И.В. и П.В. Киреевские, другие славянофилы, были убеждены, что таким началом русского народа стало православие, отождествляемое ими с ранним христианством. Русский народ, с точки зрения славянофилов, был народом-богоносцем, носителем христианских идей свободы и любви.

Во вторую фазу своей эволюции славянофильское направление объединило представителей так называемой «молодой редакции» «Москвитянина» в лице А.А. Григорьева²³⁴, Н.И. Страхова, А.Н. Островского, А.Ф. Писемского. Это направление славянофильства Ильинский называет

²³⁰ Там же. С.263.

²³¹ Там же.

²³² Там же.

²³³ Там же. С.263.

²³⁴ О почвенничестве как течении в русской социально-политической мысли см.: Васильев А.А. Мировоззрение почвенников (Ф.М. и М.М. Достоевских, А.А. Григорьева и Н.Н. Страхова: забытые страницы русской консервативной мысли. М., 2010.

«эстетико-органическим», замечая, что квинтэссенция его основных идей укладывалась в следующую формулу: «великое и прекрасное, как в искусстве, так и в жизни есть органический результат среды; но последняя всегда национальна; следовательно, все великое в культуре должно быть национально-самобытным: а это последнее качество достижимо только тогда, когда в ее созидании примут участие такие классы русского общества, которые наиболее были удалены от влияния западно-европейской цивилизации, т.е. купеческое и крестьянское сословие»²³⁵. Признавая определенный прогресс развития этой славянофильской школы по сравнению со взглядами предшественников, Ильинский все же выделяет и ее слабое место — понятие «органического» творчества, вводимое Григорьевым и Страховым, носило слишком широкий, «туманный» характер, и было неподходящим для определения «качественного содержания самобытной русской культуры»²³⁶.

Третью фазу развития славянофильства Ильинский связывает с творчеством Ф.М. Достоевского²³⁷ и его попыткой доказать самобытность русской культуры с помощью апелляции к особому психологическому складу русского народа, к характеру его исторического воспитания и уклада его социальных учреждений (в частности, крестьянской общины как воплощения христианских идеалов русского народа). Интересна точка зрения Ильинского, согласно которой именно под влиянием идей Достоевского в русской общественно-политической жизни возникло так называемое «народничество», «с его стремлением учиться правды у народа»²³⁸.

От мистицизма предыдущих поколений славянофилов попытался освободиться Н.Я. Данилевский, с творчеством которого связан, по мнению Ильинского, переход славянофильства к своей четвертой фазе развития. Пытаясь найти опору для своих построений в «точной естественно-исторической почве», Данилевский разрабатывает концепцию культурно-исторических типов. Однако Ильинский заявляет, что теория Данилевского не выдерживает никакой критики, а история человечества доказала возможность заимствований одной культуры у другой, передачу начал цивилизаций (Ильинский приводит пример современной ему Японии), «да и само уподобление народности естественно-историческому типу вряд ли можно признать логическим»²³⁹.

Проведя, таким образом, обзор эволюции славянофильской школы, Ильинский задается вопросом — следует ли, вторя словам профессора П.Н. Милюкова, утверждать, что славянофиль-

²³⁵ Ильинский Г.И. Что такое истинное славянофильство? // Славянский век. 1901. Вып.33–34. С.263.

²³⁶ Там же. С.263.

²³⁷ О славянофильских взглядах русского писателя Федора Михайловича Достоевского (1821–1881) см.: Прокудин Б.А. Панславизм Ф.М. Достоевского // Английский язык на гуманитарных факультетах: Теория и практика. Т. 8. М., 2015. С. 100–101.

²³⁸ Ильинский Г.И. Что такое истинное славянофильство? // Славянский век. 1901. Вып.33–34. С. 264.

²³⁹ Там же. С.264.

ство «умерло и не воскреснет более»²⁴⁰? Для Ильинского ответ на этот вопрос однозначно отрицательный, ведь вся история славянофильства — это попытка доказать право славянского племени на культурную самобытность, реализация его основного и неизменного принципа.

В своих рассуждениях Ильинский идет дальше, раскрывая и собственную панславистскую концепцию²⁴¹. По мнению русского слависта, несмотря на культурную и политическую разрозненность, славян объединяет, прежде всего, глубокое языковое родство и, как следствие, сходная этнографическая индивидуальность. Родство языков, по Ильинскому, обеспечивает и психическое родство, которое позволяет признать славян и «психологической индивидуальностью». Но как только мы признаем за славянами языковую и психологическую индивидуальность, — подчеркивает Ильинский, — мы вынуждены будем признать за славянством такие же «этические, политические и культурные права, как и всякой другой собирательной личности: германской, романской и т.д.»²⁴². Из этих рассуждений Ильинский делает ключевой для панславистской концепции вывод: «Таким образом, основной принцип славянофильства: политическая и духовная эмансипация нашего племени от других, как условие созидания самобытной цивилизации сохраняет доныне все права на признание»²⁴³.

Завершая статью, Ильинский призывает панславистов отказаться от «метафизических теорий и широких мнимо-философских исторических построений», оставаясь верными великим заветам славянофильства, укрепить и развить его «всесторонним, беспристрастным и далеким от политических тенденций и разных партийных вожделений, изучением славянского мира, как он есть»²⁴⁴. «Только истинно-научное славяноведение — может дать и истинно-славянофильское мирозерцание!»²⁴⁵, — подытоживает автор.

Признавая наличие славянофильства и в XX в., Ильинский закрепляет за ним особую роль в общественно-политической жизни, и вместе со своими единомышленниками по «Славянской беседе» и кругом журнала «Славянский век» выступает с попытками постановки новых задач и выработки новой идеологии, отвечающих действительным интересам славянства. К теме славянофильства и панславизма Ильинский и в дальнейшем не раз будет обращаться в таких своих работах, как «XIX век с славянской точки зрения» (1901 г.), «Из истории политической славянской взаимности» (1901 г.), «Великий эмансипатор (А.С. Хомяков)» (1901 г.), «О главнейших

²⁴⁰ Миллюков П. Н. Из истории русской интеллигенции: Сборник статей и этюдов. СПб., 1902. С. 306.

²⁴¹ Необходимо напомнить тот факт, что Ильинский, подобно многим деятелям славянского движения в начале XX в., не делает четкой методологической разницы между терминами «панславизм», «неославянофильство», «славянская взаимность», «всеславянство». В связи с этим, взгляды Ильинского можно охарактеризовать как продолжение, развитие идей русского панславизма, отнеся их к «культурно-экономическому» панславизму — В.Б.

²⁴² Ильинский Г.И. Что такое истинное славянофильство? // Славянский век. 1901. Вып.33–34. С.264.

²⁴³ Там же.

²⁴⁴ Там же.

²⁴⁵ Там же.

направлениях русской общественной мысли XIX столетия. Лекция проф. Н.И. Кареева в Праге» (1901 г.), «Ближайшая задача современного славянофильства» (1904 г.) и многих других статьях, опубликованных на страницах журнала «Славянский век».

В целом же взгляды Ильинского хорошо демонстрируют эволюцию панславистских политических концепций в начале XX в.. Произшедший отказ от старых славянофильских трактовок славянской идеи, а также пересмотр роли России в славянском мире, предопределил следующие основные черты идейной эволюции русского панславизма в это время: 1) поиск компромиссов и призывы к отказу от взаимных претензий в славянском мире (польский, боснийский, македонский вопросы и др.), выстраивание новой системы взаимоотношений, где ни одно государство не претендует на роль «гегемона» или «единоличного лидера»; 2) приоритет идей экономической интеграции славянских земель посредством создания единого экономического и таможенного пространства; 3) равноправное объединение славянских народов в культурном, а в дальнейшем, и в политическом плане в единую федерацию.

Подводя итог характеристике содержания «Славянского века» за первый и второй годы издания следует отметить, что в этот период проходило формирование уникальной концепции журнала, определялась его целевая аудитория, основные лейтмотивы и структура номеров. В тоже время редакция сразу взяла курс на четкое соблюдение заявленных целей и задач, и дальнейшую свою деятельность журнал осуществлял уже как состоявшееся издание, со своей последовательной позицией, убеждениями и взглядами, которые авторы журнала и пытались донести до читателя.

За третий и четвертый годы издания журнала «Славянский век» было напечатано 43 выпуска (№№ 49–92). Каждый выпуск журнала содержал от 6 до 12 разделов разной тематической направленности. Самыми объемными по количеству разделов стали выпуски №№ 60 (11 разделов), 61 (11 разделов), 79 (12 разделов), 81 (11 разделов), а самыми небольшими — №№ 91 и 92 (6 разделов). По-прежнему, как и в первые два года издания, объем каждого выпуска составлял 32 страницы, кроме заключительных выпусков 89, 90, 91 92, объем которых составлял 16 страниц.

Характерной особенностью выпусков «Славянского века» за третий и четвертый годы издания стало стремление редакции к оформлению тематической направленности содержания каждого выпуска, обнаружившееся уже в конце второго года издания (с вып. №№ 39–40). Она заключалась в том, что редакция старалась посвятить часть выпуска какому-нибудь видному деятелю славянского движения, его биографии и творческому пути, либо же знаменательному событию в жизни славянства. Так, например выпуск № 53 был посвящен обороне Шипки в годы

русско-турецкой войны 1877–1878 гг.²⁴⁶, выпуск № 71 — первому председателю Славянского общества в Болгарии Ивану Михайловичу Вазову (1850–1921)²⁴⁷, а в выпуске № 74 основное внимание было уделено столетию со дня рождения основоположника славянофильства Алексея Степановича Хомякова (1804–1860)²⁴⁸.

Выпуски №№ 49–53, 55–58, 62 включали раздел «Что нового в славистике?», который впервые появился в выпусках №№ 43–47. Этот раздел готовил Ильинский. В нем будущий член-корреспондент Российской академии наук (1921), академик Болгарской (1929) и Польской (1930) академий наук освещал основные тенденции развития и направления современной ему славистики, славянской филологии, истории славян. Этот раздел интересен, прежде всего, тем, что дает представление, как новое поколение исследователей славяноведов в лице Ильинского видело будущее своей науки, ее развитие в рамках академического поля и ее практическое применение. Нужно подчеркнуть, что работы Ильинского представляются важными в контексте концептуальных представлений «неославянофилов» о будущем построении единого «славянского мира» с использованием знаний не только исторического опыта жизни славян, но и осмысления их культуры, языка, традиций и быта с точки зрения славистики как академической науки.

В третий и четвертый годы издания редакции продолжает держаться заявленного курса на освещение общественных и культурных событий в жизни славянских народов. Традиционный раздел «Славянские вести» с выпуска №55 приобретает новый вид: разбивается на подразделы «К всеславянской выставке — Славянские общества — Русские кружки — Славянские народы — Из славянской жизни — Литература». Количество подразделов колебалось, иногда их становилось меньше, иногда, наоборот, появлялись новые (например, в выпуске № 67 в раздел «Славянские вести» был включен подраздел «Славянские рабочие в Берлине»²⁴⁹), но в большинстве случаев структура раздела имела шесть постоянных подразделов.

Начиная с выпуска № 55, в журнале появляется новый раздел — «Книговедение», отличавшийся от раздела «Библиография» тем, что в нем публиковались не просто списки литературы, а критические отзывы и рецензии на вышедшие в свет книги. Сразу несколько авторов принимали активное участие в подготовке данного раздела. Среди них — барон Михаил Фердинандович Таубе (1855–1924), один из участников славянского движения и будущий член монархического «Союза русского народа»; Валентин Александрович Горлов (1860 -?), корреспондент Санкт-Петербургской газеты «Новое время» (1868–1917) и близкий друг Вергуна; Семен Андреевич Лабенский (? - 1919) журналист и активный участник галицко-русского движения; Вера

²⁴⁶ Славянский век. 1902. Вып. 53. С. 129–160.

²⁴⁷ Славянский век. 1903. Вып. 71. С. 705–736.

²⁴⁸ Славянский век. 1904. Вып. 74. С. 33–64.

²⁴⁹ См.: Сахаров Н. Славянские рабочие в Берлине // Славянский век. 1903. Вып. 67. С. 602–604.

Николаевна Вергун (Новосильцева) (1875–1962); русский славист, профессор Роман Фёдорович Брандт (1853–1920). Данный раздел был призван сформировать у читателей представление о литературной жизни славянских народов, а также о книгах, посвященных славянской проблематике, но вышедших за пределами «славянского мира».

Особо стоит отметить участвовавшие по сравнению с предыдущими годами издания публикации, посвященные культурной и общественно-политической жизни Галиции, находившейся тогда в составе Австро-Венгерской империи²⁵⁰. По убеждению авторов «Славянского века», Галиция, или как ее еще называли Червонная Русь, являлась неотъемлемой частью общего русского мира. Постоянные письма, сводки, отчеты выходили в разделах: «Из Червонной Руси» (выпуск №49), «Обновление жизни в Червоннороссии» (выпуск №52), «Что делается в Подъяремной Руси» (выпуск №58), «Из Червоннороссии» (выпуски №№55 и 64), «Страничка из культурно-экономической жизни Червоннороссии» (выпуск №67), «Из подъяремной Руси» (выпуски №№61, 74, 78, 82, 88), «Культурно-национальная жизнь Галицкой Руси» (выпуск №83), «Из Галицкой Руси» (выпуск №86). Сами формулировки названий разделов говорят о позиции «Славянского века» по отношению к «чужеземному ярму» над Галицкой Русью. Все свои журналистские возможности редакция «Славянского века» направляла на привлечение внимания к ущемлению прав русского населения Галиции, к побуждению читателей принять непосредственное участие в улучшении положения славянского населения этой исторической области Российского государства. И это неудивительно, ведь сам Вергун и многие его коллеги по кругу журнала являлись выходцами из Галиции, лично видели и испытывали неравноправие и беззаконие по отношению к славянскому меньшинству и именно поэтому с особой горечью относились к событиям на своей родине. Современные исследователи русинского вопроса, рассматривающие журнал «Славянский век» как важный источник по изучению жизни русин в монархии Габсбургов, следующим образом охарактеризовали тон статей этого раздела: «Основным содержанием статей и корреспонденций из Галиции было преследование русского языка, вытеснение его из делопроизводства, средств массовой информации, учебного процесса в школе и в единственном университете Галиции — Львовском. Другой важной темой было преследование

²⁵⁰ Ссылаясь на исследование С.Ф. Фоминых и В.П. Зиновьева можно отметить, что всего из 92 выпусков журнала 78 так или иначе касались жизни Галицкой Руси. Авторы пишут: «Анализ 92 номеров журнала с 1 июля 1900 по декабрь 1904 г. показал, что вопросов жизни русинов касались авторы 40 статей, 58 заметок и 5 раз при анализе книг. Больше всего информации о Галиции (Червонороссии) — 68, значительно меньше по Закарпатья (Угророссии) — 14, по Буковине (Карпатороссии) — 12, русинской тематики касались в статьях об Австрии в целом 9 раз. Всего мы насчитали 103 упоминания о проблемах русинского населения». См.: *Фоминых С.Ф., Зиновьев В.П.* Журнал «Славянский век» как источник по истории русинов // Русин. 2015. № 1(39). С.88.

православия как основы русской культуры. Особой темой было ознакомление читателей с жизнью русинов, эмигрировавших в Америку»²⁵¹.

Сам Вергун, будучи убежденным сторонником галицко-русского движения, пытался добиться от австрийских властей улучшения положения галичан, однако успеха не достиг и был подвергнут многочисленным арестам за участие в опасном «славянском движении». Спасение Вергун видел лишь в сохранении культурной и политической связи Галиции с Россией, так как только она могла дать защиту и обеспечить выживание русских жителей Червонороссии. Сотрудники «Славянского века» в годы Первой мировой войны (1914–1918) приняли непосредственное участие в создании и деятельности Карпато-русского Освободительного Комитета (К.Р.О.К.), целью которого была помощь русским войскам в борьбе с «немецким игом», а также содействие включению Карпатской Руси в состав Российской империи.

С особой болью и тревогой редакция «Славянского века» восприняла начавшуюся русско-японскую войну (1904–1905). Всецело и полностью встав на защиту интересов России на Дальнем Востоке, авторы «Славянского века» отмечали важность победы над Японией для всего «славянского мира» и критически относились к «японствующим» представителям славянской интеллигенции, считая их одурманенными «пангерманистской» пропагандой. Отношение «Славянского века» к русско-японской войне наиболее ярко характеризует статья главного редактора журнала Вергуна «Славянство и война»²⁵², написанная сразу после начала боевых действий на Дальнем Востоке.

Позиция автора по отношению к причинам начавшейся войны видна сразу же с первых строк: «Вильгельм Велеречивый потирает руки. Он может быть доволен достигнутым успехом. Война на Дальнем Востоке, не нужная ни России, ни Японии, ни Англии, никому не нужная кроме немцев и их присных приспешников... возгорелась с новой силой»²⁵³. Именно из-за действий германских властей, отдавших в нарушение всех договоров приказ о захвате китайского порта Киао-Чао в 1897 году, раз и навсегда расстроились мирные и культурные русские планы на Дальнем Востоке и была создана «монгольская опасность»²⁵⁴. «Нынешняя война — это несчастье для всего славянского мира, — продолжает Вергун. — Победа России, в которой не сомневаются даже закоренелые враги ее, будет куплена дорогой ценой. Все лучшие созидательные русские силы, все положительные таланты, все средства уйдут туда, на Дальнее Приморье

²⁵¹ Зиновьев В.П., Казаков В.В. Журнал «Славянский век» о положении русинов Галиции в конце XIX – начале XX в. // Русин. 2016. №1. С. 122.

²⁵² См.: Вергун Д.Н. Славянство и война // Славянский век. 1904. Вып. 75. С. 66–70.

²⁵³ Там же.. С. 66.

²⁵⁴ Там же. С. 67.

... В то время ... и в Германии и в древне славянской Паннонии, именуемой ныне Австро-Венгрией, и на Балканах славян опять прижмут к стене»²⁵⁵.

Русско-японская война, по мнению Вергуна, была специально развязана немцами, чтобы освободить себе руки в Европе, чтобы отвести взоры всего мира от притеснений славян в Пруссии, Чехии, Галиции, Боснии и Герцеговине. Но, как отмечает Вергун, назло всем скептикам, твердящим об отсутствии внутреннего единства, славяне сразу осознали эту опасность и стихийно выразили свое братское сочувствие России в этой войне. Молебны, адреса, манифестации, пожертвования в «Российское общество Красного Креста», наплыв славянских добровольцев, желающих костями лечь за русскую землю, явились лучшими доказательствами того, что славянская взаимность не пустая фраза. В своей непомерной злобе по отношению к России и славянству, немецкая пресса стремится опорочить славянские порывы, печатая известия о каких-то «поистине безмозглых польских недорослях из Галиции» или «украинофильских вождах», призывающих громы поражения на Россию. Но эти случаи, с точки зрения Вергуна, лишь доказывают закабаленность «отщепенцев из западных славян» немецким игом. Эта война даст им возможность очиститься от «немецкой скверны», посмотреть правде в глаза и понять, что «только в единении и взаимности славянской наше спасение»²⁵⁶.

Такую же очистительную и искупительную роль должна сыграть война и в России, доказав историческую несостоятельность «нерусской российской дипломатии», смыв «свежим потоком патриотизма космополитическую тлю», разьедавшую русскую интеллигенцию²⁵⁷.

Вергун считает, что война покажет еще одну истину, которую уже давно осознают лучшие русские люди. А именно то, что Европа ненавидит Россию за ее «азиатизм», а Азия — за чрезмерный «европеизм». Россия составляет со славянством особый срединный мир, самую судьбою предназначенный примирить начала древнейшей и новейшей цивилизации и явить миру образец истинно-христианского гражданского строительства²⁵⁸.

Необходимо отметить, что подобного рода русофильский патриотизм, высказанный Вергуном — гражданином Австро-Венгерской империи, являлся характерным для представителей всех славянских народов, единодушно выступивших в поддержку России. Об этом свидетельствует множество примеров: выражение сочувствия русскому оружию славянскими депутатами в австрийских делегациях, отправка чешского отряда в Маньчжурию во главе с депутатом австрийского рейхсрата, основателем Национально-социалистической партии Чехии Вацлавом

²⁵⁵ Там же.

²⁵⁶ Там же. С. 68.

²⁵⁷ Там же. С. 69.

²⁵⁸ Там же.

Клофачем (1868–1942), личное командование дивизионом Читинского казачьего полка родным братом сербского короля — князем Арсением. Однако были и противоположные примеры, в частности Йозеф Пилсудский (1867–1935), будущий глава Польского государства, пытался заручиться поддержкой Японии для поднятия восстания в Царстве Польском.

Возвращаясь к статье Вергуна, следует также сказать о том, что позиция, высказанная в этой работе, была характерна и для последующих публикаций «Славянского века», посвященных русско-японской войне. Не боясь преследований со стороны австрийских властей, «Славянский век» выступал с резкой критикой европейских монархов, и демонстрировал безоговорочную солидарность с русской армией и народом.

В целом же, как показывает содержание журнала «Славянский век» за третий и четвертый годы его издания, можно с полной уверенностью утверждать, что редакция продолжила изначальный курс. В выпусках №№ 49–92 по-прежнему значительное место отводилось освещению культурных и общественно-политических событий в славянских странах, знакомству читателей с достижениями культуры и науки в славянских землях, популяризации русского языка как средства общения между славянами, а также развитию торгово-экономических связей между Россией, Австро-Венгрией и Балканским полуостровом. Не обходила стороной редакция и острые политические проблемы славянских стран, давая возможность на страницах издания высказать свою точку зрения представителям разных идейных течений. Обобщая, не будет преувеличением сказать, что редакционная политика третьего и четвертого года издания логически продолжала заданный ранее вектор. Однако некоей переломной точкой здесь стала русско-японская война, когда издание, ранее призывавшее славян примириться и простить друг другу все обиды, выступило с резким осуждением сочувствующих Японии сил в славянских странах, безоговорочно оказав моральную поддержку Российской империи.

Издание просуществовало до конца 1904 г.²⁵⁹, но вынуждено было прекратить свою работу по ряду причин. Вот как сам Вергун объяснял читателям мотивы «временного», как он думал,

²⁵⁹ По представленной в «Славянском веке» журнальной статистике, в 1903 г. количество постоянных подписчиков издания составляло 1123 чел. (общий тираж 1200–1250 экземпляров), из них в Росии – 654, за границей – 469. См.: Статистические данные о «Славянском веке» // Славянский век. Вып. 72. 1903. С. 768. К 1904 г. количество постоянных подписчиков издания составляло 1126 человек, а тираж издания по-прежнему насчитывал 1250 экземпляров. См.: Материалы для журнальной статистики // Славянский век. 1904. Вып. 92. С. 576. Если попытаться сравнить цифры по числу подписчиков с другими изданиями, то можно констатировать большую популярность журнала «Славянский век» по сравнению со «славянскими» изданиями в России. Так, например, количество подписчиков «Известий Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества» в 1885 г. составляло всего 857 чел., из которых лишь 82 чел. были зарубежными подписчиками. См.: Поповкин А.А. Славянские благотворительные общества в Москве и Санкт-Петербурге: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2013. С. 376–379. Журнал «Живая старина» В.И. Ламанского в 1891 г. насчитывал всего 340–350 подписчиков. См.: Грот К.Я. Владимир Иванович Ламанский (умер 19 ноября 1914 г.) // Исторический вестник. 1915. №1. С. 228. Славянофильская «Русская беседа» (1856–1860) во времена пика своей популярности достигала рубежа 1800 подписчиков, а число подписчиков газеты И.С. Аксакова «День» (1861–1865) в среднем варьировалось от 1000 до 2000 чел. См.: История русской

прекращения издания журнала: «... мы вынуждены приостановить на время, впредь до выяснения русских цензурных условий, издание журнала. В истекшем году «Славянский век», благодаря почтовой цензуре России, где находится большее число (675) его подписчиков, доставлялся последним часто в столь обезображенном виде, что они стали возвращать журнал либо с отказом, либо с требованием высылать издание в закрытых конвертах. Подобная высылка, однако, в силу известного циркуляра о вскрытии посылок, получаемых из-за границы в России, не достигла бы цели. С другой стороны, мы не желаем превращать наш «всеславянский орган» в издание нелегальное. Поэтому остается только выждать время, для создания более благоприятных издательских условий»²⁶⁰. Помимо всего прочего, Вергун пишет и об обложении каждого номера журнала пошпиной в 2 копейки, а также о замарывании отдельных текстов выпусков «Славянского века» на таможне, особенно в Варшаве и Одессе. Как отмечает Вергун, в виду стеснений со стороны органов русского правительства, а также не снятого запрещения со «Славянского века» в пределах Венгрии и Хорватского королевства, под издательством журнала в Вене была подорвана та почва, на которой он был основан среди «вражеских» сил²⁶¹.

Таким образом, подводя итог характеристике содержания «Славянского века» за первый и второй годы издания, следует отметить, что в этот период проходило формирование уникальной концепции журнала, определялась его целевая аудитория, основные лейтмотивы и структура номеров. В тоже время редакция сразу взяла курс на четкое соблюдение заявленных целей и задач, и дальнейшую свою деятельность журнал осуществлял уже как состоявшееся издание, со своей последовательной позицией, убеждениями и взглядами, которые авторы журнала и пытались донести до читателя. В третий и четвертый годы издания редакция продолжила взятый ранее курс. В выпусках №№ 49–92 по-прежнему значительное место отводилось освещению культурных и общественно-политических событий в славянских странах, знакомству читателей с достижениями культуры и науки в славянских землях, популяризации русского языка как средства общения между славянами, а также развитию торгово-экономических связей между Россией, Австро-Венгрией и Балканским полуостровом. Не обходила стороной редакция и острые политические проблемы славянских стран, давая возможность на страницах издания выска-

журналистики XVIII–XIX веков: учебник / Д.А.Бадалян, Л.П.Громова, Г.В.Жирков, М.М.Ковалева и др.; под ред. Л.П. Громова. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2013. С.277–286. Сравнивая «Славянский век» с изданиями иной идеологической направленности, мы обнаруживаем, что, например, газета «Санкт-Петербургские ведомости» в 1903 г. насчитывала 1600 подписчиков. Журнал «Новый мир», рупор писателей символистов, в 1903 г. имел 2500, а в 1904 г. 1070 подписчиков. Московский журнал «Весы» в 1904 г. мог похвастаться лишь 670 подписчиками. Однако ни один «славянский» журнал никогда не смог бы конкурировать с такими гигантами, как либеральный «Вестник Европы» (6392 подписчика в 1905 г.) или народническим «Русским богатством» (8019 подписчиков в 1904 г.). См.: Махонина С.Я. История русской журналистики начала XX века: учеб. пособие. 6-е изд., стер. М., 2016.

²⁶⁰ Вергун Д. От редактора-издателя // Славянский век. 1904. Вып. 92. С. 561–562.

²⁶¹ Там же. С. 561–562.

зять свою точку зрения представителям разных идейных течений. Не будет преувеличением сказать, что редакционная политика третьего и четвертого года издания логически продолжала заданный ранее вектор, однако некоей переломной точкой стала русско-японская война, когда издание, ранее призывавшее славян примириться и простить друг другу все обиды, выступило с резким осуждением сочувствующих Японии сил в славянских странах, безоговорочно оказав моральную поддержку Российской империи в ее борьбе.

На основе проведенного сравнительного анализа взглядов основных авторов журнала «Славянский век», можно выделить следующие отличительные черты панславизма в начале XX в.: 1) отказ его представителей от признания конфессионального фактора как ведущего в деле объединения славян; 2) пересмотр ведущей роли России в процессе интеграции славянских земель; 3) отказ от славянофильской идеи противопоставления «Востока» и «Запада», «России» и «Европы»; 4) особое внимание культурной и экономической интеграции как будущей основы для объединения славян на равноправных федеративных началах (культурно-экономический панславизм); 5) готовность идти на политические компромиссы для решения славянских проблем.

Раздел VI. Круг журнала «Славянский век» и его влияние на формирование «нового славянского мировоззрения»²⁶²

Одним из главных результатов деятельности журнала «Славянский век» за недолгие четыре года издания стало то, что он сумел объединить круг авторов, которые впоследствии не только не отказались от идеи славянской взаимности, но и продолжили ее развитие, кто на научном, а кто на общественно-политическом поприще. З.С. Ненашева отмечает, что в условиях, когда все славянские издания в России были зависимы от правительственного курса, зарубежное славянство искало поддержки в борьбе с возрастающей германской экспансией, а Российское министерство иностранных дел не спешило нарушать «европейский концерт» и идти на конфликт с Германией и Австро-Венгрией, «сторонники славянского сближения в России — политически активное поколение славистов, публицистов, деятелей культуры и науки — использовали для

²⁶² При написании данного раздела диссертации использованы результаты научных работ, выполненных автором лично и опубликованных ранее: *Болдин В.А.* Рупор нового славянского мировоззрения: журнал Славянский век (1900–1904 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2017. № 1. <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/789>; *Болдин В.А., Прокудин Б.А.* Статьи В. И. Ламанского в журнале «Славянский век» (1900–1904 гг.): политико-текстологический анализ // Прокудин Б.А. Панславизм в истории политики и мысли России XIX века / Под ред. А.А. Ширинянца. М., 2018. С. 158–175; *Болдин В.А.* Культурный панславизм И.В. Каменского // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 2. С. 348–352.

обсуждения межславянских отношений страницы журнала «Славянский век», в котором, по мнению его редактора и издателя, “зародилось неославянское движение”²⁶³.

Открытая редакционная политика журнала и доброжелательный тон дискуссий обусловили то, что он стал площадкой, на которой проходили споры представителей либерального и консервативного течений русского панславизма. Действительно, объединив под своим крылом авторов, которые трактовали славянскую идею совершенно в разном ключе, журнал стал той вехой, которая позволяет судить о трансформации русского панславизма и о тех идеологических дискуссиях, которые предопределили вид славянской идеи в канун великого потрясения XX в. — Первой мировой войны.

Помимо редактора Д.Н. Вергуна и уже упомянутых основных авторов журнала, вышедших либо из Петербургского кружка «Славянская беседа» (И.В. Каменский, Г.А. Ильинский, В.Н. Кораблев, Р.Г. Пржевальский), либо являвшихся земляками редактора и деятелями галицко-русского движения (Л.М. Лесковец, С.А. Лабенский, Ю.А. Яворский), с журналом активно сотрудничали, вели переписку и составили так называемый «круг» журнала многие известные общественные и научные деятели. Среди них особняком стоит историк-славист, «патриарх русского славяноведения», учитель многих молодых деятелей и реформаторов славянского движения (Г.А. Ильинского, А.Л. Погодина, В.Н. Кораблева, Н.В. Ястребова, И.С. Пальмова) Владимир Иванович Ламанский²⁶⁴. Кроме него, в «круг» журнала входила писательница и публицист Елизавета Ивановна де-Витте (1834–1915), занимавшая в начале века пост директора пансиона при Фундуклеевской женской гимназии г. Киева. Можно выделить и публициста, общественного деятеля, будущего члена «Союза русского народа» барона Михаила Фердинандовича Таубе (1855–1924). Примечательно то, что известный своими монархическими взглядами, Таубе уживался на страницах издания с либерально настроенными «молодыми славистами». Также в «круг» журнала входили действительный статский советник Российской империи, видный член славянского движения Александр Александрович Башмаков (псевдоним Вещий Олег) (1858–1943); известный русский военачальник Леонид Николаевич Соболев (псевдоним Русский Скиф) (1844–1913); болгарский писатель, публицист, председатель Славянского общества Стефан Савов Бобчев (1853–1940); политик и основатель Хорватской крестьянской народной партии Степан Радич (1871–1928); публицист-славянофил, генерал Александр Александрович Киреев (1833–1910); филолог-славист Платон Андреевич Ку-

²⁶³ *Ненашева З.С.* Идеино-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX в. М., 1984. С. 57.

²⁶⁴ Многие ученики Ламанского кардинальным образом пересмотрели взгляды своего учителя на трактовку славянской идеи (Г.А. Ильинский, А.Л. Погодин), другие наоборот, остались верными заветам учителя (А.С. Будилович). Тем не менее, каждый из учеников академика признавал его особое влияние на становление собственных взглядов, а также на развитие славянской идеи в целом — *В.Б.*

лаковский (псевдонимы Славянолюб и Русский) (1848–1913); историк литературы Александр Лавреньевич Липовский (псевдонимы А. Л. Л.; Л—ий, А.; Лип—ий, А.) (1867–1942); поэт и переводчик Николай Николаевич Бахтин (псевдоним Н.Нович) (1866–1940); публицист и музыкальный критик Всеволод Евграфович Чешихин (1865–1934); сербский государственный деятель Михаил Вуич (1853–1913); словенский поэт Антон Ашкерц (1856–1912) и др.²⁶⁵ Последнюю свою работу, вышедшую при жизни, под псевдонимом «Аидин» опубликовал на страницах журнала известный карпато-русский и австрийский общественный деятель А.И. Добрянский (1817–1901)²⁶⁶.

В Москве координацию работы редакции с подписчиками и авторами осуществлял председатель Славянского вспомогательного общества, граф Артур Иванович Череп-Спиридонович (1868–1926). В Санкт-Петербурге редакция журнала тесно сотрудничала с «Македонским научно-литературным студенческим товариществом» (Македонското научно-литературно студентско другарство), а Д.Н. Вергун лично контактировал с его вдохновителем и инициатором Крсте Мисирковым (1874–1926). Редакция «Славянского века» не только оказывала моральную, но и финансовую поддержку этой организации македонских студентов²⁶⁷.

Сразу бросается в глаза широта представленных взглядов тех, кто входил в «круг» журнала и сотрудничал с ним — от консервативно-монархических до умеренно-либеральных. По основным авторам журнала хорошо будет видна и линия «раскола» в рядах русских панславистов. Среди тех, кто относил себя к представителям «неославянофильства», ратовал за пересмотр основ славянской идеи можно выделить И.В. Каменского, Г.А. Ильинского, Р.Г. Пржевальского. Те же, кто выступал за традиционную трактовку идеи славянской взаимности, условно объединились вокруг В.Н. Кораблева, А.А. Башмакова и Петербургского славянского благотворительного общества. Сам издатель журнала, Д.Н. Вергун, хоть и объявлял свой печатный орган новой открытой площадкой, свободной от старых предрассудков и славянофильских догм, все же в дальнейшем (особенно после русско-японской войны) эволюционировал в сторону более консервативной трактовки славянской идеи.

В данной связи уместно обратиться к мнению З.С. Ненашевой, которая следующим образом характеризует возникшие дискуссии в лагере русских панславистов: «Сторонники славянского

²⁶⁵ В деятельности журнала принимали участие и многие другие славянские журналисты, писатели, общественные деятели и политики. Однако нами определен именно такой «круг» основных авторов, руководствуясь принципом количественного подсчета их статей по всем годам издания, а также количества дискуссий, начало которым положили их статьи — В.Б.

²⁶⁶ *Рокина Г.В.* Идеи панславизма в творчестве русинского патриота А.И. Добрянского // *Славянский альманах*. М., 2000. С. 140–141.

²⁶⁷ См.: *Панов Бранко.* «Славянский век» за создаването и целта на македонското научно-литературно студентско другарство во Петроград во 1902 година // Крсте П. Мисирков и национално-културни от развој на македонскиот народ до ослободуването. Скопје, 1976. С.279–286.

сближения, придерживающиеся умеренно-либеральных взглядов, провозгласили в качестве главной практической цели “способствовать культурному общению всех славянских племен на началах полной равноправности”. Они называли себя “неославянофилами”. Выдвигая на первый план “не идею единоверия, а идею единокровия, идею языка, народа и племени”, они видели в своей теории качественно новое содержание по сравнению со “старославянофильством”²⁶⁸. В данном высказывании, хоть и упускается из внимания заявления самих авторов о приверженности «истинному славянофильству» и переориентации на экономические способы достижения славянского объединения, все же отмечается главная черта взглядов молодых панславистов — их умеренно-либеральный характер.

При этом было бы ошибочно считать, что представители консервативного направления в русском панславизме начала XX в. (В.Н. Кораблев, А.А. Башмаков, А.С. Будилович, И.С. Пальмов) не замечали изменений исторических условий и не видели надобности в обновлении своей политической доктрины. О важности пересмотра ряда наиболее устаревших моментов панславизма, например, прямо говорил А.А. Башмаков, отмечая, что он сам видит славянскую идею «за пределами государственности и церковности», ведь «мерило русское — православие, самодержавие, народность — не может совпадать в полной тождественности с мерилем общеславянской истории...»²⁶⁹. Однако для них были характерна приверженность традиционным идеям об особой «мессианской» роли России в деле объединения славян; о совпадении национальных интересов России с интересами славянских народов (так как в отрыве от единственного независимого славянского государства, последние не смогут обеспечить себе достойное существование и падут под натиском других народов) и признание «польского вопроса» внутриполитическим делом России, не требующим политических компромиссов.

Основным фактором, обусловившим эволюцию взглядов русских панславистов, стало бурное развитие капиталистических отношений. Экономический сдвиг требовал новых идеологических обоснований. Поиск новых рынков сбыта подталкивал русских предпринимателей, промышленников и банкиров обратить взгляд на славянские земли. В свою очередь, зарождающаяся буржуазия славянских стран, традиционно проигрывавшая конкуренцию немецким производителям, пыталась занять свое место в новой экономической ситуации, и была заинтересована в развитии торговых отношений с Россией. Основным трендом и идейным посылом русского панславизма в начале XX в. становится поиск путей *экономической* интеграции сла-

²⁶⁸ *Ненашева З.С.* Идейно-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX в. М., 1984. С. 58.

²⁶⁹ Цит. по: *Ненашева З.С.* Идейно-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX в. М., 1984. С. 59–60. В 1903 г. А.А. Башмаков определял «славянскую идею» как линию, «по которой средства русского государства, отстаивая русские интересы в европейской политике, были бы направлены к тому, чтобы всячески содействовать, вне России, росту славянских племен, в которых инстинктивно живет чувство солидарности с русским племенем». *Башмаков А.А.* Болгария и Македония. СПб., 1903. С.354.

вянских территорий. И либералы, и консерваторы понимали неизбежность передела рынков сбыта, а славянские страны могли представлять интерес для набирающей ход русской промышленности. «Неославянофилы» более остро прочувствовали необходимость подобных перемен в панславизме, чем, кстати, и была обусловлена одна из задач журнала «Славянский век» — стимулирование торговых отношений между Россией и Балканским полуостровом. Но условные «консерваторы» также все более начинают уделять внимание экономике, при выстраивании своих моделей славянского взаимодействия.

И в данной связи особо показательны две работы Ламанского, специально написанные для журнала «Славянский век». Несмотря на то, что уже к концу активности журнала Ламанский несколько разочаровывается в этом издании, вначале он воспринимает появление «Славянского века» с крайним энтузиазмом. В 1900 г. на страницах журнала «Славянский век» публикуются две работы Ламанского — «Взгляд на судьбы юго-западного славянства» и «Можно ли уподоблять Россию Австро-Венгрии в вопросе о народностях?» (1900).. Напечатанные в самом начале XX в., эти тексты больше не переиздавались и не становились объектом политологического исследования. В этом отношении важен политико-текстологический метод²⁷⁰, позволяющий комплексно проанализировать и осмыслить поднятые Ламанским проблемы во взаимосвязи с историческим контекстом эпохи.

Прежде чем перейти к анализу статей Ламанского, нужно в общих чертах охарактеризовать его взгляды, чтобы понять определенный идеологический сдвиг в построениях автора. Фигура выдающегося ученого-слависта Владимира Ивановича Ламанского (1833–1914) является одной из наиболее самобытных в плеяде отечественных мыслителей и общественных деятелей конца XIX – начала XX вв. С именем Ламанского связана целая эпоха не только в развитии отечественного славяноведения, но и славянской идеологии в России.

Ламанский занимался изучением славянской проблематики во всем ее многообразии, его научные труды посвящены исследованию славянских языков, славянской истории, политики, этнографии и литературы. Ламанский учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета, был учеником академика И.И. Срезневского (1812–1880), в тече-

²⁷⁰ Под политической текстологией в данной работе понимается «прикладная политологическая дисциплина, изучающая приемы поиска и обработки информации, правила создания оригинальных социально-политических текстов; приемы и методы анализа текстов уже созданных социально-политических произведений (теоретико-аналитических, публицистических, программных) в целях их критики (рецензии) и издания (публикации, републикации)». См.: *Шириняц А. А.* Политическая текстология на кафедре истории социально-политических учений Московского университета // SCHOLA – 2016: Политическая текстология и история идей. М., 2016. С. 293. Подробнее об особенностях политико-текстологического метода см.: *Андерсон К.М., Артамонова Ю.Д., Бойцова О.Ю., Вархотова В.А., Гуторов В.А., Ермашов Д.В., Зоткин А.А., Козиков И.А., Котов Б.С., Мартыненко Н.П., Мырикова А.В., Перевезенцев С.В., Прокудин Б.А., Сетов Н.Р., Пучнина О.Е., Чанышев А.А., Шириняц А.А.* Политическая текстология как наука и учебная дисциплина: материалы круглого стола // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки, 2014. № 4. С. 110–136.

ние многих лет преподававшего в университете весь комплекс «славянских» дисциплин — историко-литературных, языковедческих и т.д. В начале 1860-х гг. Ламанский совершил путешествие по славянским странам. Такого рода научные командировки были обычным делом почти для всех молодых ученых, избравших своей специальностью славяноведение.

Тем не менее, несмотря на заметно возросший в последние годы интерес к наследию Ламанского, внимание исследователей в основном было сосредоточено на интерпретации геополитических взглядов, изложенных им на страницах поздней работы «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892)²⁷¹, которую М.А. Робинсон охарактеризовал как «последнее историософское сочинение славянофильского направления в русском славяноведении»²⁷². Но Ламанский занимался не только научными исследованиями и преподаванием, он также был активным общественным деятелем, принимал участие в организации Славянского съезда в Москве в 1867 г., был председателем Петербургского славянского благотворительного общества, кроме того Ламанского знали как яркого публициста. По разным подсчетам за годы своей творческой деятельности он опубликовал порядка 400 работ²⁷³. Публицистику, по словам Л.П. Лаптевой, он считал «важным средством пропаганды идей научных, политических, религиозных, национальных»²⁷⁴.

Дело в том, что период наибольшей активности (общественной и публицистической) Ламанского пришелся на 1860–70-е гг. Ближе к концу века популярность его взглядов в славяноведческой среде стала снижаться. Несмотря на то, что Ламанский создал самую большую отечественную школу славяноведения, его авторитет падал, и к началу XX в. Ламанский был почти забыт. Такая несправедливость, как полагает Л.П. Лаптева, автор книги «История славяноведения в России в XIX веке», была связана со сменой эпох, «новое поколение ученых, не исключая и учеников Ламанского, не разделяло уже его политических убеждений и научных теорий, ставших анахронизмом»²⁷⁵. Какие же это были убеждения, и какое они нашли отражение в статьях, написанных для журнала «Славянский век»?

Мировоззрение Ламанского сложилось под влиянием учения славянофилов. Этот факт предопределил отношение Ламанского к анализу исторических и политических процессов в сла-

²⁷¹ См., например: *Ромашов Ю.В.* Геополитика России на Балканах и идея славянского единства // Вестник СГТУ, 2012. № 4 (86). С. 259–262; *Недашковская Н. И.* «Европа есть собственно полуостров Азии...»: пространственные идеологемы в научных текстах славистики XIX века // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки, 2009. Том 151. Кн. 2. Ч. 1. С. 157–163 и др.

²⁷² *Робинсон М.А.* В.И. Ламанский и его историософский трактат «Три мира Азийско-Европейского материка» // Славянский альманах 1996. М., 1997. С. 97.

²⁷³ Такую цифру называет автор биографии Ламанского и множества работ по славяноведению и истории славяноведения Л.П. Лаптева. См.: *Лаптева Л. П.* Владимир Иванович Ламанский (1833–1914) (К столетней кончине знаменитого слависта) // Славянский мир в третьем тысячелетии: человек, общество, народ в истории, языке и культуре. М., 2014. С. 47.

²⁷⁴ *Лаптева Л.П.* В.И. Ламанский и славянская тема в русских журналах рубежа XIX–XX веков // Славянский вопрос: Вехи истории. М., 1997. С. 128.

²⁷⁵ *Лаптева Л. П.* История славяноведения в России в XIX в. М., 2005. С. 355.

вянском мире. В литературе господствует точка зрения, что Ламанский был сторонником самодержавия²⁷⁶ и панславистом, призывая к объединению славянские народы. Эти убеждения Ламанского основывались на том, что когда-то существовало первоначальное славянское единство, покоящееся на «началах народности», и все славяне были «одной веры». Но так продолжалось недолго. Западные и южные славяне потеряли свою независимость и оказались под гнетом. Однако Ламанский не терял надежды на возвращение «золотого славянского века». И на этом пути особую роль он отводил России, так как из всех славянских народов только русским удалось сохранить свою независимость и культурную самобытность, и на ее основе создать великую державу. В связи с этим именно русскому народу и суждено объединить славянство, вернуть ему исконную культуру и дать свободу от иностранных захватчиков.

Кроме того, как и все славянофилы, Ламанский рассматривал «славянский вопрос» через призму борьбы «двух миров», греко-славянского и романо-германского, полностью различных по своему религиозному, гражданскому и «нравственному» характеру. Панславистские призывы Ламанского были следствием убеждения в неминувости столкновения этих миров, в том, что славян ждет грозное противостояние с заклятым врагом — Германией.

Внимательно изучив работы нескольких поколений немецких авторов, писавших о славянах (этому, например, посвящена его докторская диссертация «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе»²⁷⁷), Ламанский приходит к выводу, что в Германии насаждается представление о том, что «славянское племя есть племя низшее», не способное к самостоятельной жизни и рожденное, чтобы подчиняться.

Как же противостоять подобным устремлениям со стороны Германии, ставшей на тот момент грозной военной и политической силой? Ответ на этот вопрос для Ламанского очевиден — путем создания высокоразвитой культуры, способной развенчать лживые мифы. Но в виду разрозненности славянских племен и их общего культурного упадка, основой для их возрождения и создания «общеславянской» культуры должен стать русский язык. Только в единстве с Россией, выбрав «русский» путь интеграции, разрозненные части славянства смогли бы, по мысли Ламанского, обрести независимость и не растворится под немецким «натиском на Восток». Эти взгляды были впервые изложены Ламанским в его ранних работах: «Из записок о

²⁷⁶ Тем не менее, в научной литературе существует и иное мнение относительно политических взглядов Ламанского. Так, А.В. Малинов, на основе анализа дневниковых записей В.И. Ламанского, сделанных в годы Крымской войны (1853–1856 гг.), ставит под сомнение точку зрения о монархических взглядах Ламанского. «Они (дневниковые записи — В.Б.) ясно показывают, насколько критически относился учёный к существующей в России форме правления, и ставят под сомнение распространённое в исследовательской литературе мнение о Ламанском как об убеждённом монархисте. По крайней мере николаевское самодержавие никогда не вызывало у него симпатий», — пишет Малинов. Малинов А.В. «Славянский мир» или «русский космос»: о нереализованном издательском проекте В. И. Ламанского. // Альманах «Русский миръ». СПб., 2011. № 6. С. 37.

²⁷⁷ См.: Ламанский В.И. Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе. СПб., 1871.

славянских землях» (1864) и «Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях» (1864).

Культурное объединение на основе русского языке может повлечь за собой и объединение политическое, считал Ламанский. Видя в России истинную славянскую державу, защищающую интересы всего славянства, а в русской литературе отражение собственной национальной души, славянские народы непременно начнут изучать русский язык. И тогда создание всеславянского политического союза станет лишь вопросом времени²⁷⁸.

На протяжении своей научной и публицистической деятельности Ламанский ратовал за необходимость формирования всеславянской идентичности путем прорусской ориентации западных и южных славян²⁷⁹. Можно сказать, что панславизм Ламанского был продиктован необходимостью противостоять германской экспансии, не потерять стратегических партнеров и потенциальных союзников России — западных и южных славян. Исходя из этих соображений, Ламанский и писал свои статьи для «Славянского века». Именно эти соображения, и то, как они артикулировались в публичном поле, и поставили «старых славянофилов» в тупик в новых экономических условиях.

Первая из двух статей, написанных для венского журнала, носила название «Взгляд на судьбы юго-западного славянства», и была опубликована в сдвоенном выпуске «Славянского века», № 9–10, от 1900 г. Примечательно, что статья вышла на двух языках — на русском с параллельным переводом на немецкий. Можно предположить, что статья Ламанского была адресована, в первую очередь, западнославянскому читателю, а точнее славянскому населению Австро-Венгрии, где представители интеллигенции считали «правилом хорошего тона» говорить скорее по-немецки, нежели знать свои собственные национальные языки.

Необходимо сказать, что к началу XX в. на территории Австро-Венгрии проживало около 46 млн. человек, из которых более 20 млн. были представителями славянских этносов (чехи, словаки, поляки, сербы, хорваты, словенцы, русины)²⁸⁰. Таким образом, «славянский вопрос» являлся одним из ключевых во внутренней политике империи Габсбургов. Кроме того, экономи-

²⁷⁸ Ламанский был убежден, что принятию русского языка в качестве общеславянского должно способствовать «энергичное проявление в русском обществе славянского самосознания, и смелый, решительный выступ России на всемирное поприще в качестве единственной державы славянской, имевшей своим историческим призванием охрану и защиту славянства от захватов, натиска и гнета иноплеменников». *Ламанский В.И.* Чтения о славянской истории в императорском Санкт-Петербургском университете. СПб, 1867. С. 35–36

²⁷⁹ Как отмечается в одном из исследований, смысл и направление научных поисков В.И. Ламанского сводятся к обоснованию «миродержавной роли нашего славянского племени», которая должна завоевываться не столько внешнеполитическими действиями, сколько внутри России, причем не в Петербурге и Москве, а в провинции — освоением огромных пространств, подъемом экономической жизни и упорядочением бытовых условий, успехами самобытной, неподражательной русской образованности». *Гудков А.Д., Шириняц А.А.* Политическая мысль России. Творческие портреты: Владимир Иванович Ламанский // Вестник Московского университета, серия 12: Политические науки. 2001. № 1. С. 99.

²⁸⁰ Подробнее см.: *Шапошников Б.М.* Мозг армии. В 3-х книгах: Кн. 1. М.–Л., 1927. С. 23–25.

ческая неоднородность территорий империи, а также отстраненность нарождающейся славянской буржуазии от основных источников капитала в Австро-Венгрии способствовала тому, что славянские политики и общественные деятели постоянно искали пути увеличения собственной национальной автономии, а также экономической независимости. Соответственно, они были заинтересованы в налаживании связей с Россией, единственным независимым славянским государством, на поддержку которого могли рассчитывать.

Ламанский начинает свою статью следующими словами: «В Европе и отчасти в Америке живет слишком 36 млн. западных славян... По-видимому, западное славянство представляет собой огромную силу и величину весьма почтенную, и должно бы было внушать соседям высокое уважение к себе. Но, к сожалению, не так это в действительности»²⁸¹. Ламанский отмечает, что кроме сербов и болгар, ни один западнославянский народ не имеет своего государства (Черногория же из-за малой численности населения и небольшой территории, по мнению автора, «в строгом смысле и названия государства не заслуживает»). Тем не менее, и на территории указанных стран политическая борьба и конфликты ставят под вопрос их успешное процветание. В своей статье Ламанский пытается разобраться и дать ответ на вопрос — в чем же причина подобного удручающего положения столь «могучей силы» как славянство?

Прежде чем дать ответ на этот вопрос, Ламанский проводит обзор социально-политического и экономического состояния дел в славянских землях: «В хорватско-славонском королевстве, — начинает он, — невзирая на самоуправление, хозяйничает венгерское правительство; в собственной Венгрии сербы совершенно принижены и подавлены мадьярами и уже давно не имеют на сейме ни одного представителя»²⁸². Кроме того, несмотря на то, что северо-западное славянство (здесь Ламанский имеет в виду чехов и поляков) выше юго-западного по культуре²⁸³, ни поляки, ни чехи не могут похвастаться собственной политической и культурной независимостью. Поляки, утратившие свое государство сто лет назад, являются разделенным народом и подданными трех соседних государств. В Австрии поляки подобно «балованным детям Вены», пользуются большими правами в Галиции, но «это польское влияние сосредоточено в руках дворянства и духовенства, так называемой партии станчиков»²⁸⁴, которая не пользуется ни ува-

²⁸¹ Ламанский В.И. Взгляд на судьбы юго-западного славянства // Славянский век. 1900. Вып. 9–10. С. 2.

²⁸² Там же. С. 3.

²⁸³ Под обобщающим понятием «культура» Ламанский подразумевает совокупность таких факторов, как густота населения, рациональное хозяйство, наличие фабрик и заводов, а также общий уровень образованности, богатство литературы, «значительность и древность национальной истории» — В.Б.

²⁸⁴ Станчики — консервативная партия польских магнатов и дворян, выступавшая за сотрудничество с монархией Габсбургов в обмен на привилегированное социальное положение — В.Б.

жением, ни любовью не только малорусской половины галицкого населения, но и польского крестьянства и лучших представителей польской интеллигенции»²⁸⁵.

Поляки, живущие в Пруссии, несмотря на то, что по своей культуре (благодаря немецким школам и образованности) стоят выше своих австрийских и русских земляков, пребывают в еще более плачевном состоянии, так как находятся под натиском все усиливающейся германизации, которой они не в силу противостоять в одиночку. Поляки в России, не пользующиеся никакими политическими правами, в отличие от своих соплеменников в Австрии и Пруссии, тем не менее, стоят на более высокой ступени экономического развития, а «росту Варшавы и других русско-польских городов могут позавидовать Краков и Познань»²⁸⁶, — пишет Ламанский. Однако даже поляки, самая крупная народность в северо-западном славянстве, не представляют ныне в силу исторических обстоятельств крупной величины ни в политическом, ни в экономическом плане.

Анализируя политическое состояние чешских земель, Ламанский приходит к выводу, что здесь «образование народное и вообще культура стоят выше, чем у поляков». Но чешские партии не пользуются столь сильной протекцией Венского двора, как станчики в Галиции, где австрийское правительство из-за близости российских границ заинтересовано в даровании привилегий польскому дворянству в обмен на лояльность. «В Чехии магнаты и епископы не могут играть такой роли и забрать такой власти, как польские в Галиции, благодаря культурному развитию чешской народности, к которой не может питать расположение ни один из преемников Фердинанда II (т.е. императоры Австро-Венгрии. — *В.Б.*)»²⁸⁷, — пишет Ламанский. Кроме того, он убежден, что «немцы» никогда не позволят чехам создать собственное государство с чешским языком, так как немцы в Чехии составляют около трети населения и пользуются поддержкой Германской империи, где пангерманизм является ведущим вектором в определении внешнеполитического курса.

Ламанский вынужден сделать вывод, что к концу XIX в. западное славянство «несогласно признавать за истину то простое положение, что в борьбе за равноправность народностей с сильным противником нужно иметь, если не лучшее, то одинаковое с ним оружие»²⁸⁸. «Немцы, — продолжает Ламанский, — как и итальянцы когда-то, как по сие время славяне, имели несколько литературных языков, но, благодаря счастливому сочетанию разных внешних и внутренних обстоятельств, гению писателей и здравому смыслу народа, они объединились в литературе и образованности и возымели общий литературный язык. У 36 миллионов славян — 7 или

²⁸⁵ Ламанский В.И. Взгляд на судьбы юго-западного славянства // Славянский век. 1900. Вып. 9–10. С. 3.

²⁸⁶ Там же. С. 4.

²⁸⁷ Там же. С. 5.

²⁸⁸ Там же. С. 6.

8 (если считать кашубский) литературных языков... Можно ли ожидать, чтобы немцы хотя бы одной Цислейтании выучивались всем этим языкам и понимали бы речи славянских ораторов в венском парламенте на их родных языках? И не обречено ли племя, разделенное на несколько самостоятельных народностей, постоянно уступать племенам, не бросившим обработки своих наречий, но все же объединенным одним общим языком, обязательным для каждого образованного итальянца, немца, француза, испанца, англичанина, северо-американца?»²⁸⁹

Если столь большое значение имеет общий язык, «какой же язык должен выступить тем связующим элементом для всего славянского племени?» — вопрошает Ламанский. Если не для всех, то хотя бы для 36 миллионов западных славян? Для ученого ответ очевиден — только русский язык может стать универсальным средством коммуникации и межкультурного общения. «Ни польская, ни чешская, ни сербская речь никогда не возымеют мирового значения. Для того требуются не одни дарования и культурные успехи известного народа, но и быстрое его размножение и распространение, и обширная государственная его территория»²⁹⁰.

Отвечая на возможные «выпады» западнославянских патриотов, Ламанский замечает, что в корне неправильно сравнивать расчленение романских и германских народов (которые имеют несколько независимых литературных языков) с разделением внутри славянского мира. В силу исторических, политических и экономических обстоятельств славянские народы не равны по своей численности, а также социально-политическому положению и экономическому развитию крупным европейским народам (например, французам или итальянцам), и любые попытки еще большего разделения в славянском мире по культурному и языковому признаку могут привести не к «национальному возрождению», а лишь к потере собственной идентичности²⁹¹.

Вследствие этого, по убеждению Ламанского, единственным способом литературного, а в дальнейшем, возможно, и государственного объединения славянских народов, становится распространение русского языка как общелитературного для всех славян. Дополнительным аргументом в пользу русского языка является, по мысли Ламанского, тот факт, что исторические противоречия и конфликты, раздирающие славянский мир, никогда не позволят, например, по-

²⁸⁹ Там же.

²⁹⁰ Там же. С. 7.

²⁹¹ Ламанский не раз сетовал на характерную черту славянских народов, которую он называл «национальным эгоцентризмом»: «Каждое славянское племя, — писал он в статье «Славянский союз», которую так и не опубликовал, вероятно, в силу чрезмерной резкости выводов, — хотя бы оно жило в величайшем рабстве, с каким-то отчаянным фанатизмом держится своей самой иногда жалкой особенностью, своего племенного имени, которое часто и не народное, а чужое, навязано ему завоевателями, своего особого наречия, на коем почти не напечатано ни одной книги. Без всякой союзной связи, без общего языка, без какого бы то ни было общего знамени народной торжественности, кто может признавать нас за один народ?!» См.: Ламанский В.И. Славянский союз // ПФА РАН. Ф. 35. Оп. 2. Д. 124. Л. 1.

лякам признать превосходство чешской культуры или языка, а сербам принять тот факт, что их литература и история менее «блистательна и важна», нежели история хорватов или словенцев. Таким образом, только Россия остается единственным неоспоримым эталоном в культурном, политическом и экономическом плане. «Итак, — резюмирует Ламанский, — в ближайшем будущем не предвидится ни политического, ни литературного взаимного объединения, как всего западного славянства, так и каждой из двух его отдельных групп, т.е. юго-западной (болгар, сербов, хорватов, словинцев) и северо-западной (поляков, чехов-мораван, словаков, сербов-лужичан). Оттого все славянство представляется совершенно своеобразно расчлененным на тридцатимиллионную Русскую империю и на восемь народностей, с восемью литературными языками. Западные славянские племена, как отдельная национальность, слишком слабо вооружены и каждое из них слишком малочисленно для ежедневного соперничества и борьбы с немцами и отчасти итальянцами (а также мадьярами), объединенными государственно и литературно»²⁹².

Нужно отметить, что тезис Ламанского о необходимости распространении русского языка в качестве средства культурного и дипломатического общения, тезис, центральный для культурного панславизма, не был поддержан не только молодыми славистами нового поколения, но и многими общественно-политическими деятелями славянского мира.

Вторая статья Ламанского, написанная для журнала «Славянский век», имела название «Можно ли уподоблять Россию Австро-Венгрии в вопросе о народностях?». В ней Ламанский не только продолжает развивать свою концепцию культурной интеграции славянских земель, но и касается вопросов внутренней политики Российской империи.

Для начала, Ламанский замечает, что «и с точки зрения историко-этнографической, и с точки зрения государственного права сильно ошибаются, когда уподобляют в вопросе народностей Россию и Австро-Венгрию»²⁹³. Прежде всего, люди склонные к подобному уподоблению, упускают тот факт, что в Австро-Венгрии, в отличие от России, где великороссов — подавляющее большинство, преобладают два равноправных «руководящих элемента» — немецкий и венгерский. Помимо прочего, процентное, политическое и культурное отношение немецкого и венгерского «элементов» по отношению к славянскому постоянно идет на убыль. Сверх того, подогревает национальный вопрос в монархии Габсбургов распространение в ряде регионов румынского и итальянского «элементов». Все это ставит под сомнение политическое будущее «лоскутной империи».

Характеризуя же современное ему состояние Российской империи, Ламанский приходит к выводу, что «при справедливо ожидаемом в будущем экономическом и культурном росте Рос-

²⁹² Ламанский В.И. Взгляд на судьбы юго-западного славянства // Славянский век. 1900. Вып. 9–10. С. 15.

²⁹³ Там же. С. 2.

сии, никакие силы в мире не могут помешать широкому, в ближайшие 50-100 лет, распространению русского литературного языка вне пределов России... К тому же русским языком в России будет говорить в то время свыше 200–300 миллионов людей, и знание его может только служить чрезвычайному развитию всякого рода сношений Западной Европы с Россией и с прилегающими к ней краями азиатскими»²⁹⁴. То есть, призывы Ламанского способствовать распространению русского языка в славянском мире были продиктованы не только желанием помочь славянским народам избежать «онемечивания», но и геополитическими интересами России.

На страницах статьи Ламанский в который раз убеждает своих читателей, что русский путь интеграции для славян является единственно разумным хотя бы потому, что «ни один из славянских языков, ни болгарский, ни сербо-хорватский, ни словенский, ни польский, ни чешский, ни словацкий, т.е. словацкий, ни сербо-лужицкий, словом ни один славянский, за исключением русского, и в далеком будущем не может достичь значения языка общеславянского», а «для русского языка предстоит еще самое широкое распространение в Европе, в Азии, в Америке, между германцами, романцами, а затем и в остальном мире»²⁹⁵. Следует отметить, что тезис Ламанского о возрастании роли России в мире в начале нового столетия не кажется беспочвенным. Несмотря на то, что экономическое развитие России на рубеже веков носило скачкообразный характер, все же за относительно короткий срок Российская империя по темпам экономического роста сумела догнать ведущие индустриальные страны, такие как Великобритания, Франция, США, Германия, а по некоторым показателям и опередить их²⁹⁶.

Сравнивая основные внутривосточные процессы, протекающие в двух империях — Австро-Венгерской и Российской, Ламанский приходит к выводу, что в России сложилась совершенная иная историческая ситуация, требующая особого подхода для ее изучения. Русский народ, как главный образующий элемент, находится в совершенно ином отношении к другим народностям империи, нежели «элементы» немецкий и мадьярский в Австрии. «Уважая одинаково всякую инородческую индивидуальность, без внимания имеет ли она свои привилегированные сословия, свою развитую старую культуру, или не имеет, главный русский элемент может и должен спокойно признавать права родных языков в их богослужениях и религиозных поуче-

²⁹⁴ Там же. С. 2–3.

²⁹⁵ Там же. С. 3.

²⁹⁶ Бурное развитие капиталистических отношений в пореформенный период и система финансовых и военных альянсов между Российской империей и западными странами свидетельствовали, что Российская империя была составной частью европейской и мировой экономической и политической системы. Как указывает В.А. Гуторов: «Если бы не Октябрь 1917 г., Россия, оказавшись в числе стран-победительниц в Первой мировой войне, не только укрепила бы свои геополитические позиции, но и имела бы все шансы без революционных потрясений превратиться за короткий исторический период в равного партнера любой великой державы, постепенно проводя экономическую модернизацию и политические реформы». См.: Гуторов В.А. «Русский вопрос» и первая мировая война: о некоторых тенденциях современных интерпретациях // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2014. Т. 10. № 2. С. 23.

ниях, в народной школе (чем культурнее народ и край, тем легче можно вводить и обязательное обучение русской грамоте и языку, а не преподавание в народной школе на русском языке), само собой, в семье, в общественных собраниях, в театрах и в литературе»²⁹⁷.

По мнению Ламанского, за исключением Финляндии, где преобладает однородное население, в России, подобно опыту Германии, Франции и США, «все средние и высшие училища, казенные или хотя бы частные, но с государственными правами могут быть только или вполне или преимущественно русскими»²⁹⁸. Поэтому только русская «национальность» и русский язык имеют «политический» характер: «Эта национальность и этот национальный язык — единственная славянская национальность и единственный в мире славянский язык с правами на значение не только общеславянского, но и мирового языка»²⁹⁹.

Ламанский был убежден, что «невозможное в Австро-Венгрии примирение христианских, гуманных начал благоволения и уважения ко всем народным разновидностям с интересами государственного единства вполне возможно и легко может быть применено в России»³⁰⁰. В противовес искусственной попытке Габсбургов создать «австро-венгерский народный конгломерат», национальная политика России уже давно вполне соответствует «чисто-христианским требованиям», гуманно укрепляя свои культурные и государственные «начала».

В этой же статье Ламанский дает интересную трактовку причин возрастания радикализма³⁰¹ в политической жизни Европы. «Всякое дружное стремление к новому частному применению высоких христианских начал и идеи правды возвышает характеры, поднимает общественный дух и строй, — пишет Ламанский. — <...> Не пренебрежению ли и не нарушению ли этих начал обязано появление и развитие анархизма с его бомбами, кинжалами и револьверами в современной Европе?»³⁰². Эти слова отсылают нас к размышлениям о европейском пути развития представителей раннего славянофильства, утверждавших о нравственном превосходстве православной культуры над рационализмом и вещественностью западной цивилизации, раздираемой политической борьбой, государственными переворотами и революциями. Нельзя не согласиться со словами отечественного исследователя творчества Ламанского М.А. Робинсона, который утверждал, что концепция славянофильства являлась

²⁹⁷ Ламанский В.И. Можно ли уподоблять Россию Австро-Венгрии в вопросе о народностях? // Славянский век. 1900. Вып. 11–12. С. 5.

²⁹⁸ Там же. С. 5.

²⁹⁹ Там же. С. 6.

³⁰⁰ Там же.

³⁰¹ Подробнее о причинах и сущности феномена политического радикализма см.: Гуторов В., Шириняц А. Терроризм как политический и исторический феномен: современные проблемы интерпретации // Przegląd Strategiczny. 2017. №10. С. 275–296.

³⁰² Ламанский В.И. Можно ли уподоблять Россию Австро-Венгрии в вопросе о народностях? // Славянский век. 1900. Вып. 11–12. С. 6.

«главным теоретико-методологическим стержнем» всех научных построений Ламанского на протяжении всего его творческого пути³⁰³.

Заканчивает статью Ламанский следующими словами: «Только когда завяжутся и укрепятся искренние дружественные сношения великих и малых центров русской образованности с самыми глухими углами, захолустьями русского инородческого мира, когда там на приезжего русского будут смотреть не как на носителя часто непонятных приказаний или сборщика всякий правых и неправых податей и даней, но как на благожелательного согражданина и друга, можно и должно ожидать крупных успехов русского народоведения по части изучения русских инородцев, а с тем вместе и столь желательного внешнего и внутреннего их развития, распространения между самыми отсталыми из них грамотности и образования, и появления из них среды даровитых общественных и государственных деятелей, вполне преданных русскому отечеству»³⁰⁴.

Завершая рассмотрение двух работ Ламанского, относящихся к позднему этапу его творческой деятельности, следует отметить последовательную приверженность Ламанского концепции «культурного панславизма», основанную на идее распространения русского языка как единственно возможного средства сближения славянских народов в культурном и политическом плане. Ламанский в «Славянском веке» выступает со схожими идеями, которые он высказал как в одной из первых своих статей «Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях» (1864), которую Б.Ф. Егоров небезосновательно называет «первой откровенной программой русификаторского панславизма»³⁰⁵, так и в книге «Три мира Азийско-Европейского материка». Включая «славянский вопрос» в антагонизм «двух миров», греко-славянского и романо-германского, Ламанский рассматривал идею славянского единства, в первую очередь, как основу самосохранения славянства и России, как доказательство права славян и их культуры на существование.

³⁰³ См.: Робинсон М.А. Методологические вопросы в трудах русских славяноведов конца XIX – начала XX в. (В.И. Ламанский, П.А. Кулаковский, К.Я. Грот) // *Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы*. М., 1986. С. 92. Кроме того, необходимо понимать, какое место Ламанский уделял роли христианского учения во всех сферах человеческой деятельности. По мнению Робинсона, при анализе как научных, так и общественно политических взглядов Ламанского необходимо учитывать его христианское мировоззрение. См.: Робинсон М.А. В.И. Ламанский и его историсофский трактат «Три мира Азийско-Европейского материка» // *Славянский альманах*, 1996. М., 1997. С. 103. Мысль о необходимости утверждения свободы слова как одной из фундаментальных гражданских свобод, а также отрицание идеи насилия в вопросах взаимоотношения государства и подданных Ламанский выводит из обличительного слова Григория Богослова (329–389) на царя Юлиана. См.: *Григорий Богослов*. Слово 4. Первое обличительное на царя Юлиана // *Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского*. Т.1. СПб., 1912. С. 65–121.

³⁰⁴ Ламанский В.И. Можно ли уподоблять Россию Австро-Венгрии в вопросе о народностях? // *Славянский век*. 1900. Вып. 11–12. С. 8.

³⁰⁵ Егоров Б.Ф. О национализме и панславизме славянофилов // *Егоров Б.Ф. От Хомякова до Лотмана*. М., 2003. С. 100.

Однако к началу XX в., в связи с изменением исторического контекста, для теоретиков и идеологов славянского движения становится все более очевидным, что экономическая повестка дня должна стать ключевой при выстраивании моделей взаимоотношений в славянском мире. В условиях бурного развития капиталистических отношений идеи культурного единения славян начинают казаться все более абстрактными и все меньше находят отклик у представителей славянской интеллигенции. В этом свете показательна позиция Ламанского, который являясь твердым приверженцем старой славянофильской школы, тем не менее, в начале XX в. все больше внимания уделяет вопросам экономики в своих статьях. Вслед за О.В. Саприкиной можно утверждать, что теоретические взгляды ученого постоянно эволюционировали, ведь Ламанский «всегда оставался человеком, чутко реагирующим на малейшие изменения политической ситуации на Европейском континенте и вне его»³⁰⁶. Так, в новых исторических условиях Ламанский подчеркивает, что славянские народы по отдельности попросту не смогут противостоять все более растущей экономической мощи соседних народов — прежде всего немцев. Поэтому объединение вокруг России (независимого не только политически, но и в экономическом плане государства) способно привести к процветанию славянских территорий³⁰⁷. Можно сказать, что Ламанский, оставаясь верным славянофильским традициям и своим идеям об определяющей роли русского языка в славянском мире, пытался освежить свою идеологическую концепцию экономическими «красками». Но этого было мало, славянофилы старой школы в лице Ламанского, стремительно теряли вес в славянском мире.

В данной связи показательна заочная дискуссия, которая развернулась на страницах «Славянского века» между Ламанским и сербским политическим деятелем, лидером «Радикальной партии», академиком Любомиром Стояновичем (1860–1930). Сербский общественный деятель считал, что идея продвижения русского языка как средства общения между славянами, о которой пишут уже более пятидесяти лет, в новых условиях обречена на неудачу. Русские авторы укоряют в этом западных славян, но заслужили ли они эти упреки? По мнению Стояновича — нет. Он уверяет, что причина столь медленного распространения русского языка заключается ни в его трудности, ни в боязни обрусения, ни в незначительности русской литературы, ни в слабой дея-

³⁰⁶ См.: Саприкина О.В. Академик В. И. Ламанский: патриарх русского славяноведения // Новый исторический вестник. 2001. № 4. С. 172–174.

³⁰⁷ Подобные мысли Ламанский высказывает, характеризуя, в частности, современное ему состояние «польского вопроса». Он настаивает на том, что «польская народность» способна развиваться «только в связи с единственным великим славянским государством», так как без промышленности у Польши нет будущего, а ни Пруссия, ни Австро-Венгрия никогда не допустят широкого развития экономики польских земель. Именно экономическими причинами и обусловлена необходимость Польши оставаться в составе России, ведь только с Россией «может преуспевать промышленность польская и завоевывать себе новые рынки в России и в соседних странах Азии». Ламанский В.И. Можно ли уподоблять Россию Австро-Венгрии в вопросе о народностях? // Славянский век. 1900. Вып. 11–12. С. 7.

тельности книжных обществ, ни в недостаточных усилиях ученых-филологов. Причина, по которой образованный славянин предпочитает французский или немецкий, до боли прозаична — экономическая выгода. Потребность в русском языке не ощущается ни у серба, ни у хорвата, ни у чеха или поляка, так как все их экономические интересы сосредоточены в Германии или Австрии, а экономическое присутствие России в славянских землях минимально. И разве в этом не ее вина? Рассуждая об экономическом положении родной Сербии, Стоянович пишет: «Все мы всей своей жизнью направлены на Запад, особенно на Австрию и Германию. Почти вся наша ввозная и вывозная торговля связана с этими двумя государствами. На первом шагу за границей мы встречаемся с немецким языком. Немецкие торговые агенты являются не только в Белград, но и путешествуют по всем городам, часто научаются и по-сербски. Каждый торговец, и вывозящий, и ввозящий, если он желает преуспевать, должен знать по-немецки. Не только большинство образованных людей дополняет свое образование на Западе, но и книги и газеты получают с большей быстротой, точностью и дешевизной с Запада, и всякий образованный человек, если он даже не выезжал из Сербии, должен знать по-немецки или по-французски»³⁰⁸.

Стоянович задается вопросом: какие связи имеет Сербия с «братской Россией»? Торговли никакой, русские банки не работают, сообщение и инфраструктура отсутствуют, «явится какой-нибудь русский славист на 3–4 недели в Белград ради своих занятий, а внутри страны много места, где русского никогда и не видели»³⁰⁹. Русские газеты и журналы не распространяются должным образом не только в Сербии, но и на всех Балканах. Русские книги крайне дороги для доставки, поэтому и не популярны. Откуда же сербу или хорвату знать русский язык? Да и зачем, если он не понимает его полезности, кроме патетических возгласов о «братском единстве»? Если так обстоит дело на Балканах, где Россия традиционно имеет свои интересы, то о чем тогда говорить по поводу русского языка в славянских землях Австро-Венгрии и Германии? Там славяне в повседневной жизни попросту никогда и не «сталкиваются» с Россией, только если услышат о ней из сводок немецких газет. Здесь важен следующий вывод Стояновича: «Языки не изучаются по симпатиям или антипатиям, а по требованиям практической надобности»³¹⁰.

Кроме всего прочего, Стоянович негативно оценивает и внешнюю политику России, и в первую очередь, молчаливое согласие на оккупацию Австрией двух славянских территорий — Боснии и Герцеговины, а затем и подписание дипломатических соглашений с Австрией, «уступая ее влиянию славянские территории». «Уже тысяча двести лет, как немцы теснят славян; ко-

³⁰⁸ Стоянович Люб. Обще-славянский язык (Посвящается В.И. Ламанскому) // Славянский век. 1901. Вып. 15. С.4.

³⁰⁹ Там же. С.4.

³¹⁰ Там же. С.5.

гда наступит конец этому?»³¹¹ — вопрошает Стоянович. Делает ли что-то Россия для сохранения славянского мира или же ограничивается лишь словами? Есть ли в России лига для распространения русского языка как во Франции? Если ли Русские банки, готовые потеснить немецких конкурентов? Если ли издательства, готовые печатать книги не только на русском, но и «переводить их на славянские языки»? Ответ неутешительный — нет.

Стоянович считает, что у славян уже нет времени создавать общий литературный язык, нет времени рассуждать об отвлеченных началах, «у нас освобождение политическое должно предшествовать духовному объединению»³¹², иначе славянские народы падут под экономическим и политическим натиском западных соседей. Именно из-за этого «романтические» тезисы Ламанского кажутся славянским деятелям уже отжившими себя. Если Россия не вернет себе экономическое влияние в регионе, пророчески заявляет Стоянович, то она навсегда лишится своих «братьев», а отвлеченные разговоры о философских основах «греко-славянского мира» и мечтания о русском языке, как средстве общения, так и останутся мечтами.

Выводы Стояновича являются показательными. Действительно, в начале века, западные и южные славяне, не видя присутствия России в регионе, наблюдая ее сотрудничество с Австрией, уже не верили в добрые намерения романтиков-славистов. Славянским народам нужны были реальные экономические шаги со стороны России, которые позволили бы им занять достойное место в формирующейся мировой капиталистической системе. Именно поэтому идеи экономической интеграции славянских земель, создания общих таможенных и торговых зон, а также общих экономических институтов (славянских банков, выставок и т.п.) стали ведущими в идейно-теоретических построениях панславистов начала XX в.. Неудивительно, и то, что славянская идея станет одним из элементов идеологии партии «Союз 17 октября» и «Прогрессивной партии» в Государственной думе Российской империи, ведь именно эти партии представляли интересы крупной русской буржуазии.

Стоянович в своих утверждениях о важности экономики в межславянских связях был не одинок, подобные идеи были характерны и для славянских общественных деятелей, занявших особое место в кругу авторов журнала — хорвата Степана Радича (1871–1928), болгар Стефана Бобчева (1853–1940) и Стефана Цанкова (1881–1965), серба Михаила Вуича (1853–1913), поляка Мариана Здоховского (1861–1938). Все они были убеждены, что Россия должна по-новому взглянуть на славянские народы как на равноценных партнеров, ведь обе стороны заинтересованы друг в друге, и, прежде всего, экономически.

³¹¹ Там же. С.10.

³¹² Там же. С.6.

Так, на страницах журнала «Славянский век» основатель «Хорватской крестьянской партии» Степан Радич выступил с рядом статей, среди которых особенно выделяется цикл работ под общим названием «Второй период славянского возрождения», посвященный идее о необходимости консолидации усилий всех славян в новых исторических условиях³¹³. В них он утверждал, что славяне все больше уходят в сторону от «призрачного политического панславизма». Не противопоставляя себя более Западной Европе, они движутся в сторону национального «космополитического сплочения» для обороны от германизма³¹⁴. Сам же журнал «Славянский век» Радич охарактеризовал как «новое замечательное движение духовного всеславянского единения»³¹⁵.

Наряду со статьями Стояновича и Радича, в журнале появлялись публикации других славянских авторов — поляков, чехов, болгар. Так, как отмечает З.С. Ненашева, стремление найти сторонников славянской взаимности в среде польских общественных деятелей подтолкнуло редакцию к публикации речи профессора М. Здеховского при открытии Краковского университета³¹⁶. Кроме того, в журнале была полностью опубликована речь чешского политика Вацлава Клофача (1868–1942), произнесенная в австрийском парламенте и обвинявшая Габсбургов в пособничестве немецким захватническим поползновениям.

Особые надежды на возрождение экономических и политических контактов между славянами возлагали болгарские деятели. После убийства македонскими радикалами главы правительства Стефана Стамболова (1895 г.), который, по мнению ряда сторонников славянского единения, проводил антиславянскую и «русофобскую» политику, болгарские панслависты надеялись на смену политического курса в стране. В статье «Славянская идея в Болгарии», опубликованной в 1902 г. в выпуске №46 журнала «Славянский век», известный богослов Стефан Цанков открыто заявлял, что из семи политических партий, существующих в Болгарии, четыре стоят явно на русофобских позициях, и это заслуга политики Стамболова. Кроме того, характеризуя экономическое положение Болгарии, Цанков приходил к выводу, что «болгары стонут под тяжким немецким игом», вместо того, чтобы развивать собственную промышленность и искать новые рынки для своих продуктов, болгары оказались в условиях экономического рабства. Выход из этой ситуации для Цанкова видится лишь один — отказ от политики «Стамболовщины», разворот во внешней политике к России, активизация работы таких организаций, как «Болгарское славянское общество», «Комитет Царя Освободителя»,

³¹³ Радич Степан. Второй период славянского возрождения // Славянский век. 1901. Вып. 25. С.4–7; Вып. 26. С.44–46; Вып. 28. С.101–105; Вып. 29. С.133–136; Вып. 30. С.163–166.

³¹⁴ Подробнее о статьях Радича в «Славянском веке» См.: Фрейдзон В.И. Статьи Степана Радича в журнале «Славянский век» (1901 г.) // Балканские исследования. Вып. 16. Российское общество и зарубежные славяне (XVIII начало XX века). М., 1992. С. 215–222; Фоминых С.Ф., Степнов А.О. Публицистика С. Радича на страницах журнала «Славянский век» (1900–1905 гг.) // Русин. 2015. №4(42). С.86–96.

³¹⁵ Радич С.А. Нерусские славяне на перепутье истории // Славянский век. 1902. Вып. 51. С. 66.

³¹⁶ См.: Ненашева З.С. Идеино-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX в. М., 1984. С. 61.

«Славянская беседа». Именно их деятельность поможет возродить не только культурные и политические, но и экономические связи Болгарии и с «великим русским народом», своим «естественным покровителем и другом»³¹⁷.

Деятельность журнала «Славянский век» не замыкалась на рассуждениях о пользе и важности экономических связей славянских народов с Россией. В круге журнала возник оригинальный проект распространения новых идей через сеть «Славянских клубов», которые бы вели свою работу от Праги и Софии и до Петербурга и Кракова. Координировать деятельность «Славянских клубов» должен был созданный для этого Центральный славянский комитет, который также взял бы на себя задачу организацию «Всеславянского съезда» или «Всеславянской Думы». Данный проект был разработан Московским славянским обществом во главе с А.И. Череп-Спиридоновичем и опубликован И.В. Каменским в выпуске журнала № 47 за 1902 г. В этой публикации речь шла не только о путях формирования, этого комитета, но и указывается на необходимость скорейшего создания Славянского торгово-промышленного общества и Славянского Международного банка, с целью дальнейшей продажи его акций среди 130-миллионного славянства. Это, как подчеркивается в публикации, будет иметь особый смысл «при нынешнем возбужденном настроении поляков и чехов, борющихся с немцами на экономической и политической почве, при нынешнем славянском настроении русского, сербского и болгарского народов, охваченных воспоминаниями о Славянском Крестовом походе — Освободительной войне, бывшей 25 лет тому назад»³¹⁸.

Однако уже к 1904 г. в круге авторов журнала возникло все возрастающее недопонимание, касающееся целей и задач журнала, методах их достижения, а также редакторской политики издания. «Общая умеренно-либеральная направленность журнала не удовлетворяла ни либералов, ни правые, ни так называемые славянофильские круги»³¹⁹ — отмечает З.С. Ненашева. Проблема усугублялась тем, что, по словам самого Д.Н. Вергуна, к концу издания журнал стал плохо восприниматься русскими властями. Таможня вскрывала посылки, в связи с чем, журнал доходил до подписчиков в неподобающем виде, а обложение журнала дополнительной пошлиной крайне затруднило его издание. Такое отношение со стороны российских властей могло быть связано с изменением тона статей журнала, усилением в нем критики внешнеполитического курса правительства, от которого стали требовать кардинально решить «славянский вопрос»

³¹⁷ *Цанков Стефан.* Славянская идея в Болгарии // Славянский век. 1902. Вып.46. С.620–624.

³¹⁸ *Каменский И.В.* Центральный Славянский комитет// Славянский век. 1902. Вып. 47. С. 644–645.

³¹⁹ *Ненашева З.С.* Идеино-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX в. М.,1984. С. 63. Об умеренности взглядов журнала, в частности, свидетельствует и оценка старшего цензора иностранных газет и журналов, поступавших в Россию, В.И. Кривоша, писавшего относительно первых номеров журнала, что издание содержит симпатичные статьи, которые цензурются и читаются с удовольствием», а единственным неподобающим моментом была публикация объявлений о продаже запрещенных в России брошюр и книг. См.:*Там же.*

силой. Российская империя, стремившаяся к сохранению баланса в Европе и на Балканском полуострове в частности, осознавая свою неготовность к войне, старалась погасить подобные воинствующие призывы русскоязычной прессы. Учитывая тот факт, что «Славянский век» издавался в Вене, столице Австро-Венгрии, которая всегда болезненно воспринимала «славянский вопрос», а также то, что Д.Н. Вергун формально являлся представителем Санкт-петербургского телеграфного агентства³²⁰, и тон его издания при желании можно было трактовать как позицию Петербурга, русское правительство в случае с журналом «Славянский век» скорее перестраховывалось, чтобы не допустить усиления международной напряженности. Подобная политика «усмирения» воинственно-настроенной прессы не была случайной, и последовательно проводилась не только в России, о чем подробно пишет в своем исследовании Е.Г. Кострикова³²¹. Австрийские власти начали преследование Д.Н. Вергуна и даже заключили его в тюрьму. В 1905 г., выйдя на свободу Вергун решил перенести издание журнала в Россию, где к тому времени, по его мнению, сложились подходящие условия для пропаганды славянской идеи. Но возобновить издание так и не удалось, многие авторы журнала (в том числе Г.А. Ильинский) разошлись с Д.Н. Вергуном в своем отношении к славянской идее.

Сам Вергун в 1907 г. переехал в Россию, где начал работать в популярной петербургской газете «Новое время», издававшейся одним из самых влиятельных редакторов того времени А. С. Сувориным (1834–1912), продолжал активно участвовать в славянском движении, стал одним из организаторов славянских съездов в Праге (1908 г.) и Софии (1910 г.). В начале 1910-х гг. вокруг Вергуна образуется круг людей, называющих себя «национал-демократами», квинтэссенцией взглядов которых стала публикация сборника «Ладо»³²², что свидетельствует о его отходе от «неославянофильства»³²³.

³²⁰ Современный российский историк А.И. Миллер и вовсе называет Д.Н. Вергуна агентом российской разведки в Австро-Венгрии. См.: Миллер А. И. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М., 2008. С. 175.

³²¹ Кострикова Е.Г. Геополитические интересы России и славянский вопрос: Идеиная борьба в российском обществе в начале XX века. М., 2017.

³²² Подробнее о деятельности Д.Н. Вергуна по формированию «национал-демократической идеологии» и авторах сборника «Ладо» см.: Чемакин А.А. «Мы осмелились выступить с новыми лозунгами...»: петербургская группа национал-демократов и сборник «Ладо» // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2015. №1. С.45–54; Чемакин А.А. Имперская народная партия и Независимая группа IV Государственной думы: русские национал-демократы в 1913 – 1917 гг. Дис. ...канд. ист. наук. СПб., 2016. С.49.

³²³ В краткой биографической справке о Д.Н. Вергуне также указано: «С 1919 г. — профессор Иркутского университета. В 1922 г. эмигрировал в Чехословакию. Преподавал русский язык и читал лекции по русской культуре в учебных заведениях Праги. Был старостой общественно-спортивной организации «Русский сокол» в Праге и редактировал журналы «Русский сокол за границей» (Прага, 1924–1926) и «Русский сокольский вестник» (Прага, 1927–1932). В 1920-е годы он руководил «Литературным объединением студентов-карпатороссов» в Праге. Был членом Союза русских писателей и журналистов в чехословацкой республике и Русского исторического общества в Праге, публиковался в «Записках» этого общества. С 1945 г. жил в США, был профессором университета в Хьюстоне». Соколова В.А. Русские ученые-слависты в Чехословакии между двумя мировыми войнами: 1920 – 1945 гг.: био-библиографические материалы к истории русской филологии в эмиграции // Новые российские гуманитарные исследования. 2009. №4. С.13.

Завершая рассмотрение деятельности «всеславянского органа» и круга его основных авторов, прежде всего, стоит подчеркнуть, что «Славянский век», будучи действительно независимой дискуссионной площадкой, организаторы которой придерживались умеренных взглядов, позволил развернуть на своих страницах обмен мнениями между разными поколениями панславистов. Единственным влиятельным славянским изданием в России на тот момент времени были «Славянские известия», издававшиеся Санкт-Петербургским славянским обществом под редакцией В.Н. Кораблева. Внутри общество свято чтит заветы «отцов-славянофилов» и навряд ли бы допустили публикацию «крамольных» новых идей. «Славянский век» в силу своей отдаленности от России и русских властей, смог развернуть дискуссию, в которой так нуждался русский панславизм, вокруг главного вопроса — как трактовать славянскую идею в новых условиях стремительно развивающегося капитализма? Русские панслависты, представители нового и старого поколений, «скрестили перья» в споре о будущем славянской идеи. И если бы не случилось этой дискуссии, если бы осознание необходимости ревизии панславизма не нашло отклика у разных общественных деятелей и мыслителей, то, возможно, славянский вопрос не стал бы ключевым и не сыграл бы той роковой роли в судьбе Европы в канун и в годы Первой мировой войны³²⁴. Тот импульс, который дали развитию славянской идеи авторы «Славянского века» в 1900-1904 гг., обеспечил небывалый подъем интереса к славянской проблематике в следующие годы. Славянский вопрос занял передовицы ведущих российских газет, с думской трибуны все чаще стали слышны призывы о помощи «братским народам», промышленники и банкиры все увереннее мечтали о постройке железных дорог на Балканах и о пароходах с российскими товарами, заходящими в порты Адриатики. Двадцатое столетие уже всеми стало восприниматься как век неминуемого столкновения славянства и германства, а мысль о неизбежной войне между двумя великими народами все сильнее утверждалась в умах, как либералов, так и консерваторов. Экономические интересы толкали государства в пучину мировой войны, а панславизм, подобно своему брату-близнецу пангерманизму, невольно играл на руку политикам, оправдывая их прагматические интересы.

³²⁴ Об отношении к «славянскому вопросу» в России и Европе в канун Первой мировой войны см.: *Гуторов В.А.* Россия и Первая мировая война: «конфликт интерпретаций» в историческом и этическом измерениях // *Российская общественно-политическая мысль и публицистика в Первой мировой войне.* СПб., 2017. С.3–36.

Заключение

Подводя итог нашему исследованию, необходимо отметить следующие моменты. Как показывает анализ истории и литературы, процесс генезиса панславизма проходил по совершенно тому же сценарию, что и в других панидеологиях. Его появление было обусловлено тем социально-политическим и культурным состоянием славянского общества, в котором оно находилось после потери большинством славянских народов своей государственности. Угроза растворения и культурной ассимиляции подталкивала славян к выработке идейно-теоретического комплекса, способного консолидировать славянские народы и обеспечить их выживание. По сути, панславизм стал ответом на усиление гнета над славянами и страха перед собственным исчезновением как самостоятельного культурного племени. Угроза культурной и национальной ассимиляции, исходившая от немцев, венгров и турок, вызвала идейный ответ в славянском обществе — процесс славянского национального возрождения, следствием которого и стало появление панславизма. С этой точки зрения, небывалый рост интереса к литературе, наукам, истории и традициям славянского мира явился во-многом, ответом, преодолевающим чувство страха славянских народов на коллективном и бессознательном уровне. Помимо прочего, зарождение панславизма, впервые появившегося у западных славян, следует рассматривать в теснейшей связи с появлением главного его оппонента — пангерманизма. Двусторонние тенденции нагнетания взаимных упреков, обоюдное формирование политических мифов об «экспансионистской» роли двух идеологий сыграли роль катализаторов интеграции, усиливая символический капитал, обосновывая идею защиты от внешних врагов. Миф «панславизма» был выгоден Габсбургам для укрепления внутреннего единства империи, миф «пангерманизма» — оправдывал национальные устремления и притязания на независимость славянской интеллигенции.

Краеугольным камнем формирования славянской идентичности стала проблема преодоления полилингвистического многообразия славянского мира. В отличие от пангерманизма (стремившегося к созданию моноэтнического государства), панславизм претендовал на консолидацию совершенно разных в историческом, культурном, политическом и экономическом отношении народностей. Несмотря на общее культурно-языковое прошлое, за многие годы в славянском мире накопились огромные противоречия и назрели конфликты, которые не так-то легко было преодолеть. История причудливым образом сталкивала братские славянские народы между собой, что приводило к накоплению взаимных обид. Кроме того, религиозный раскол некогда единого славянства на католиков, протестантов и православных привел и к языковому отдалению славянских народов друг от друга.

Именно на преодоление всех вышеуказанных сложностей и были направлены появившиеся в дальнейшем различные модели панславизма. Ведь без поиска ответов на ключевые вопросы, разобщающие славянский мир, славяне ставили себя под угрозу исчезновения. А то, как панслависты видели выход из сложившейся ситуации, во многом предопределялось тем культурным кодом, той самобытной спецификой, на почве которой вырастали их идеи. Именно поэтому появившийся из общего «литературного» корня панславизм в каждой славянской стране нашел свое уникальное и самобытное продолжение и воплощение в политических программах, зачастую выдвигавших различные цели и задачи, но при этом всегда объединенных общими заветами «отцов-основателей» панславизма — Яна Коллара и Павла Йозефа Шафарика.

В ходе поиска решения указанных проблем у западных и южных славян сложились собственные интеграционные панславистские модели — австрославизм и югославизм. Резюмируя причины их появления и специфику, можно отметить следующее. Во-первых, стремление к объединению было продиктовано экономическим и политическим упадком славянских народов, лишившихся своей государственности. Тенденции мадьяризации, германизации и итальянизации (в случае хорватов) представлялись славянским деятелям реальной угрозой. В данном историческом контексте создание панидеологий вновь становится идеологическим ответом на угрозы, способом объединить и консолидировать разрозненное славянское племя. Во-вторых, западные и южные славяне к моменту появления идей панславизма уже в течение долгого времени находились под властью других государств. Присущий славянским народам консерватизм, слабость политических институтов, а также экономическая неоднородность славянских земель предопределили стойкий легализм теоретиков панславизма, ориентацию на сотрудничество с правительством с целью повышения политического веса славянских территорий, усиления культурной и политической автономии в рамках империи Габсбургов. Отсюда и появляются идеи о федерализации Австрии, рухнувшие с установлением австро-венгерского соглашения (1867 г.) и переходом к дуализму. Именно тогда намечается разворот представителей славянской интеллигенции в сторону России, как потенциальному союзнику в деле борьбы за возможную политическую независимость. Снижение доверия к австрийскому правительству, а также изменение исторического контекста, усложнение экономических отношений, вылившееся в увеличение разрыва между развитыми и отсталыми территориями империи, отразилось и на радикализации панславистских проектов в конце XIX – начале XX в., а также и на пересмотре роли России в этом процессе. Однако, по-прежнему, в большинстве проектов Россия рассматривалась как важный, но временный союзник в деле достижения собственных политических целей. В-третьих, в отличие от иных панидеологий и проектов, ни австрославизм, ни югославизм не удалось реализовать в полной мере, что было предопределено огромными противоречиями

между самими славянами и нежеланием их отказаться от конкретных и сиюминутных национальных интересов в пользу долгосрочных наднациональных. Даже создание государства Югославия нельзя назвать в полной мере эффективным воплощением идей югославизма, о чем говорят примеры коллаборационизма в годы Второй мировой войны, а также Балканские войны, захлестнувшие республики бывшей Югославии после распада страны. Тенденции к сецессии и распаду проявляются на Балканах и в наши дни (создание независимой Черногории в 2006 г., объявление о независимости Косово в 2008 г., «Македонский вопрос» в Греции, «Албанский вопрос» в Македонии). В-четвертых, механизмы формирования идентичности, использовавшиеся теоретиками и идеологами австрославизма и югославизма, объединяют эти идейно-теоретические комплексы с другими панидеологиями. Однако в данном случае создание единого языка, формирование общей литературы и культурного поля нашло серьезное противодействие со стороны национальных элит, не желавших ничем поступиться. Идеи объединения использовались этими элитами лишь для лоббирования собственных интересов, а интересы самого славянства часто отходили на второй план. Чувствуя общность судьбы, общее «горе» потери государственности, каждый славянский народ империи в тоже время претендовал на лидерство в среде «угнетенного» славянства. Тем не менее, идеи панславизма оказали огромное влияние на культурное возрождение славянских народов, на популяризацию национальной литературы, истории, стимулировало изучение собственных языков. Возможно, именно рост идей панславизма так и не позволил славянам империи Габсбургов окончательно раствориться под действием культурной и политической ассимиляции.

Что касается появления и развития панславизма в России, то русский панславизм имеет те же идейные основания, что и панславизм западных и южных славян, его представители продолжили и развили проекты западнославянских мыслителей. Однако, Россия, в отличие от других славянских территорий, занимала особое положение в мире. Обладая огромными ресурсами, собственной государственной традицией, богатой историей, самобытной философией, Россия создала уникальный синтез западного панславизма и собственных общественно-политических традиций. К тому же влияние на формирование панславизма в стране оказывало геополитическое положение России. Русские теоретики панславизма попросту не мыслили категориями своих западных коллег. А особые представления о роли и месте русского народа, уходящие корнями в отечественную духовно-политическую мысль, не могли не отразиться и на представлениях о месте России в деле объединения славян. Кроме того, идеи панславизма порой использовались и для претензий России на ведущую роль в международной политике и геополитические приобретения, что отчасти роднит панславизм с пангерманизмом. При всем при этом, пангерманизм всегда лежал в основе внешнеполитического курса Германии, а панславизм исполь-

зовался лишь как сиюминутное политическое орудие. Поэтому говорить о его «официальном» характере или как главном инструменте влияния России — значит упрощать. Панславизм всегда был идеей интеллигенции, общественных деятелей, журналистов и философов, но никак не чиновников и политиков. Но не стоит забывать и о том, что представления о «всеславянстве» в среде российской интеллигенции носили различный и часто диаметрально противоположный характер. В этом то и раскрывается специфика русского панславизма, как многообразного и идейно богатого направления русской социально-политической мысли.

В отечественной науке сложилось устойчивое представление о дихотомии «панславизм-неославизм», о разрыве традиции русского панславизма века XIX и века XX. Данное противоречие снимает понятие «культурно-экономический панславизм», которое дополняет существующие классификации русского панславизма как «культурного» и «политического». Панславизм в начале XX в. эволюционировал в сторону экономики и был именно «культурно-экономическим». Данный термин представляется наиболее корректным, так как, с одной стороны, подчеркивает преемственность линии русского культурного панславизма, а с другой, выделяет и его основное отличие — экономический аспект.

Формирование «нового славянского мировоззрения» в начале XX в. не было случайным. К началу нового столетия европейская цивилизация находилась, с одной стороны, в условиях жесточайшего социокультурного и духовного кризиса, вызванного переосмыслением всех ранее преобладавших в обществе ценностей и взглядов, а с другой — в фазе своего небывалого подъема и развития. Кризис идеологии гуманизма, рационалистических парадигм и сциентистских идеалов науки, предопределивший направления интеллектуальных поисков европейской интеллигенции, сопровождался невиданными ранее успехами в экономике и промышленности, открытиями в области медицины и химии, созданием непревзойденных образцов искусства в литературе и живописи. Процесс поиска выхода из духовного, политического и социального кризиса, охватившего общество, не обошел стороной и Россию, где на рубеже веков вновь возродился интерес к панславизму.

Для экономических отношений в России начала XX в. было характерное скачкообразное развитие. Тем не менее, к началу XX в. Российская империя догнала по темпам развития многие европейские страны. Однако бурный экономический рост часто сопровождался ломкой устоявшихся в обществе норм и традиций, социальная структура претерпевала серьезные изменения, общественная жизнь усложнялась и приобретала качественно новые характеристики. Экономический и промышленный рост повлиял и на бурное развитие банковской и финансовой системы страны. Постепенно в России стала складываться финансовая олигархия, класс крупных промышленников и предпринимателей. Именно интересы крупного капитала, искавшего новые

рынки в славянских странах, в дальнейшем повлиял на переориентацию панславизма с культурного и политического сотрудничества на экономическую кооперацию.

Рупором «нового славянского мировоззрения» становится журнал «Славянский век», издававшийся в Вене с 1900 по 1904 гг. под редакцией Д.Н. Вергуна (1871–1925). Журнал был единственной на тот момент независимой площадкой для обсуждения общественно-политических вопросов в славянских землях, так как в России до 1905 г. издание подобного печатного органа было попросту невозможно из-за действий цензуры.

В программе журнала «Славянский век» четко фиксируется главный тренд в эволюции панславизма в начале XX в. — усиление экономической составляющей и приоритет идей экономической интеграции славянских народов, как единственного средства противостояния немецкой экономической экспансии. В тоже время отмечается и преемственность взглядов с предыдущими поколениями русских панславистов. Поэтому можно утверждать, что программа журнала обозначает новое направление в панславизме — *«культурно-экономический панславизм»*. В век бурного развития капитализма опора на старые и изжившие схемы уже попросту не отвечала ни интересам панславистов, ни интересам славянства. Эта программа, квинтэссенция которой содержится в программной статье И.В. Каменского «Тезисы панславизма», опубликованной в журнале в 1903 г., полностью вписывалась в парадигму «культурно-экономического» направления русского панславизма и носила сознательно политически нейтральный характер. С одной стороны, в этой программе упор делался на развитии культурных взаимосвязей со славянскими странами, упрочении роли русского языка как средства межславянской коммуникации, подготовки «почвы» для будущей политической интеграции славянских народов в рамках некоего «славянского союза» на равноправной основе, с другой — вполне четко обозначился вектор ухода в обсуждение экономических путей интеграции славянства. Именно экономике и торговле отводилась та роль, которая ранее признавалась за языком и литературой. Но это были лишь первые шаги на пути кристаллизации подобной идеи. В будущем некоторые мысли, впервые высказанные В.И. Каменским, получили дальнейшую разработку и на политическом уровне. В ходе многочисленных переговоров между политическими деятелями славянских земель (В. Клофач, К. Крамарж, И. Хрибар, С. Радич) и членами Государственной Думы Российской империи (Н.М. Хомяков, В.А. Маклаков и др.) не раз поднимались вопросы создания славянского банка, развития славянского туризма и молодежного движения, поощрения культурных связей и многие другие. Но это будет позже. Что же касается журнала «Славянский век», в отличие от культурных и экономических аспектов, его политическая программа носила не до конца проработанный характер, ее требования были размыты и неточны, а их реализация откладывалась на неопределенное будущее.

Издание просуществовало до конца 1904 г., но вынуждено было прекратить свою работу по ряду причин. Одним из главных результатов деятельности журнала «Славянский век» за недолгие четыре года издания стало то, что он сумел объединить круг авторов, которые впоследствии не только не отказались от идеи славянской взаимности, но и продолжили ее развитие, кто на научном, а кто на общественно-политическом поприще.

Открытая редакционная политика журнала и доброжелательный тон дискуссий обусловили то, что он стал площадкой, на которой проходили споры представителей либерального (И.В. Каменский, Г.А.Ильинский, Р.Г. Пржевальский) и консервативного (В.Н.Кораблев, А.А.Башмаков) течений русского панславизма. Действительно, объединив под своим крылом авторов, которые трактовали славянскую идею совершенно в разном ключе, журнал стал той вехой, которая позволяет судить о трансформации русского панславизма в канун великого потрясения XX в. — Первой мировой войны.

В одном, даже квалификационном, исследовании невозможно охватить все аспекты сложной и многогранной темы эволюции идейно-теоретического комплекса панславизма. За пределами настоящей работы остались многие вопросы, связанные как с методологией изучения панидеологий, их истоков и сущностных черт, так и детального историко-политологического анализа эволюции панславизма после 1905 г. Было бы также интересно проследить дальнейшую творческую судьбу круга авторов журнала «Славянский век». Все эти темы ждут своего специального рассмотрения.

Литература

1. *Аксаков И.С.* Вопросы, предложенные Ивану Сергеевичу Аксакову III-м отделением // Быть России в благоденствии и славе: Послания великим князьям, царям, императорам, политическим деятелям о том, как улучшить «государственное устройство». М.: Пашков дом, 2002. С.345–355.
2. *Аксенова Е.П.* Славянская идея в интерпретации А.Н. Пыпина // Славянский альманах 1998. М.: Индрик, 1999. С.87–97.
3. *Алексеева Т.А.* Современная политическая мысль (XX–XXI вв.): Политическая теория и международные отношения. М.: Аспект Пресс, 2018.
4. *Алексеева Т.А.* «Мягкая сила» в теории и практике международных отношений // Политическое пространство и социальное время. Идентичность и повседневность в структуре жиз-

ненного мира. XXX Харакский форум. 26–30 мая 2016, г. Ялта (Республика Крым) / Под ред. Т.А. Сенюшкиной, А.В. Баранова. Симферополь: ИТ «АРИАЛ». С. 5–21.

5. Алленова И.В. Панэллизм Исократы // Вестник ТГУ. 2002. Вып. 2 (26). С.63–66.
6. Андерсон К.М., Артамонова Ю.Д., Бойцова О.Ю., Вархотова В.А., Гуторов В.А., Ермашов Д.В., Зоткин А.А., Козиков И.А., Котов Б.С., Мартыненко Н.П., Мырикова А.В., Перевезенцев С.В., Прокудин Б.А., Сетов Н.Р., Пучнина О.Е., Чанышев А.А., Шириняц А.А. Политическая текстология как наука и учебная дисциплина: материалы круглого стола // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки, 2014. № 4. С. 110–136.
7. Аринин А.Н., Михеев В.М. Самобытные идеи Н.Я. Данилевского. М.: Изд-во «Интелтех», 1996.
8. Асонов Н.В. Византизм и российская власть: уроки и смыслы // Власть. 2010. № 9. С. 26–29.
9. Асонов Н. В. К вопросу об идейных истоках российской государственности // Власть. 2012. № 2. С. 47–49.
10. Асонов Н.В. Политические доктрины российского самодержавия и их модернизация. М.: Изд-во РАГС, 2009.
11. Асонов Н.В., Талина Г.В. Генезис российских представлений о власти // Власть. 2016. Т.24. №8. С.103–111.
12. Атякиев М.В. Идея христианской общности в позднем славянофильстве: И.С. Аксаков, Н.Н. Страхов, П.Е. Астафьев, Л.А. Тихомиров: дис... канд. филос. наук. М., 2013.
13. Ачкасов В.А. Роль «образа врага» в процессах этнополитической мобилизации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2016. Т. 12. № 1. С. 106–128.
14. Багдасарян В.Э. Панславизм // Общественная мысль России XVIII – начала XX века. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2005. С. 381.
15. Бажов С.И. Философия истории Н.Я. Данилевского. М.: ИФ РАН, 1997.
16. Балугев Б.П. Споры о судьбах России: Н.Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа». М.: Эдиториал УРСС, 1999.
17. Баранкова Г.С., Еськова И.Б. Труды и дни Григория Андреевича Ильинского (1876–1937) // Московский журнал. 2000. № 7. С.2–14.
18. Баранкова Г.С. Григорий Андреевич Ильинский (1876–1937) // Русская речь. 2001. №2. С. 55–74.
19. Бахтин М.В. Кризис культуры начала XX века и историческое познание // Вестник МГОУ. Серия «Философские науки». 2011. № 3. С.60–66.
20. Башмаков А.А. Болгария и Македония. СПб.: общ. печ. и писчеб. дела «Слово», 1903.

21. *Белова Е.В.* Национально-освободительная борьба балканских народов и Крымская война // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. Т. 21. № 6. С.56– 68.
22. *Бердяев Н.А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. М.: Изд-во В.Шевчук, 2000.
23. *Бжезинский З.* Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство. М.: Международные отношения, 2004.
24. *Билунов Б.Н.* Русское славянофильство и болгарское национальное движение // Болгария и Россия: Сборник трудов Б.Н. Билунова. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1996. С.101–122.
25. *Бойцова О.Ю.* Шмитт // Философия политики и права. 100 основных персоналий. Словарь: Учебное пособие / Под общ. ред. Е.Н. Моцелкова, научн. ред. А.В. Никандров. М.: Издатель Воробьев А.В., 2015. С. 337–340.
26. *Брага Т.В.* Дмитрий Николаевич Вергун о славянах // Историческая наука и российское образование (актуальные проблемы): Сборник статей: памяти профессора А.Г. Кузьмина и профессора В.Г. Тюкавкина. М.: Прометей, 2008. Ч. 2. С. 398–402.
27. *Будилович А.С.* Пангерманизм и панславизм // // Будилович А. С. Славянское единство / Сост., предисл. и примеч. Ю. В. Климакова / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации М., 2014. С.130–136.
28. *Будилович А.С.* Мечта ли панславизм// Беседа. 1872. Кн.1. Отд. I. С.195–215.
29. *Будилович А.С.* Несколько замечаний о польском вопросе с точки зрения всеславянства// Беседа. 1871. №6. С.146–164.
30. *Будилович А.С.* Общеславянский язык в ряду других языков древней и новой Европы. Т.2. Варшава, 1892.
31. *Ваврик В.Р.* Краткий очерк галицко-русской письменности. Лувен, 1973.
32. *Валев Л.Б., Марьина В.В., Славин Г.М.* Всеславянский комитет и освободительное движение зарубежных славянских народов в период Второй мировой войны // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VII международный съезд славистов. Варшава, август 1973. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1973. С.73–91.
33. *Васильев А.А.* Мироззрение почвенников (Ф.М. и М.М. Достоевских, А.А. Григорьева и Н.Н. Страхова: забытые страницы русской консервативной мысли. / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010.
34. *Васич В.Н., Шириняни А.А.* Политика. Культура. Время. Мифы. М.: Диалог-МГУ, 1999.

35. *Ведерников М.В.* Место России во внешнеполитической концепции Т.Г. Масарика накануне и в годы Первой мировой войны // Современная Европа. 2015. №6 (66). С.122–129.
36. *Вергун Д.* От редактора-издателя // Славянский век. 1904. Вып. 92. С. 561–562.
37. *Вергун Д.* Русско-австрийский таможенный союз // Славянский век. 1901. Вып. 33–34. С.278–279.
38. *Вергун Д.Н.* От редактора // Славянский век. 1904. Вып.82. С.293.
39. *Вергун Д.Н.* Славянство и война // Славянский век. 1904. Вып. 75. С. 66–70.
40. *Вишняков Я.В.* «Подальше от нашего порога». Съезд славянских журналистов в Белграде 1911 года // Родина. 2011. №8. С.137–138.
41. *Волков В.К.* К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм» // Славяно-германские культурные связи и отношения. М.: Наука, 1969. С.25–69.
42. *Воробьева И.Г. С.А.* Никитин о деятельности историка-слависта Н.А. Попова // Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа. М.: Археодоксия, 2004. С.72–77.
43. *Гаджиев К.С.* Геополитические горизонты России: Контуры нового миропорядка. М.: Экономика, 2011.
44. *Гаджиев К.С.* Национальная идентичность: концептуальный аспект // Вопросы философии. 2011. №10. С. 3–16.
45. *Ганс Кон.* Национализм: его смысл и история // [Электронный ресурс] // Библиотека Егора Холмогорова [сайт]. URL: <http://www.traditio.ru/holmogorov/library/k/kohn/6.htm> (дата обращения: 13.04.2018).
46. *Гилязов М.Ф.* Политические идеи и проекты Р.А. Фадеева (1824–1884): автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2002.
47. *Гончарик А.А.* Понятие мифа и его применение в исследованиях политики // Политическая наука. 2009. №4. С.79–87.
48. *Горяинов А.Н.* «Славянская взаимность» в трактовке советской историографии 1920–1930-х годов // Славянская идея: история и современность. М.: Институт славяноведения РАН, 1998. С. 147–159.
49. *Григорий Богослов.* Слово 4. Первое обличительное на царя Юлиана // Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Т.1. СПб.: Изд-во П.П. Сойкина, 1912.
50. *Григорьева А.А.* Панславизм: идеология и политика (40-е гг. XIX – начало XX вв.): дисс. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2010.
51. *Григорьева А.А.* Панславизм: идеология и политика (40-е годы XIX – начало XX века). Иркутск: Аспринт, 2013.

52. *Григорьева А.А.* Балканская политика России и панславизм в 80-е гг. XIX – начале XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. №6(20). Ч. 1. С.78–82.
53. *Грот К.Я.* Владимир Иванович Ламанский (умер 19 ноября 1914 г.) // Исторический вестник. 1915. №1. С.208–229.
54. *Гройс Борис.* Поиск русской национальной идентичности // Россия и Германия: опыт философского диалога. М.: Медиум, 1993. С. 30–53.
55. *Гуторов В.А.* «Русский вопрос» и Первая мировая война: о некоторых тенденциях современных интерпретациях // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2014. Т. 10. № 2. С.21–29.
56. *Гуторов В., Шириняц А.* Терроризм как политический и исторический феномен: современные проблемы интерпретации // Przegląd Strategiczny. 2017. №10. С. 275–296.
57. *Гуторов В.А.* Политическая культура и политическая власть в эпоху глобализации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2006. Т.2. №4. С.63–74.
58. *Гуторов В.А.* Россия и Первая мировая война: «конфликт интерпретаций» в историческом и этическом измерениях // Российская общественно– политическая мысль и публицистика в Первой мировой войне / Автор-сост. В.А. Гуторов. СПб.: РХГА, 2017. С.3–36.
59. *Джонг Х.–С.* Идея славянской интеграции в российской общественной мысли первой половины XIX века: диссертация ... доктора политических наук. М., 1996.
60. *Дианова В.М., Скочиньский Я.Г.* Жизнь и мировоззрение Мариана Здзеховского // Вопросы философии. 2017. № 6. С.82–91.
61. *Досталь М.Ю.* Славистика между пролетарским интернационализмом и славянской идеей (1917–1941) // «Славянский Альманах – 2006». М.: Индрик, 2007. С.114–140.
62. *Досталь М.Ю.* Славянский мир и славянская идея в философских построениях и «практике» ранних славянофилов // Славянский альманах. 2000. М.: Индрик, 2001. С.85–95.
63. *Достян И.С.* Панславистские тенденции в русской общественной мысли начала XIX в. // Славянская идея: история и современность. М.: Институт славяноведения РАН, 1998. С.48–62.
64. *Достян И.С.* Российская политика в восточном вопросе: итоги и некоторые перспективы изучения // Балканские исследования. Вып. 15. Россия и славяне: политика и дипломатия. М.: Институт славяноведения РАН, 1992. С.6–15.
65. «Дранг нах Остен» и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. 1871 – 1918 гг. / Отв. ред. В.К. Волков. М.:Наука, 1977.
66. *Дронов А.М.* Политический панславизм в современной России // Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность: сборник статей Международной научно-

практической конференции. / Под ред. В.С. Белгородского, О.В. Кащеева, В.В. Зотова, И.В. Антоненко. М.: ФГБОУ ВО «МГУДТ», 2016. С.177–183.

67. *Дудник С.И., Солонин Ю.Н.* Парадигмы исторического мышления XX века. Очерки по современной философии культуры. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001.

68. *Дьяков В.А.* Идея славянской взаимности и ее воздействие на развитие славяноведения (конец XVIII – первая половина XIX в.) // *Studie z dejin svetovej slavistiky do polovice 19. storocia.* Bratislava, 1978. S.9–28.

69. *Дьяков В.А.* Политические интерпретации идеи славянской солидарности и развитие славяноведения (с конца XVIII в. до 1939 г.) // *Методологические проблемы истории славистики.* М.: Наука, 1978. С.232–260.

70. *Дьяков В.А.* Славянская идея в России периода империализма // *Вопросы истории.* 1987. № 3. С.28–41.

71. *Дьяков В.А.* Идея славянского единства в пореформенной России // *Вопросы истории.* 1986. №1. С.16–32.

72. *Дьяков В.А.* Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М.: Наука, 1993.

73. *Егоров Б. Ф.* От Хомякова до Лотмана. М.: Языки славянских культур, 2003.

74. *Егоров Б.Ф.* О национализме и панславизме славянофилов // *Славянофильство и современность.* СПб.: Наука, 1994. С. 23–32.

75. *Егорова К.Б. Т.Г. Масарик: от «русского вопроса» к «Русской акции»* // *К истории идей на Западе: «Русская идея».* / Под ред. В.Е. Багно и М.Э. Маликовой. СПб.: Издательство Пушкинского Дома, Издательский дом «Петрополис», 2010. С.339–357.

76. *Егорова К.Б.* Письма Д.Н. Вергуна к П.А. Кулаковскому // *Библиотека журнала «Русин».* 2017. №1. С.155–159.

77. *Загора Роман.* Идеолог словацкого национального возрождения Людовит Штур и представители российских общественных и научных кругов в 1830-х – первой половине 1850-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. Спб., 2011.

78. *Зайончковский П.А.* Кирилло-Мефодиевское общество. М.: Изд-во Московского Университета, 1959.

79. *Закіпна Г.В.* Духовний спадкоємець // *Дім князя Гагаріна: Дім князя Гагаріна: Збірник наукових статей і публікацій /Одеський літературний музей.* Вип. 4.Одеса, 2007. С.61–85.

80. *Зимовец Л.Г.* Кризис культуры и его отражение в западно-европейской и русской культурологической мысли // *Ученые записки Российского государственного социального университета.* 2011. №5. С.24– 32.

81. *Зиновьев В.П., Казаков В.В.* Журнал «Славянский век» о положении русинов Галиции в конце XIX – начале XX в. // Русин. 2016. №1. С.120–127.
82. *Зоткин А.А.* Проблема войны и мира в творчестве Канта, Фихте и Гегеля // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2016. № 4. С.1–10. <http://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/784>. (дата обращения: 05.01.2018).
83. *Иванников Д.А.* Общественно-политические взгляды и деятельность М.П. Погодина: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.
84. *Иванов А.А., Репников А.В.* «Зловещий лик Вильгельма Кровавого» (германский император в оценках русских консерваторов) // Родина. 2014. № 8. С. 15–18.
85. *Илья Гарашанин.* «Начертание» // Никифоров К.В. «Начертание» Илии Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842–1853 гг. М.: Индрик, 2015. С. 235–249.
86. *Ильинский Г.А.* Великий эмансипатор (А.С.Хомяков) // Славянский век. 1901. Вып.18. С.4–8.
87. *Ильинский Г.А.* Что такое истинное славянофильство? // Славянский век. 1901. Вып.33–34. С.261–264.
88. *Йосифова Бригита.* Декабристы. М.: Прогресс, 1983.
89. *Истомин Ф.М.* Краткий очерк деятельности Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества за 25 лет его существования. 1868– 1893. СПб.: Тип. В.В. Комарова, 1893.
90. История русской журналистики XVIII–XIX веков: учебник / Д.А.Бадалян, Л.П.Громова, Г.В.Жирков, М.М.Ковалева и др.; под ред. Л.П.Громовой. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2013.
91. *Каменский И.В.* Панславизм, пангерманизм и панроманизм в XX в. Посвящается участникам Гаагской мирной конференции. Одесса: типо-лит А. Шульце, 1902.
92. *Каменский И.В.* Славянская идея и клерикализм // Славянский век. 1901. Вып. 24. С.4–9.
93. *Каменский И.В.* Тезисы панславизма // Славянский век. 1903. Вып. 59. С.322–325.
94. *Каменский И.В.* Центральный Славянский комитет// Славянский век. 1902. Вып. 47. С. 644–645.
95. *Кант И.* К вечному миру // Трактаты о вечном мире / Сост. И.С. Андреева и А. В. Гулыга. СПб.: Алетейя, 2003. С.205–241.
96. *Кареев Н.И.* История Западной Европы в Новое время (1880–1900 годы). Т. 6. Последняя треть XIX века, Ч. 2. СПб.: Типография И.А. Ефрона, 1910.
97. *Кирилина Л.А., Пилько Н.С., Чуркина И.В.* История Словении. СПб.: Алетейя, 2011.
98. *Кирьянов Ю.И.* Русское собрание 1900–1907. М.: РОССПЭН, 2003.

99. *Ковтуненко М.К.* Развитие панславизма в Российской Империи в начале XX века // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, отечественной и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник тезисов докладов участников Третьей международной конференции молодых ученых и специалистов «Сlio-2013». М., 2013. С. 184–189.
100. *Ковтуненко М.К.* Концепция политического панславизма И.И. Дусинского // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 3. С. 222–227.
101. *Ковтуненко М.К.* Концепция политического панславизма И.И. Дусинского: дис. ... канд. полит. наук. М., 2015.
102. *Козиков И.А.* Российские естествоиспытатели о славянах (М.В. Ломоносов, Д.И. Менделеев, В.И. Вернадский) // Вестник Российской нации. 2009. № 3. С. 49–65.
103. *Козиков И.А.* Российские естествоиспытатели о славянах // Славяне. 2017. № 2(7). С. 46–49.
104. *Колейка Й.* Славянские программы и идея славянской солидарности в XIX и XX веках. Прага: Statní ped. nakl-vi, 1964.
105. *Коллар Я.* О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими // Отечественные записки. 1840. №8. С.65–94.
106. *Кораблев В.Н.* Академик А.Н. Пыпин и славянский вопрос // Вестник АН СССР. 1933. №8–9. С.67–78.
107. *Кораблев В.Н.* Крах неославизма // Славянские известия. 1910. №2. С.170–177.
108. *Кострикова Е.Г.* Геополитические интересы России и славянский вопрос: Идеиная борьба в российском обществе в начале XX века. М.: Кучково поле, 2017.
109. *Котов А.Э.* Консервативная печать в общественно-политической жизни России 1860-х – 1890-х годов: М.Н. Катков и его окружение: автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб, 2016.
110. *Крижанич Ю.* Политика. М.: Новый свет, 1997.
111. *Кузнецов О.В.* Р.А. Фадеев — генерал и публицист. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 1998.
112. *Кулаковский П.* Иллиризм. Исследование по истории хорватской литературы периода Возрождения. Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1894.
113. *Лабанов С.С.* Политическая философия Ф.И. Тютчева: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2001.
114. *Лаврик Э.Г.* Панславизм // Русская философия. Энциклопедия. Изд. второе, доработанное и дополненное. Под общей редакцией М.А. Маслина. Сост. П.П. Апрышко, А.П. Поляков. М.: Терра – Книжный клуб «Книговек», 2014. С. 461.

115. *Ламанский В.И.* Взгляд на судьбы юго-западного славянства // Славянский век. 1900. Вып. 9–10. С.2–15.
116. *Ламанский В.И.* Можно ли уподоблять Россию Австро-Венгрии в вопросе о народностях? // Славянский век. 1900. Вып. 11–12. С.2–8.
117. *Ламанский В.И.* Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе. СПб.: Тип. Майкова, 1871.
118. *Ламанский В.И.* Славянский союз // ПФА РАН. Ф. 35. Оп. 2. Д. 124. Л. 1.
119. *Ламанский В.И.* Три мира Азийско-Европейского материка. СПб: Типография А.И. Граншеля, 1892.
120. *Ламанский В.И.* Чтения о славянской истории в императорском Санкт-Петербургском университете. СПб: Печатня В. Головина, 1867.
121. *Ламанский В.И.* Из записок о славянских землях // Отечественные записки. 1864. Т. СЛII. Февр. Отд. I. С. 649–702. Т. CLIV. Май. С. 353–380.
122. *Ламанский В.И.* Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях // Отечественные записки. 1864. №11. С.166–188.
123. *Ламанский В.И.* Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях // Отечественные записки. 1864. №12. С.548–616.
124. *Ламанский В.И.* Непорешенный вопрос // Журнал министерства народного просвещения. 1869. №1–2. С.122–163.
125. *Ламанский В.И.* Проекты славянских федераций. Обзор // ПФА РАН. Ф. 35. Оп. 2. Д. 110. Л. 2.
126. *Лаптева Л.П.* В.И. Ламанский и славянская тема в русских журналах рубежа XIX–XX веков // Славянский вопрос: Вехи истории. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1997. С.118–129.
127. *Лаптева Л.П.* История славяноведения в России в XIX в. М.: Индрик, 2005.
128. *Лаптева Л.П.* Владимир Иванович Ламанский (1833–1914) (К столетней кончине знаменитого слависта) // Славянский мир в третьем тысячелетии: человек, общество, народ в истории, языке и культуре. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С.47–59.
129. *Лаптева Л.П.* Г.А. Ильинский о славянофильстве // Славянский альманах 2012. М.: Индрик, 2013. С.175–182.
130. *Лаптева Л.П.* Идея славянской взаимности и славянские съезды XIX в. // Славянские съезды XIX–XX вв. М.: ИСБ РАН, 1994. С.5–20.

131. *Лебедева Г.Н.* Славянское Возрождение в первой половине XIX в.: рождение наций // Вестник ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2015. Т.2. №2. С.74–84.
132. *Лебедева Г.Н.* У истоков славянского мира: П.Й. Шафарик и В.Ганка // Славянские языки и культура. История и современность. Материалы международной научно-практической конференции / Под общей редакцией В.Н. Скворцова; Т.Е. Лебедева. СПб.: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2015. С.54–59.
133. *Лебедева О.В.* Чешское русофильство в период установления австро– венгерского дуализма // Социально-политическая борьба в странах Европы в средние века и новое время. Йошкар–Ола, 1990. С. 130–144.
134. *Леонтьев К.Н.* Восток, Россия и Славянство. М.: Республика, 1996.
135. *Леонтьев К.Н.* Полное собр. соч. и писем в 12-ти тт. Т. 7. Кн. 1. Публицистика 1862-1879 годов. СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2005.
136. *Лециловская И.И.* Иллиризм. М.: Наука, 1968.
137. *Лециловская И.И.* Концепция славянской общности в конце XVIII–XIX века // Вопросы истории. 1976. №12. С. 75–92.
138. *Линькова Е.В.* Национально-консервативная идея в творческом наследии Ф.И. Тютчева: автореф. дис. ... канд. историч. наук. М., 2008.
139. *Лисий.* Олимпийская речь // Речи /Пер., статья, коммент. С.И. Соболевского; предисл. Л.П. Маринович, Г.А. Кошеленко. М.: Ладомир, 1994. С.283–285.
140. *Лопатина Е.Б.* Политика Российской империи в польском вопросе в 1880–1890-е гг.: автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 2011.
141. *Лосский Н.О.* История русской философии. М.: Советский писатель, 1991.
142. *Луцик Р.Я.* Дмитрий Николаевич Вергун // Временник: Научно-литературные записки Львовского Ставропигиона. Львов, 1938. С.76–80.
143. *Малахов В.С.* Национализм как политическая идеология: Учебное пособие. М.: КДУ, 2005.
144. *Малинов А.В.* «Славянский мир» или «русский космос»: о нереализованном издательском проекте В.И. Ламанского // Альманах «Русский мир». СПб., 2011. № 6. С. 32–47.
145. *Махонина С.Я.* История русской журналистики начала XX века: учеб. Пособие. 6-е изд., стер. М., 2016.
146. *Масланов Е.В.* Формирование социального идеала в творчестве ранних славянофилов и К.Н. Леонтьева: сравнительный анализ: дис. ... канд. филос. наук. Нижний Новгород, 2011.

147. *Маслин М.А.* Иван Киреевский и русская философия // Иван Киреевский. Духовный путь в русской мысли XIX–XXI веков (К 200-летию со дня рождения). М., 2007. С. 103–112.
148. *Маслин М.А.* Идея славянской взаимности в творчестве Ф.И.Тютчева // Три лика Федора Тютчева: дипломат, поэт, мыслитель: К 200-летию со дня рождения: МГУ им. М.В.Ломоносова. Центр обществ. наук, Рост. гос. экон. ун-т и др./ Под ред. Осипова Ю.М., Зотовой Е.С. Ростов н/Д., 2004. С. 331–337.
149. *Маслин М. А.* Разноликость и единство русской философии. СПб.: Издательство РХГА, 2017.
150. *Маслин М.А.* Философия славянофилов. Становление и основные особенности // История русской философии: Учеб. Для вузов. / Под ред. М.А. Маслина. М.: КДУ, 2008. С. 131–133.
151. *Матевчик А.* Ян Геркель и его идея славянского литературного единства // *L'udovid Stur und die slawische Wechselseitigkeit*. Bratislava. 1969. S. 27–31.
152. Материалы для журнальной статистики // Славянский век. 1904. Вып. 92. С.576.
153. *Меланченко И.В.* Идея панэллинизма в древнегреческой литературе // Вестник МГЛУ. 2014. Вып. 21 (707). С.97–108.
154. *Меланченко И.В.* Панэллинизм и концепция межполисных отношений Исократы: дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.
155. *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
156. *Миллер Т.А.* От поэзии к прозе. Риторическая проза Горгия и Исократы // Античная поэтика. М.: Наука, 1991. С. 60–105.
157. *Миллюков П.Н.* Из истории русской интеллигенции: Сборник статей и этюдов. СПб.: Типография А.Е. Колпинского., 1902.
158. *Михайлов А.А.* Очерки по истории славянофильства 40–50-х годов (панславистские тенденции в раннем славянофильстве). Тезисы к диссертации на соискание ученой степени к. и. н. Л., 1939.
159. *Михайлов Валентин.* Цивилизационните и геополитическите кръстопътища на славянския свят// Понеделник. 2008. бр. 11/12 – год. XI. С. 118–134.
160. *Моисеева Г.Н., Крбец М.М.* Йозеф Добровский и Россия: Памятники русской культуры XI–XVIII вв. в изучении чешского слависта. Л.: Наука, 1990.
161. *Моцелков Е.Н.* Фадеев Ростислав Андреевич // Русская социально-политическая мысль X – начала XX века. Антология: Учебное пособие. В 5 т. Т. 4. М.: Социально-политическая мысль, 2006. С. 248–259.

162. *Моцелков Е.Н., Гилязов М.Ф.* Р.А. Фадеев — консервативный политический философ XIX в.: мысли о России и Западе // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2002. № 1. С. 106–118.
163. *Мчедлова М.М.* Шпенглер // Глобалистика. Энциклопедия. / Составители: И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. М.: Радуга, 2003. С. 1168–1169.
164. *Мырикова А.В.* Политические идеи Ф.И. Тютчева. М.: Современные тетради, 2004.
165. *Мырикова А.В.* Статья Людевита Гая «Наш народ» // SCHOLA – 2013. Материалы Международной научной конференции «Политика в текстах – тексты в политике: наука истории идей и учений», 30–31 октября 2013 года / Под ред. А.Ю. Шутова и А.А. Ширинянца. Сост. А.И. Волошин. М.: Издательство Московского университета, 2013. С.153–156.
166. *Мырикова А.В.* Политические идеи Ф.И. Тютчева: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2003.
167. *Мячин А.Г., Шириняц А.А.* Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX века: К.Н.Леонтьев. М.: Издательство Московского университета, 1995.
168. *Недашковская Н.И.* «Европа есть собственно полуостров Азии...»: пространственные идеологемы в научных текстах славистики XIX века // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Том 151. Кн. 2. Ч. 1. С. 157–163.
169. *Ненашева З.С.* Братья славяне // Родина. 2006. №.4. С.60–63.
170. *Ненашева З.С.* Идеино-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX в. М.: Наука, 1984.
171. *Ненашева З.С.* Под лозунгом равенства. Расцвет и увядание неославизма // Родина. 2001. №1. С.131–133.
172. *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России в 1858–1876 гг. М.: Издательство Московского университета, 1960.
173. Новейшая история стран Европы и Америки: XX век. Учебник для студ. высш. учеб. заведений. В 3-х ч. / Под ред. А.М. Родригеса и М.В. Пономарева. М.: Владос, 2001. Ч. 2.: 1945–2000.
174. Объявление о подписке на «Славянский век» // Славянский век. Вып. 72. 1903. С.770.
175. *Ортега – и – Гассет Х.* Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991.
176. Освободительные движения народов Австрийской империи. Период утверждения капитализма. М.: Наука, 1981.
177. *Павленко О.В.* Миф о панславизме в западной историографии периода Холодной войны // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2017. № 4–1 (10). С.9–15.

178. *Павленко О.В.* Панславизм и его модели // Новая и новейшая история. 2016. №5. С.3–15.
179. *Павленко О.В.* Россия и Австро-Венгрия середины XIX – начала XX века: политические мифы имперской власти // Новая и новейшая история. 2014. №1. С.116–134.
180. *Панов Бранко.* «Славянский век» за создаването и целта на македонското научно-литературно студентско другарство во Петроград во 1902 година // Крсте П. Мисирков и национално-културни от развој на македонскиот народ до ослободуването. Скопје, 1976. С.279–286.
181. Первый всеславянский съезд в России, его причины и значение. М.: Тип. Шюман и Глушкова, 1867.
182. *Перевезенцев С.В.* Грозный царь: известный и неведомый // Наш современник. 2010. №4. С.217–243.
183. *Перевезенцев С.В.* Русский выбор: очерки национального самосознания. М.: Рускiй мiръ, 2007.
184. *Пивоваров Ю.С.* К 110-летию со дня рождения Карла Шмитта // Политическая наука. 1997. № 3. С. 22–23.
185. *Пивоваров Ю.С.* Николай Данилевский в русской культуре и мировой науке // Мир России: социология, этнология. 1992. № 1. С. 163–216.
186. *Пилат Р.* Чешская торговая жизнь // Славянский век. 1900. Вып. 4. С.20–24.
187. *Плаканс Андрейс.* Краткая история стран Балтии. М.: Издательство «Весь мир», 2016.
188. *Погодин А.Л.* Причины и цели новейшего славянского движения // Вестник Европы. 1909. №1. С.249–265.
189. *Погодин А.Л.* Славянский мир: Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 г. М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1915.
190. *Погодин М.П.* Избранные труды / М.П. Погодин; [сост., авторы вступ. ст. и коммент. А.А. Ширинянц, К.В. Рясенцев; подготовка текстов А.А. Ширинянц, К.В. Рясенцев, Е.П. Харченко]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. М., 2010.
191. *Погодин М.П.* Собрание статей, писем и речей по поводу славянского вопроса. СПб.: Типография Е.И.Погодиной, 1878.
192. *Покровский М.Н.* Панславизм на службе империализма// Правда. 1927. №142. 26 июня.
193. *Полянников Т.Л.* Неклассический национализм в современной мировой политике: социально-политический и культурный контекст: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2009.
194. *Поповкин А.А.* Славянские благотворительные общества в Москве и Санкт-Петербурге: дис...канд. ист. наук. Воронеж, 2013.

195. *Потемкин В.П.* История дипломатии. Том 1. С древнейших времен до нового времени. М.: Директ–Медиа, 2015.
196. *Прокудин Б.А.* Неопубликованная статья В.И. Ламанского Славянский союз // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, отечественной и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник тезисов докладов участников Третьей международной конференции молодых ученых и специалистов «Сlio – 2013» / [отв. ред. С.А. Котов]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. С. 339–345.
197. *Прокудин Б.А.* Панславизм Ф.М. Достоевского // Английский язык на гуманитарных факультетах: Теория и практика. Т. 8. М.: МАКС Пресс, 2015. С. 100–101.
198. *Прокудин Б.А., Болдин В.А.* Концепции славянского единства конца XIX – начала XX вв. (Ф.М. Достоевский, И.В. Каменский) // Вестник Российской нации. 2017. № 3. С. 125–137.
199. *Прокудин Б.А.* Идея славянского единства в политической мысли России XIX века: генезис, основные направления и этапы развития: дис ... канд. полит. наук. М., 2007.
200. *Прокудин Б.А.* Исторические и геополитические идеи В.И. Ламанского // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2013. № 2. С. 117–127.
201. *Прокудин Б.А.* Панславизм в истории политики и мысли России XIX века / Под ред. А.А. Ширинянца. М.: Издательство Московского университета, 2018.
202. *Прокудин Б.А.* Панславизм в России: к методологии изучения // SCHOLA — 2003: Сборник научных статей философского факультета МГУ / Под ред. Е.Н. Моцелкова. М.: Издательство «Социально-политическая мысль», 2004. С.160–163.
203. *Прокудин Б.А.* Панславизм как модернистский политический проект // SCHOLA — 2009: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова / Под общ. ред. А.Ю. Шутова и А.А. Ширинянца. М.: Издательство «Социально– политическая мысль», 2009. С.46–49.
204. *Прокудин Б.А.* Религиозный аспект панславизма и идеи всечеловечности Ф.М. Достоевского // SCHOLA — 2004: Сборник научных статей философского факультета МГУ / Под ред. И.Н. Яблокова, П.Н. Костылева. М.: Издательство «Социально-политическая МЫСЛЬ», 2004. С.205–208.
205. *Прокудин Б.А.* Славянофильство и формирование русского панславизма // SCHOLA — 2006: Сборник научных статей философского факультета МГУ / Под ред. Е.Н. Моцелкова, А.А. Ширинянца. М.: Издательство «Социально-политическая МЫСЛЬ», 2006. С.203–208.
206. *Прокудин Б.А.* Славянский федерализм в мировоззрении А.И. Герцена и М.А. Бакунина // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2006. №6. С. 76–85.

207. *Прокудин Б.А.* Тезисы панславизма И.В. Каменского в контексте развития идеи славянского единства в России// SCHOLA — 2007: Сборник научных статей философского факультета МГУ / Под ред. Е.Н. Мошелкова, А.А. Ширинянца. М.: Издатель Воробьев А.В., 2007. С.109–112.
208. *Прокудин Б.А.* Три этапа развития русского панславизма // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2007. № 3. С. 91–92.
209. *Пуховская Е.Ю.* География, геополитика, пангерманизм: у истоков немецкой харизмы // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2010. №1. С.106–115.
210. *Пытин А.Н.* Русское славяноведение в XIX столетии // Вестник Европы. 1889. Т.4. Кн. 8. С. 683–728.
211. *Пытин А.Н.* Литературный панславизм // Вестник Европы. 1879. №6. С. 591– 633; №8. С. 711– 748; №9. С. 307–335.
212. *Пытин А.Н.* Вопрос о национальности и панславизм // Современник. 1864. № 1. С.185–214; №2. С.479–510; №3. С.81–113.
213. *Пытин А.Н.* Давность славянской идеи в русском обществе // Вестник Европы. 1878. № 5. С.283–316.
214. *Пытин А.Н.* Два месяца в Праге // Современник. 1859. №3. С.127– 173; №4.С.323–372.
215. *Пытин А.Н.* К вопросу о «славянской идее». Братья — чехи// Вестник Европы. 1877. № 11. С.429–443.
216. *Пытин А.Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. СПб.: Колос, 1913.
217. *Пытин А.Н.* Русская наука и национальный вопрос в XVIII в. // Вестник Европы. 1884. Т. III. С. 212–256; С. 548–600; Т. IV. С. 72–116.
218. *Пытин А.Н.* Теория общеславянского языка// Вестник Европы. 1892. №4. С.762–804.
219. *Радич С.А.* Нерусские славяне на перепутье истории// Славянский век. 1902. Вып.51.С. 66–68.
220. *Радич Степан.* Второй период славянского возрождения // Славянский век. 1901. Вып. 25. С.4–7; Вып. 26. С.44–46; Вып.28. С.101–105; Вып.29.С.133–136; Вып.30. С.163–166.
221. *Ратнер Н.Д.* Очерки по истории пангерманизма в Австрии в конце XIX века. М.: Наука, 1970.
222. *Репников А.В.* Борцы за славянское единство. // «Перспективы» [сайт]. URL:http://www.perspektivy.info/book/borcy_za_slavyanskoe_edinstvo_2007_7_31_26_31.htm (дата обращения: 05.01.2018)

223. *Репников А.В.* Данилевский Н.Я. // *Общественная мысль России XVIII – начала XX века: Энциклопедия.* / Отв. ред. В.В. Журавлев. М.: РОССПЭН, 2005. С. 133–135.
224. *Репников А.В.* Консервативные концепции переустройства России. М.: Изд-во Academia, 2007.
225. *Репников А.В.* Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX веков). М.: Готика, 2006.
226. *Репников А.В.* «Позднее славянофильство» С.Ф. Шарапова // *Гуманитарный вестник.* 2012. № 3. С. 109–124.
227. *Репников А.В.* Данилевский Николай Яковлевич // *Большая Российская энциклопедия: в 30 т.* М.: БРЭ, 2007. Т. 8. С.286–287
228. *Репников А.В.* Дусинский Иван Иванович // *Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: Энциклопедия.* / Под ред. В. В. Шелохаева. М. РОССПЭН, 2010. С.167–170.
229. *Репников А.В.* Консервативные модели российской государственности. М.: РОССПЭН, 2014.
230. *Репников А.В.* Панславизм, консерватизм и прогресс в условиях российских модернизационных изменений конца XIX – начала XX вв. // *Генерал М.Д. Скобелев и его время (к 170-летию со дня рождения). Материалы международной научно-практической конференции «М.Д. Скобелев: история и современность».* Рязань, 27–28 сентября 2013 г. Рязань: Изд-во РИАМЗ, 2014. С. 217–234.
231. *Репников А.В.* Аксаков Николай Петрович // *Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: Энциклопедия.* / Под ред. В. В. Шелохаева. М. РОССПЭН, 2010. С.28–30.
232. *Робинсон М.А.* В.И. Ламанский и его историософский трактат «Три мира Азийско-Европейского материка» // *Славянский альманах 1996.* М.: Индрик, 1997. С.90–106.
233. *Робинсон М.А.* Методологические вопросы в трудах русских славяноведов конца XIX – начала XX в. (В.И. Ламанский, П.А. Кулаковский, К.Я. Грот) // *Историография и источниковедение стран Центральной и Юго– Восточной Европы.* М.: Наука, 1986. С.91–111.
234. *Робинсон М.А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М.: Индрик, 2004.
235. *Робинсон М.А.* В.И. Ламанский, его взгляды на развитие славяноведения, мнения о нем учеников и коллег // *Славянский альманах 2013.* М.: Индрик, 2014. С. 136–151.
236. *Родригес А.М.* Реформация и модернизация религиозной и политической идеологии на Востоке (XIX–XX вв.). М.: Издательство Прометей, 2011.
237. *Рокина Г.В.* Теория и практика славянской взаимности в истории словацко-русских связей XIX в. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2005.

238. *Рокина Г.В.* Теория славянской взаимности в истории словацко-русских научных и культурных связей XIX века: дис. ... д-ра ист. наук. Йошкар-Ола, 2005.
239. *Рокина Г.В.* Идеи панславизма в творчестве русинского патриота А.И. Добрянского // Славянский альманах. М.: Индрик, 2000. С. 134–144.
240. *Романенко С.А.* Национальные движения югославянских народов Австро-Венгрии и судьба монархии Габсбургов // Новая и новейшая история. 2011. №3. С.67–81.
241. *Романенко С.А.* Югославия, Россия и «славянская идея»: Вторая половина 19 – начало 21 века. М.: Институт права и публичной политики, 2002.
242. *Ромашов Ю.В.* Геополитика России на Балканах и идея славянского единства // Вестник СГТУ. 2012. № 4 (86). С. 259–262.
243. *Ронен О.* Серебряный век как умысел и вымысел. М.: ОГИ, 2000.
244. *Русакова О.Ф.* Концепт «мягкой» силы (soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2010. №10. С. 173–192.
245. *Рясенцев К.В.* Политический консерватизм М.П. Погодина (1800-1875): автореф. дис. ... канд. полит. наук. М. 2007.
246. *Самодурова В.В.* Геополитический изгой: жизнь и смерть И.И. Дусинского (1879–1919) // Вісник Одеського національного університету. 2013. Т. 18. Вип. 2. С. 9–18.
247. *Саприкина О.В.* Академик В.И. Ламанский (1833–1914): научное наследие и общественная деятельность: дисс...канд. ист. наук. М., 2004.
248. *Саприкина О.В.* Академик В.И. Ламанский: патриарх русского славяноведения // Новый исторический вестник. 2001. № 4. С. 172–174.
249. *Сахаров Н.* Славянские рабочие в Берлине // Славянский век. 1903. Вып. 67. С. 602–604.
250. *Сквозняков А.Н.* Македония в конце XIX-начале XX века — яблоко раздора на Балканах. Самара: Самар. гуманит. акад., 2010.
251. *Серапионова Е.П.* Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 годы: Идеиные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями. М.: Наука, 2006.
252. *Сколота З.Н.* Кризис культуры как угроза жизнестойкости цивилизации // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. №1(30). С.248–253.
253. Славянофильство и западничество: консервативная и либеральная утопия в работах Анджея Валицкого. Выпуск 2. М.6 ИНИОН, 1992.
254. Славянская идея: История и современность. М.: Институт славяноведения РАН, 1998.
255. Славянские съезды XIX–XX вв. / Под ред. М.Ю. Досталь М.: ИСБ РАН, 1994.

256. Славянское движение XIX–XX вв.: съезды, конгрессы совещания, манифесты, обращения. / Под ред. М.Ю. Досталь. М.: Международная ассоциация писателей баталистов и маринистов, 1998.
257. Смолин М.Б. Панславистский политический теоретик в истории русской геополитики // Дусинский И.И. Геополитика. М.: «Из-во журнала Москва», 2003. С. 5–22.
258. Соколова В.А. Русские ученые-слависты в Чехословакии между двумя мировыми войнами: 1920–1945 гг.: био-библиографические материалы к истории русской филологии в эмиграции // Новые российские гуманитарные исследования. 2009. №4. С.1–13.
259. Соловьев Э.Г. Панславизм // Федерализм: Энциклопедия. / Отв. ред. Гаджиев К.С. М.: Издательство Московского университета, 2000. С.369–370.
260. Статистические данные о «Славянском веке» // Славянский век. Вып.72. 1903. С.768.
261. Стейнберг Дж. Бисмарк. Биография. М.: АСТ, 2014.
262. Стейнберг М. Великая русская революция, 1905–1921. / пер. с англ. Н. Эдельмана; под науч. ред. М. Гершзона. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018.
263. Стоянович Люб. Обще-славянский язык (Посвящается В.И. Ламанскому) // Славянский век. 1901. Вып. 15. С.2–12.
264. Суляк С.Г. А.С. Будилович и Карпатская Русь // Русин. 2017. № 2(48). С. 166–181.
265. Суляк С.Г. Борец за единство Русского народа // Библиотека журнала «Русин». 2017. №1(6). С. 5–13.
266. Терох И.И. Украинизация Галичины // Украина — это Русь: Литературно-публицистический сборник. СПб.: ЛИО «Редактор», 2000. С. 130–139.
267. Тесля А.А. Последний из «отцов». Биография Ивана Аксакова. СПб.: Владимир Даль, 2015.
268. Тесля А.А. Русский панславизм: от культурного к политическому и обратно: рецензия на книгу Бориса Прокудина // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т.11. №2. С.177–185.
269. Тесля А.А.. Русские беседы: лица и ситуации. М.: РИПОЛ классик, 2018.
270. «Требования народа» // Симакова О.А. История южных славян с древнейших времен до 1914 г.: учеб–метод. комплекс для студ. ист. фак. спец. 1–21 03 01 «История». / О. А. Симакова, С. С. Александрович. Минск: БГУ, 2007. С.139–141.
271. Трубецкой Г.Н. Славянский вопрос в Думе // Вестник Европы. 1908. №50. С.16–20.
272. Федорова М.М. Традиция в контексте политико-философских дискурсов // Философский журнал. 2017. Т.10. №3. С. 74–92.

273. *Федорова М.М.* Классическая политическая философия. М.: Издательство «Весь мир», 2001.
274. *Филиппов А.Ф.* К истории понятия политического: прошлое одного проекта. // Карл Шмитт. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 432–551.
275. *Филострат Старший.* Горгий //Жизнеописания софистов [Электронный ресурс] // Симпозиум Συμπόσιον [сайт]. URL: <http://simposium.ru/ru/node/10962> (дата обращения: 05.01.2018).
276. *Филлюшкин А.И.* Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI века глазами современников и потомков. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013.
277. *Филлюшкин А.И.* Фатальна и губительна. Откровения врагов Московии // Родина. 2004. №12. С.50–52.
278. *Фоминых С.Ф., Зиновьев В.П.* Журнал «Славянский век» как источник по истории русинов // Русин. 2015. № 1(39). С.83–94.
279. *Фоминых С.Ф., Степнов А.О.* Публицистика С. Радича на страницах журнала «славянский век» (1900–1905 гг.) // Русин. 2015. №4(42). С.86–96.
280. *Фомичева О.А.* Деятельность А.С. Будиловича (1846–1908) в национальных регионах Российской Империи: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013.
281. *Форбс Невилл.* История Балкан. Болгария, Сербия, Греция, Румыния, Турция. От становления государства до Первой Мировой войны. М.: Центрполиграф, 2018.
282. *Французова О.А.* Идеи интеграции и паннациональные концепции в античной философии, западноевропейской и российской общественной мысли: исторический аспект // Известия Московского государственного технического университета МАМИ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2014. 5(4). С.78–84.
283. *Французова О.А.* Политический панславизм и идеи всеславянства в Чехии в первой половине XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.
284. *Фрейдзон В.И.* «Хорватский национальный радикализм (Великохорватская идеология) в 19 веке//Славяноведение. 1998. №5. С.18–24.
285. *Фрейдзон В.И.* Борьба хорватского народа за национальную свободу. М.: Наука, 1970.
286. *Фрейдзон В.И.* История Хорватии. Краткий очерк с древнейших времён до образования республики (1991 г.). СПб.: Алетейя, 2001.
287. *Фрейдзон В.И.* Статьи Степана Радича в журнале «Славянский век» (1901 г.) // Балканские исследования. Вып. 16. Российское общество и зарубежные славяне (XVIII – начало XX века). М.: Наука, 1992. С. 215–222.
288. *Фрейдзон В.И.* Хорватский Югославизм в 30–90-е годы XIX века // Славяноведение. 1998. №5. С.3–10.

289. *Фрейдзон В.И.* Югославизм и «великие идеи» у хорватов и сербов монархии Габсбургов во второй половине 19 века // На путях к Югославии: за и против. М.: Индрик, 1997. С.201–230.
290. *Фурсова Е.Б.* Политические принципы консерватизма в творчестве И.С. Аксакова (1823–1886): автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2006.
291. *Халудоров Т.В.* Политические аспекты идеологии панмонголизма: дис ... канд. полит. наук. М., 2005.
292. *Хаусхофер К.* Панидеи в геополитике // Регион и мир. 2016. №2. С.85–92.
293. *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 г. СПб.: Алетейя, 2017.
294. *Хорева О.А.* Славянский съезд 1848 г. В Праге и некоторые проблемы современного национального развития // Славянские съезды XIX–XX вв. / Отв. ред. М.Ю. Досталь. М.: ИСБ РАН, 1994. С.21–29.
295. Хранители России. Антология. Т. 1. Истоки русской консервативной мысли. XI–XVII вв. / Под ред. С.В. Перевезенцева. М.: Паблис, 2015.
296. Хранители России. Антология. Т. 2. В поисках нового... консерватизма. / Под ред. А.А. Ширинянца, С.В. Перевезенцева. М.: Паблис, 2015.
297. Хранители России. Антология. Т. 3. Рождение русского консерватизма. 1800–1850 гг. / Под ред. А.Ю. Минакова, С.В. Перевезенцева, А.А. Ширинянца. М.: Паблис, 2016.
298. Хранители России. Антология. Т. 4. В поисках русского пути. 1800–1850 гг. / Под ред. С.В. Перевезенцева, А.А. Ширинянца. М.: Паблис, 2016.
299. Хранители России. Антология. Т. 5. Обретённая Россия. 1840-е – начало 1860-х гг. / Под ред. С.В. Перевезенцева, А.А. Ширинянца. М.: ООО «Новые решения», 2018.
300. Хранители России. Антология. Т. 6. Крестьянское дело. 1840-е – начало 1860-х гг. / Под ред. С.В. Перевезенцева, А.А. Ширинянца. М.: ООО «Новые решения», 2018.
301. *Цанков Стефан.* Славянская идея в Болгарии // Славянский век. 1902. Вып.46. С.620–624.
302. *Цимбаев К.Н.* Славянский вопрос в немецкой политической мысли начала XX века геополитическая картина мира германской публицистики // *Studia slavica et balcanica petropolitana*. 2015. 1(17). С.42–63.
303. *Цимбаев Н.И.* Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX в. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2013.
304. *Цимбаев Н.И.* Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М.: Издательство Московского университета, 1986.

305. *Чемакин А.А.* «Мы осмелились выступить с новыми лозунгами...»: петербургская группа национал-демократов и сборник «Лад» // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2015. №1. С.45–54.
306. *Чемакин А.А.* Имперская народная партия и Независимая группа IV Государственной думы: русские национал-демократы в 1913–1917 гг.: дис. ...канд. ист. наук. СПб., 2016.
307. *Черных А.В.* Общественно-политическая и научная деятельность А.Ф. Гильфердинга: 1831–1872: дисс... канд. ист. наук. М., 2012.
308. *Чуркина И.В.* Неизданная книга С.А. Никитина // Путь ученого: к 90-летию со дня рождения С.А. Никитина. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1992. С.22–35.
309. *Шапошников Б.М.* Мозг армии. В 3-х книгах: Кн. 1. М.–Л.: Государственное издательство. Отдел военной литературы, 1927.
310. *Шиманская О.К.* Принципы философии кризиса в творчестве Н.Я. Данилевского // Вестник ННГУ. Социальные науки. 2006. № 1 (5). С.626–633.
311. *Шириняню А.А.* Вне власти и народа. Политическая культура интеллигенции России XIX – начала XX века. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002.
312. *Шириняню А.А.* Интеллигенция и власть в контексте политико-культурного подхода // Элитология и стратегия развития современной России: материалы Второго Всероссийского элитологического конгресса с международным участием 21– 22 октября 2016 г., Ростов–на–Дону. Т. 1. Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2016. С. 596–606.
313. *Шириняню А.А.* Михаил Петрович Погодин // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2001. № 4. С. 60–81.
314. *Шириняню А.А.* Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли). М.: Издательство Московского университета, 2011.
315. *Шириняню А.А.* Политическая текстология на кафедре истории социально-политических учений Московского университета // SCHOLA — 2016: Политическая текстология и история идей. / Под ред. А. Ю. Шутова, А. А. Шириняню. М.: Издательство Московского университета, 2016. С. 290–297.
316. *Шириняню А. А.* Проект Дунайского союза М.П.Погодина // SCHOLA — 2006: Сборник научных статей философского факультета МГУ/ Под ред. Е.Н. Моцелкова, А.А. Шириняню. М.: Издательство «Социально-политическая мысль», 2006. С.91– 97.
317. *Шириняню А.А.* Русский хранитель: политический консерватизм М. П. Погодина. М.: Русский мир, 2008.

318. *Шириняну А.А.* Русское общество и политика в XIX веке: русский революционный нигилизм // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2012. № 1. С. 38–49.
319. *Шириняну А.А.* С.П. Шевырев в истории социально–политической мысли России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2011. № 1. С. 5–16;
320. *Шириняну А.А., Гудков А.Д.* Политические портреты: Владимир Иванович Ламанский // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2001. № 1. С. 94–119.
321. *Шириняну А.А., Мырикова А.В.* Русофобский миф панславизма // Актуальные проблемы современного руссиеведения. М.: Издатель Воробьев А.В., 2007. С.240–244.
322. *Шириняну А.А., Шириняну С.А.* Российская интеллигенция на рубеже веков: заметки о политической культуре. М.: Издательство Московского университета, 1997.
323. *Шириняну А., Мирикова А.* Русофобский миф на «панславизма» // Политически исследования. Българска асоциация за политически науки. София. Брой 1–2. 2010. С. 85–110.
324. *Шириняну А.А.* Из истории панславизма: М.П. Погодин // Роман-журнал XXI век. Путеводитель русской литературы. 2006. №12., С. 22–38.
325. *Шириняну А.А., Мырикова А.В.* Введение к исследованию истории и идеологии панславизма XIX века. / Под ред. Шириняну А.А. М.: Издательский дом «Политическая мысль», М., 2010.
326. *Шириняну А.* Ламански // Енциклопедија Руске Философије. Logos Beograd; Ваќка Palanka, 2009. С. 392–393.
327. *Шмитт К.* Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1. С. 37–67.
328. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1993.
329. *Щипков А.В.* Вопросы идеологии. М.: Абрис, 2018.
330. *Щипков А.В.* Переосмысление феномена традиции в современных социогуманитарных исследованиях // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2017. № 3. С. 38–43.
331. *Щипков А.В.* Русско-византийская цивилизация и идеологемы неокOLONиализма // Тетради по консерватизму. 2016. № 3. С. 23–28.
332. *Щипков А.В., Козырев А.П.* Выйти из череды разрывов // Тетради по консерватизму. 2017. № 4. С. 277–287.
333. *Элиаде М.* Аспекты мифа. М.: Академический проект, 2000.
334. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта, 2006.

335. *Юнгер Э.* Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли. СПб.: Наука, 2000.
336. *Beloch U.* Griechische Geschichte, Bd. II. Strassburg, 1897.
337. *Boeckh K.* The rebirth of Pan-Slavism in the Russian empire, 1912–13 // Boeckh K., Rutar S. *The Balkan Wars from Contemporary Perception to Historic Memory.* Palgrave: Basingstoke. 2016. pp.105–137.
338. *Cloche P.* Isocrate et son temps. P., 1963.
339. *Cohen L.* Russian and the Balkans — pan-slavism, partnership and power // *International journal.* 1994. Vol.49. Iss.4. pp.814–845.
340. *Fadner F.* Seventy years of Pan-Slavism in Russia. From Karamzin to Danilevskij. 1800–1870. Washington, D. C.: Georgetown University Press, 1962.
341. *Gulseven A.Y.* Rethinking Russian pan-Slavism in the Ottoman Balkans: NP Ignatiev and the Slavic Benevolent Committee (1856–77) // *Middle Eastern studies.* Vol.53.Iss.3. pp.332–348.
342. *Gutorov V.A.* Citizenship, National Identity and Political Education: some disputable questions // *Studies of Transition States and Societies (STSS).* 2015. Vol.7. Issue 1. pp. 77–93.
343. *Herkels J.* Elemencia universalis linguae Slavicaevins dialectis eruta.. Budaе, 1826.
344. *Huntington Samuel P.* The Clash of Civilizations? // *Foreign Affairs.* Vol. 72. № 3. Summer 1993. pp. 22–49.
345. *Hugh Seton-Watson.* The Russian Empire: 1801–1917. Oxford: Clarendon Press, 1967.
346. *Kohn H.* Die Slawen und der Westen. Die Geschichte des Panslavismus. Wien, 1957.
347. *Kohn H.* Nationalism: Its Meaning and History. N. Y., 1955.
348. *Kohn H.* Pan-Slavism. Its History and Ideology. 2 ed. N.Y., 1960.
349. *Kohn Hans.* The Impact of Pan-Slavism on Central Europe // *The Review of Politics.* Vol. 23. No. 3 (Jul., 1961). pp. 323–333.
350. *Kolakovic Aleksandra.* Road to Great War. Serbian Intellectuals and Austro-Hungarian Policy in the Balkans (1894–1914) // *Serbian Political Thought.* №. 1/2014. Year VI. Vol.9. pp. 77–84.
351. *Kollar J.* Dobre vlastnosti narodu slovanskeho. Pesth, 1831.
352. *Kollar J.* Üeber die literarische Wechselseitigkeit zwischen der verschiedenen Stammen und mundartender slawischen Nation. Pesth, 1837.
353. *Kollár Ján.* Hlasové o potřebě jednoty spisowného jazyka pro Čechy, Morawany a Slowáky. W Praze. W kommissí u Kronbergra i Řiwnáče, 1846.
354. *Lehfeldt W.* A Russian shadow over the assassination in Sarajevo // *SLOVĚNE.* 2016. T. V. №.1. pp. 218–225.

355. *Levine Louis*. Pan-Slavism and European Politics // *Political Science Quarterly*. 1914. Vol. 29. No. 4. pp. 664–686.
356. *Mackenzie D*. The Serbs and Russian Pan-Slavism: 1875–1878. N. Y., 1967.
357. *MacMaster R*. Danilevsky. A. Russian Totalitarian Philosopher. Cambridge, Massachusetts, Harvard Univ. press, 1967.
358. *Maxwell Alexander*. Herder, Kollár, and the Origins of Slavic Ethnography // *Traditiones*. 2011. Vol.40. №2. pp. 79–95.
359. *Meyer Ed*. Geschichte des Altertums, Bd. V. Stuttgart – B., 1902.
360. *Milojkovic-Djuric J*. Panslavism and National Identity in the Balkans, 1830–1880. N.Y.: East European Monographs, 1994.
361. *Nevrly M*. Russian Pan–Slavism. Reality and fiction// *Historicky casopis*. 2003. Vol.51 Iss.2. pp.348–350.
362. *Penchev V*. The Slavic idea and the origin of Bulgarian folklore studies // *Traditions*.2011. Vol.40. №2. p. 97–110.
363. *Petrovich M.B*.The emergence of Russian Panslavism 1856–1870. N.Y.: Columbia University Press, 1956.
364. *Šafařík P.J*. Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten. Mit kön.ung. Universitäts Schriften, 1826.
365. *Šafařík P.J*. Slovanské starožitnosti. Praha,1837.
366. *Sandor Kostya*. Pan-Slavism. / Edited by Anne Fay Atzel. Astor Park, Florida: DanubianPress, Inc. 1981.
367. *Smith Anthony D*. National Identity. Penguin Books, 1991.
368. *Snyder L*. Macro-Nationalisms: A History of the Pan–Movements. Westport (Connecticut), L.: Greenwood Press, 1984.
369. *Snyder L.L*. Encyclopedia of Nationalism. New York, 1990.
370. *Szyrinianc A.A., Myrikowa A.W*. «Wewnętrzna» rusofobia i «kwestia polska» w Rosji w XIX w. // *Politeja*. 2015. № 7 (34/2). S. 233–246.

І. Опись журнала «Славянский век»

Первый год издания

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1900. Вып. 1. 32 с.

Содержание

1. La question bosno-herzégoviniènnne et la Triple-Alliance. (Par un ancien diplomate slave).
2. Die Vorposten des Slaventhums im Westen, Von einem slavischen Reichsrathsabgeordneten.
3. Складчина. *В.Н. Лясковского.*
4. Славянская летопись. Корреспонденции: а) из Киева, *С.О. Ковичка.* б) из Праги *Д-ра В.Б.*
5. Франц Прешерен, Словинский поэт-возродитель. *Д.Н. Вергуна.*
6. Из истории славянской филологии. *Ю.А. Яворского.*
7. Критика и библиография. 1) Законодательство России, прив.-доц. В.М. Гордона.— *В.Н.Лясковский;*2) А.С. Хомяков, Братья Киреевские. Прив.-доц. Н.В. Ястребова.— *О.В.Крыжавовский;*3) Просветительное дело в Польше до 1803 г. Д.В. — *Д-р. М.В. Вуич,* 4) Крыжаничева Политика, экономист Гучетич — *В.М. Радовановича.*
8. Славянские междоусобицы (Письмо в редакцию). *Скептика.*
9. Умерло ли славянофильство? *Д.Н. Вергуна.*
10. Песня о Соколе. *М.Горького.*
11. Сербия перед торговым договором 1903 г. (Напоминание во время). *проф. Д-ра М.В. Вуича.*
12. Slovanska lečniva zřidla. *MUD-ra Veseleho.*
13. Торговые сношения России с Австро-Венгрией.
14. Welche Producte haben die meisten Exportohancen nach Russland?
15. Объявления.

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1900. Вып. 2. 32 с.

Содержание

1. От редактора.
2. „Das Slavische Jahrhundert" in den österreichisch ungarischen Delegationen.
3. О необходимости издания общеславянской популярной энциклопедии. *Г.А.Ильинского.*
4. Обновление „Славянского Общества" в С. Петербурге. *Славянорусса.*
5. Корреспонденция из Любляны. *А.Ж.*
6. Критика и библиография. Россия. Описание нашего отечества. Г.А.И—*П.А.Кулаковский.* Русский язык в Австро-Венгрии. *Ю.А.Яворского.* Ответ г.Ястребову. В.И. Лясковского.— *А.Ашкерц,* Nove puezije. in Drame. *Словенца.*
7. Славянские культурные новости.
8. Ответ скептикам. *Д.Н. Вергуна.*
9. Женское счастье. *А.П. Чехова.*
10. Сербия перед торговым договором 1903 г. (Напоминание во время). *проф. Д-ра М.В. Вуича.*

11. Торгово-промышленный отдел.
12. Объявления.

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1900. Вып. 3. 32 с.

Содержание

1. Будущее Албании. *Албановеда*.
2. Славянские стремления. Письмо в редакцию *Вещего Олега*.
3. Македония и македонский вопрос с точки зрения русского путешественника. Корреспонденция из Петербурга. *Г.А. Ильинского*.
4. Славянская летопись: а) Корреспонденция из Боснии; серба *М.Г.*, б) из Львова, *И.С. Свенцицкого*, в) К некрологу киевского и Галицкого митрополита Иоанникия. *О.Крыжановского*.
5. Славянские беседы. III. Органическое развитие или целесообразное созидание? *Д.Н. Вергуна* (с ударениями).
6. Студент, рассказ *А.П. Чехова* (с ударениями).
7. Письмо *К.В. Шкорпила*.
8. Критика и библиография
9. Объявления.

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1900. Вып. 4. 32 с.

Содержание

1. Панславизм пангерманизм и панроманизм в XX столетии. Историко-политические очерки. *И.В.К.*
2. Двадцатилетие чешской Центральной Школьной Матицы (1880—1900). *Г.А. Ильинского*.
3. Печальная история двух всеславянских съездов. *Д.Н. Вергуна*.
4. Славянская летопись.
5. Славянские культурные новости. (Русские кружки. Свежие могилы).
6. Стихотворения: а) "Чешский язык" *Я. Верхлицкого*, перевод — *нского*. б) Из словацких поэтов. *Гурбана-Ваянского* "Утешение", и *Гвездослава* "Если бы звездочки знали", переводы *Н. Новича*.
7. Чешская торговая жизнь, *Р. Пилата*. С параллельным чешским текстом.
8. Критика и библиография.
9. Почтовый ящик.
10. Объявления.

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1900. Вып. 5. 32 с.

Содержание

1. Проф. Э. Адьберт (некролог).
2. Das halbslavisches Wien. Полуславянская Вена, Возражение немецким газетам. Д-ра *Д.Н. Вергуна*.
3. Панславизм, пангерманизм и панроманизм в XX столетии. Историко-политические очерки. *И.В.К.*
4. Печальная история двух всеславянских съездов. *Д.Н. Вергуна*.
5. Славянская летопись. а) Do historyi prześladowań polaków roznańskich, К истории преследований позненских поляков, б) Мадыарская "свобода" и мадыарская конституция.
6. Славянские культурные новости.
7. На распутье. По поводу болгарского боевого тарифа. Экономическая статья *К.Ю. Купалова*.
8. Макар Чудра. Рассказ *М. Горького* (с ударениями).
9. Мысли о национализме. *К. Белоусова*.

10. Славянское купеческое общество в Вене. *Р.*
11. Почтовый ящик.
12. Объявления.

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1900. Вып. 6. 32 с.

Содержание

1. Англичанин о будущем славянства. *Дм. Вергуна.*
2. Вопрос канонического объединения славянских автокефальных церквей. *И.П. Рогановича.*
3. К вопросу о славянской вере. Письмо в редакцию. Проф. Академии *А. Гусева.*
4. Малорусский или общерусский язык. *Веди-Како.*
5. Славянофильство или славянолюбие. *Славянолюб.*
6. Славянская летопись. а) Славянская идея на берегах Черного моря, *И.В.Каменский.* б) Русские в Ботоштанском уезде, в северной Молдавии. *А.П.С—ч.* в) Сравнительная славянская орнаментика. *Словак.*
7. Славянские культурные новости.
8. К вопросу о начертании. Три письма в редакцию.
9. Макар Чудра. Рассказ *М. Горького* (с ударениями).
10. Мысли о национализме. *К. Белоусова.*
11. Критика и библиография. Полное собрание сочинений В.Г. Белинского.
12. Объявления.

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1900. Вып. 7-8. 48 с.

Содержание

1. От редактора. Наши задачи. — Клеветникам! — Предержавшим властям. *Д.Н.Вергуна.*
2. *Н.Н. Дурново.* Кое-что об этнографии Македонии и о македонском вопросе.
3. *И.П. Роганович.* Вопрос канонического объединения славянских автокефальных церквей. (Окончание).
4. Письмо *Митрополита Саввы Косановича.*
5. Славянская летопись. а) Подрумские узники. *Вещего Олега.* б) Славянский ремесленный съезд в Праге. *Ф. Халупчика.* в) Познанские поляки. *Д. В-на.*
6. Проф. Ягич и общеславянский язык.
7. Славянские культурные новости.
8. *Максим Горький.* Макар Чудра. (С ударениями. Окончание).
9. Славянофильский роман "Вавилоняне". *Кн. Д.Н. Голицина.*
10. Критика и библиография.
11. Почтовый ящик.
12. Объявления.

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1900. Вып. 9-10. 48 с.

Содержание

1. Взгляд на судьбы Юго-западного славянства. *Вл. Ламанского.* — Ein Blick auf die Schicksale des Sud-West-Slaventhums. Von Akad. *W.I. Lamanskij.*
2. Догматическая сторона вопроса о вероисповедном сближении славян. *Ген. А.А.Киреева.*
3. Lettre ouverte a Monsieur Gaidoz, professeur a l'Ecole libre des Sciences politiques a Paris, par *A.A. Bachmakoff.* — Открытое письмо проф. Гэдозу, *А.А. Бауммакова,* с письмом в редакцию "Слав. Века".
4. М.П. Погодин. По поводу столетней годовщины его рождения.
5. К столетнему юбилею Ф. Прешерина. *Д.Н. Вергуна.* — K stoletnemu jubileju F.Presirna, od *D.N. Verguna* (по-словенски).

6. Славянская летопись. Кому должно помогать славянское благотворительное общество? — *Чех* о России. — Русские писатели в мадьярском переводе. — *Кн. Голицын* (Муравлин) об отношениях русских к славянам, и пр.

7. Вопрос о русских консульствах в Чехии и Моравии. — *Otzakka ruskych konsulatu v Seschach a na Morave* (по-чешски).

8. Торговля России с Германией и Австро-Венгрией за десятилетие 1889-1899. *К.Ю. Купалова*.

9. Литературный отдел Стихотворения: Русскому языку. — Славянская здравница. *Фр. Прешерина*, перевод *Е.О. Корша*. — два рассказа *А.П. Чехова* (с ударениями).

10. Почтовый ящик.

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1900. Вып. 11-12. 48 с.

Содержание

1. Стихотворение *А.С. Хомякова* — "Не гордись...".

2. Можно ли уподоблять Россию Австро-Венгрии в вопросе о народностях? *В.И. Ламанского*. — *Ist der Vergleich zwischen Russland und Oesterreich-Ungarn in der Nationalitalen-Frage statthaft? Von Acad. W.I. Lamanskij*.

3. Западно-славянская старокатолическая церковь. *Д. Вергуна*.

4. Панславизм. Пангерманизм и панроманизм в XX столетии, гл. III и IV. Исторические очерки *И.В.К.*

5. Союз славянских студентов. *М.Иванка*. — *Unia slavianskih studentov. M. Ivanka*.

6. Новая книга о болгарях.

7. Славянские культурные новости.

8. Торговля России с Германией и Австро-Венгрией за десятилетие 1889-1899. *К.Ю. Купалова*.

9. Критика и библиография.

10. Литературный отдел. То была она. Рассказ *А.П. Чехова* (с ударениями). — Новейшие веяния в русской литературе. *Д.Н. Вергуна*.

11. Почтовый ящик.

12. Объявления.

Второй год издания

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1901. Вып. 13. 32 с.

Содержание

1. Стихотворение *С.И. Тютчева* "К Ганке".

2. К вопросу о греко-славянском обряде среди Западных славян // *K vprašanju o grškoslóvanskem obredu med zapadnimi Slovani. Ф.М. Подгорника // F.M. Podgornika*.

3. Славяно-католическое исповедание. *Всев. Чешихина*.

4. Панславизм, пангерманизм и панроманизм в XX столетии, гл.5. Исторические очерки. *И.В.К.*

5. Русская печать и славянство. *Русского*.

6. Славянская летопись: а) К.С. Аксаков. б) Письмо в редакцию. *Лесковича*.

7. Славянские культурные новости.

8. Критика и библиография.

9. Литературный отдел. "Русскому языку". Стихотв. *Червонноросса*. "Справка". Рассказ *А.П. Чехова* (с ударениями).

10. Почтовый ящик.

11. Объявления.

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1901. Вып. 14. 32 с.

Содержание

1. "Man muss die Slaven an die Wand drücken". "Славян должно прижать к стене" Стих. **Ф.И. Тютчева**.
2. Wo hinaus? // Где выход? А. Добрянского. *Von Aidin*//*Аудина*.
3. Обращение славян немецкими священниками. **Ф.П—ка**.
4. Панславизм, пангерманизм и панроманизм в XX столетии, гл.VI. Теория потребностей. Исторические очерки. **И.В.К.**
5. Славянская летопись: а) Амфитеатов о речи барона Ригера. б) Из письма в редакцию. **Дамова**.
6. Славянские культурные новости.
7. Торговля России с Германией и Австро-Венгрией за десятилетие 1889—1899. **К.Ю. Купалова**.
8. Литературный отдел. а) Из славянских поэтов. Пер. **Н. Новича**. б) Дорогая собака. Рассказ **А. Чехова** (с ударениями).
9. Почтовый ящик.
10. Объявления.

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1901. Вып. 15. 32 с.**Содержание**

1. Славянам. Стихот. (отрывок) **Ф.И. Тютчева**.
2. Общеславянский язык (Посвящается В.И. Ламанскому).
3. Македонский вопрос и Австрия.
4. Панславизм, пангерманизм и панроманизм в XX столетии. Исторические очерки (окончание VI главы). **И.В.К.**
5. Славянская летопись.
6. Славянские культурные новости.
7. Литературный отдел.

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1901. Вып. 16. 32 с.**Содержание**

1. "Беззвездная полночь". Стихот. **А.С. Хомякова**.
2. Где выход? *Аудина*//*Wo hinaus? Von Aidin*.
3. Историческо-бытовая сторона вопроса о вероисповедном сближении славян. **Павлида**.
4. "Балканский Прометей". Речь **Л.Х. Пиштелича**.
5. Славянская летопись: а) С какого времени существуют славянские времена. **Н.Дурново**. б) К характеристике О.Ю. Штросмаера. **Дамова**. в) *Res hungaricae et slavicae*. **Всеславяна**.
6. Славянские культурные новости.
7. Торговля России с Австро-Венгрией за десятилетие 1889-1899. **К.Ю. Купалова**.
8. Литературный отдел: а) Забытое стихотворение А.К. Толстого. б) Из словацких поэтов. Весна. Пер. **Н. Новича**. в) Счастье мышки. **М. Виноградовой**.
9. Объявления

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1901. Вып. 17. 32 с.**Содержание**

1. "Ты долго ль...". Стих. **Ф.И. Тютчева**.
2. Per aspera ad astra. **Хорвата**.
3. Проф. Бодуэн де-Куртене о будущей роли русского языка.
4. Борьба Рима против австро-венгерских славян. **Славянина-католика**.
5. Славянская летопись: Русский язык в Галичине. **О. Мончаловского**.
6. Славянские культурные новости.

7. Критика и библиография.
8. Литературный отдел: Первая печаль. *Светозара Ранковича*.
9. Объявления

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1901. Вып. 18. 32 с.

Содержание

1. Памяти А.И. Добрянского. Стихотворение *Д.Н. Вергуна*.
2. А.И. Добрянский. *Д.Н. Вергуна*.
3. Великий эмансипатор. (А.С. Хомяков). *Г.А. Ильинского*.
4. Т.Гр. Шевченко. (К 40-летию кончины). *А. Кпл.*
5. К вопросу о всеславянских съездах. *Внимательного читателя*.
6. Еще к статье "Unia slavianskich študentov". *Русских студентов*.
7. Торговля России с Австро-Венгрией. *К.Ю. Купалова*. (Окончание).
8. Славянские культурные новости.
9. Литературный отдел: а) листк. *Веди-Како*. б) Из стихотворений словенского поэта Грегорчика. *Акад. Е.Ф. Корша*.
10. Критика и библиография.
11. Объявления.

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1901. Вып. 19. 32 с.

Содержание

1. Христос воскрес! (Стихотворение в прозе.) *Д.Н. Вергуна*.
2. Черногория. (Письмо с берегов Синя-моря.) *Д.Н. Вергуна*.
3. А.И. Герцен и славянский вопрос. *Д.Н. Вергуна*.
4. Австро-венгерские славяне и социальная демократия. *Ив. Драгутиновича*.
5. Съезд славянских журналистов в Дубровнике. *Д. В-на*.
6. Союз славянских студентов.
7. Славянские культурные новости.
8. Литературный отдел: Из словацких поэтов. *Н. Новича*.
9. Народно-хозяйственный отдел. Практическая взаимность славян. *Ив. Драгутиновича*. — Die praktische Wechselseitigkeit der Slaven. *Von Ivan Dragutinovič*.
10. Критика и библиография. Новые книги о Боснии и Герцеговине. *Д.В. и пр.*
11. Почтовый ящик.
12. Объявления.

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1901. Вып. 20. 32 с.

Содержание

1. К Чехам. Стихотворение *Святополка Чеха*.
2. XIX век со славянской точки зрения. *Г.А.Ильинского*.
3. К вопросу о национализме. *И.В.Каменского*.
4. Национальная средняя школа и кириллица, как основные условия культурного взаимодействия славян. *Павлида*.
5. Славянская летопись. а) Новоявленные ревнители русского языка. *Ю.А. Яровского*. б) Некоторые сведения из жизни М.Г. Черняева. *А.М.* в) Славянское благотворительное учреждение в Берлине. *В.Г.*
6. Славянские культурные новости.
7. Литературный отдел: а) Вождям славянства. *О. Крыжановского*. б) У ткача. Рассказ А. Финберка. Перевод с чешского, *А. Михеевой*.
8. Листки. *Веди-Како*.

9. Народно-хозяйственный отдел. Славянское Торгово-Промышленное Общество в Москве. Der slavische Handels- und Industrie-Verein in Moskau.

10. К вопросу о всеславянских съездах. Письмо в редакцию *А.Л. Липовского и В.Н.Кораблева*.

11. Воззвание чешских соколов к братьям славянам. Svaz česko-slovanského sokolství.

11. Почтовый ящик.

12. Объявления.

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1901. Вып. 21. 32 с.

Содержание

1. Итоги дубровницкого съезда. *Д.Н. Вергуна*.

2. Ein Hauptgrund der raschen Entnationalisirung der österreichisch-ungarischen Slaven. *Von Ivan Dragutinovič*. — Главная причина национального вырождения австро-венгерских славян. *И.Драгутиновича*.

3. Чрезвычайно важный момент в русском школьном деле. *А. Павлида*.

4. К вопросу об общеславянском студенческом союзе. *Голос русского студента*.

5. Обучение славянским языкам путем взаимной переписи. *В.Е. Чешихина*.

6. Славянская пасха. Речь *А.П. Соловьевича*.

7. Сербы в Истрии. *И. Свинцова*.

8. Литературный отдел. а) Вдали от родины... Стихотворение *Г.Ф.Ц.* б) У ткача. Рассказ Я. Финберка. Перевод с чешского *А.Г. Михеевой*.

9. Листки. *Веди-Како*.

10. Объявления.

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1901. Вып. 22. 32 с.

Содержание

1. Видение. Стихотворение *Д.Н. Вергуна*.

2. Внешняя политика России и Славянство. *Славянорусса*. — Die auswärtige Politik Russlands und das Slaventhum. *Vom Slavorussen*.

3. Новейшие течения в чешском искусстве и литературе. *В.Н.*

4. Славянские культурные новости.

5. Литературный отдел. а) Дед и внук. Стихотворение Змая Иовановича. Перевод *А.Сиротинина*. б) У ткача. Рассказ Я. Финберка. Перевод с чешского.

6. Критика и библиография.

7. Объявления.

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1901. Вып. 23. 32 с.

Содержание

1. Гусь на костре. Стихотворение *Ф.И. Тютчева*.

2. L'Europe vgaie. *Par S. Raditch*. — Что такое Европа? *Степана А. Радича*.

3. Панславизм, пангерманизм и панроманизм. Исторические очерки *И.В. Каменского*.

4. На рубеже двух культур. От Гданьска до Триеста. Лекция *Д.Н. Вергуна*.

5. Об исконных творческих началах и о бытовых особенностях русского народа. *Аф.В.Васильева*.

6. Славянские культурные новости.

7. Новая книга о Македонии. *Г.А. Ильинского*.

8. Литературный отдел. а) Пушкин и Мицкевич. Стихотворение *В.А. Лучаковского*. б) У ткача. Рассказ Я. Финберка. Перевод с чешского.

9. Объявления.

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1901. Вып. 24. 32 с.**Содержание**

1. От редакции. *Д.В.*
2. Песня о буревестнике. *М. Горького.*
3. Славянская идея и клерикализм. *И.В. Каменского.*
4. На рубеже двух культур. *Д.Н. Вергуна.*
5. О главнейших направлениях русской общественной мысли в XIX веке. (Лекция проф. Кареева.) Корреспонденция из Праги *Г.А. Ильинского.*
6. Московское славянское общество. *С.К.*
7. Памяти славянского героя. *А.М.*
8. Посильные благожелания русской средней школе. *А. Павлида.*
9. Славянские культурные новости.
7. Новая книга о Македонии.
10. Литературный отдел. У ткача. Рассказ *Я. Финберка.* Перевод с чешского.
11. Библиография.
12. Объявления.

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1901. Вып. 25. С. 1-32.**Содержание**

1. Всеславянское паломничество в Велеград. *Д.Н. Вергуна.*
2. Второй период славянского возрождения. I. Признаки духовного освобождения южных и западных славян. *С.А. Радича.* — Druga perioda slavenskoga preporoda. I. Znakovi duhovnoga oslobodjenja južnih i zapadnih Slavena. *Stjepana Radića.*
3. В чем сила чехов? *Г.А. Ильинского.*
4. Панславизм, пангерманизм и панроманизм в XX столетии. VIII. Потребности сближения. Очерки *И.В. Каменского.*
5. Школьное дело у Славян в конце XIX века. Очерки *Ивана Драгутиновича.*
6. Славянские вести.
7. О писателе, который зазнался. (С ударениями). Фантазия *М. Горького.*

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1901. Вып. 26. С. 33-64.**Содержание**

1. В Велеграде. *Д.Н. Вергуна.*
2. К вопросу о национализации русской школы. Проф. *К.Я. Грота.*
3. Второй период славянского возрождения. II. Синтез славянофильства и западничества. *С.А. Радича.* — II. Sinteza slavenofilstva i zapadnjačtva. *Stjepana Radića.*
4. Школьное дело у Славян в конце XIX века. Очерки *Ивана Драгутиновича.*
5. Славянские вести.
6. Листки. *Веди-Како.*
7. Письма в редакцию. 1. *Словенца.* 2. *Блаженствующего Россиянина.*
8. О писателе, который зазнался. *М. Горького.* (С ударениями).

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1901. Вып. 27. С. 65-96.**Содержание**

1. Всеславянское паломничество в Велеград. *Д.Н. Вергуна.*
2. Le Slavisme et la France. Par Valentin Gorlof. — Славянство и Франция. *Валентина Горлова.*
3. Польша и польский вопрос. *И.К.* — Polska i polska kwestya. *И.К.*
4. Школьное дело у Славян в конце XIX века. II. Лужицкие сербы. Очерки *Ивана Драгутиновича.*

5. Славянские вести.
6. Русский язык в львовском университете.
7. Поверета. Рассказ С. Матавуля. Перевод с сербского *Зорки Бубало*. (С ударениями).
8. Библиография.

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1901. Вып. 28. С. 97-128.

Содержание

1. К вопросу о славянской книжной торговле. *Г.А. Ильинского*.
2. Второй период славянского возрождения. III. Глубокое понимание народности. *С.А. Радича*. — III. Duboko ponimanje narodnosti. *Stjepana Radića*.
3. Школьное дело у Славян в конце XIX века. III. Кашубы. Очерки *Ивана Драгутиновича*.
4. Положение русских в Галиции. *Д.В.*
5. Славянские вести.
6. Письма в редакцию. 1. Где скончался св. Мефодий? *А.С. Петрушевича*, с ответом редакции. 2. Первая лепта на построение православного храма или часовни в Старом Велеграде. *А. Павлида*. 3. Ответы "Словенцу" а) *Ж.С.* (по-словенски), б) *Лесковца* (по-русски).
7. Библиография. Ruska Antologija v slovenskih prevodih. Zbrala Ivan Vesel in Anton Aškerc. *И.С. Свенцицкого*.
8. Поверета. Рассказ *С. Матавуля*. Перевод с сербского *Зорки Бубало*.
9. Объявление о международной выставке исторических и национальных костюмов в С.-Петербурге.

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1901. Вып. 29. С. 129-160.

Содержание

1. Балт и Адрия. Стихотворение *Светозара И. Гурбана-Ваянского*. Со словацкого, перевод *Н. Аксакова*.
2. Положение угроруссов.
3. Второй период славянского возрождения. IV. Незыблемые основы "маленького народного дела". *С.А. Радича*. — Neoborivi osnovi "maloga narodnoga posla". *Stjepana Radića*.
4. Школьное дело у Славян в конце XIX века. IV. Прусские поляки. Очерки *Ивана Драгутиновича*.
5. О мнимом реализме проф. Масарика. (Письмо из Праги). *Славянского путника*.
6. Босно-герцеговинский вопрос.
7. Славянские вести.
8. Письма в редакцию. а) Ответ Берте Сутнер *А. Вознесенского*. б) Еще к письму словенца. *Д-ра Глиняка*.
9. Библиография.
10. На чужбине. Рассказ *А.П. Чехова* (С ударениями).

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1901. Вып. 30. С. 161-192.

Содержание

1. Еще к вопросу о русском консульстве в Праге. *А. Павлида*.
2. Второй период славянского возрождения (оконч.) V. Общая славянская международная политика. *С.А. Радича*. — V. Obca slavenska medjunarodna politika. *Stjepana Radića*.
3. Школьное дело у Славян в конце XIX века. VI. Австрийские поляки. Очерки *Ивана Драгутиновича*.
4. Босно-герцеговинский вопрос.
5. Славянские вести.
6. Югославянские вести. *С.А. Радича*.
7. Восток. Стихотворение. *П. Мартьянова*.

8. Библиография. Josef Holeček. Bosna a Hercegovina. *А. Павлида*.
9. Ярмарка в Голтве. Очерки *Максима Горького* (С ударениями).
10. Объявления.

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1901. Вып. 31. С. 193-224.

Содержание

1. К вопросу о русских университетах в Австрии. *Д.Н. Вергуна*.
2. Славяне, курды и русский язык. *Валентина Горлова*.
3. Современное положение словенцев. *Ф.М. Подгорника*. — *Položenje in gibanje Slovencev. F.M. Podgornika*.
4. Школьное дело у Славян в конце XIX века. VIII. Словаки. Очерки *Ивана Драгутиновича*.
5. Славянские вести.
6. Из писем в редакцию. а) Майдан поле. б) Русский язык в Чехии. Д-ра *Р.И. Покорного*.
7. Библиография.
8. Ярмарка в Голтве. Очерки *Максима Горького* (С ударениями).

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1901. Вып. 32. С. 225-256.

Содержание

1. Слава благородным. Стихотворение *К. Кузmani*. Перевод со словацкого *Н. Новича*.
2. Достоевский и Славянство. Лекция *Д.Н. Вергуна*.
3. Идея государственности *Д.Н. Вергуна*.
4. Современное положение словенцев. *Ф.М. Подгорника*. — *Položenje in . banje Slovencev. F.M. Podgornika*.
5. Школьное дело у Славян в конце XIX века. IX. Болгары. Очерки *Ивана Драгутиновича*.
6. Посильные благожелания русской средней школе. *П.А. Павлида*.
7. Славянские вести.
8. Открытое письмо д-ру Глиняку в Либерце от *Лавр. Лесковца*.
9. Библиография.
10. Шило в мешке. Рассказ *А.П. Чехова*. (С ударениями).

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1901. Вып. 33-34. С. 257-304.

Содержание

1. От редакции.
2. Что такое истинное славянофильство. *Г.А. Ильинского*.
3. Московское старославянофильство и панславизм славянина католика. *Православного*.
4. Памяти архимандрита Раича. *А.Л. Липовского*.
5. "Славянская беседа" в С. Петербурге. *Аза*.
6. Школьное дело у Славян в конце XIX века. X. Сербь. Очерки *Ивана Драгутиновича*.
7. Русско-австрийский таможенный союз. *Д.В.*
8. Славянские вести.
9. Письма в редакцию. а) Открытый ответ. *Д-ра Глиняка*. б) *Хорватского Русофила* (по-хорватски). в) *Чешского славянина* из Дубровника (по-чешски).
10. Библиография. *А.Н. Штиглиц*: Великобритания и ее южноафриканская политика. СПб. 1901.
11. Старая церковь. Рассказ с хорватского. *Ксавера Шандор-Джэьяльского*.

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1901. Вып. 35-36. С. 305-352.

Содержание

1. Подъяремная Русь и Славянство на пороге XX века. Лекция *Д.Н. Вергуна*. (Введение)
2. На могиле Коляра. *Д.В.*

3. К предстоящим литературным юбилеям. *Ан. Троицкого*.
4. Из истории политической славянской взаимности. *Г.А. Ильинского*.
5. Les Grecs et les Slaves. *Par Valentin Gorlof*. — Греки и Славяне. *Валентина Горлова*.
6. Студенческий разгром. Письмо из Львова. *Галицко-русского студента*.
7. Письмо из Болгарии. *Стоянова*.
8. К вопросу о чешских школах в Вене. (С параллельным чешским текстом).
9. Школьное дело у Славян в конце XIX века. XI. Хорваты. XII. Словенцы. Очерки *Ивана Драгутиновича*. (Окончание).
10. Славянские вести.
11. Открытое письмо д-ру Глиняку в Либерц (о чешской политике). *Л. Лесковца*.
12. Старая церковь. Рассказ с хорватского. *Ксавера Шандор-Джэяльского*.

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1902. Вып. 37-38. С. 353-400.

Содержание

1. К Коляровой годовщине. Стихотворение *Святополка чеха*. Перев. *Дм. Вергун*.
2. Поминки по И.С. Аксакову.
3. Культура, цивилизация, просвещение. *Православного*.
4. Покорители "Евразии". *В. В-н*.
5. Славянские аванпосты. Немецкая колонизация Познани и Западной Пруссии. *В.В-на*.
6. Раболепие. *Валентина Горлова*.
7. Травля против сербской королевы. *В. Г-ова*. Persecution contre la reine de Serbie. *Par V.G.*
8. Из подъяремной Руси. *Иссова*.
9. Дело угроруссов в венгерском парламенте.
10. Славянские вести.
11. Ответы на статью "Московское Старославянофильство и Панславизм Славянина католика". *И.В. Каменского*.
12. Библиография.
13. Переводы из славянских поэтов. *Н. Новича*.
14. Хорватская притча. *К. Шанд-Джэяльского*. — Prica hrvatska. *Sandora Djalskoga*.
15. Орел. (С ударениями) С польского. Перевод *Е. Михеевой*.

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1902. Вып. 39-40. С. 401-448.

Содержание

1. Портрет Н.В. Гоголя.
2. Всеславянское чествование памяти Н.В. Гоголя в Вене.
3. Славянская Беседа в Петербурге. *Аза*.
4. Панславизм, пангерманизм и панроманизм в XX столетии. IX. Культурное сближение народов Европы. Очерки *И.В. Каменского*.
5. Славяне и Дальний Восток. *Л. Лесковца*.
6. Подъяремная Русь и Славянство на пороге XX века. *Д.Н. Вергуна*. (Продолжение).
7. 13-сотый юбилей славянских раздоров. *А. Павлида*.
8. Новое славянское общество.
9. Славянские вести.
10. Из писем в редакцию. а) Поездки по славянским землям. *И.В. Каменского*. б) Учителя на службе славянства. *С.И. Илькича*. в) Еще о кириллице. *Кавказца*.
11. Гоголь о Руси (С ударениями).

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1902. Вып. 41. С. 449-480.

Содержание

1. Портрет А.И. Добрянского.

2. Памяти Гоголя. *Веди-Како*.
3. Гоголевские дни в России.
4. Панславизм, пангерманизм, панроманизм. Очерки *И.В. Каменского*.
5. Борьба за Целле.
6. Сербское торжество в Москве.
7. Славянские вести.
8. Письмо в редакцию. *Православного*.
9. Валашская легенда. Стихотворение *Максима Горького*.
10. Негостеприимное село. Рассказ *Ивана Вазова*. Перевод с болгарского. *И.К. Славянский век: Всеславянский орган*. Б/и. Вена. 1902. Вып.42. С. 481-512.

Содержание

1. Портрет В.А. Жуковского.
2. Багдадский удав и славянство. *Д-ра Дамова*.
3. Гоголевский юбилей и славянская взаимность в Чехии. — Jubileum Gogola a Slovanska vzajemnost v Sechach. *Glossator'-s*.
4. Славянские аванпосты. Польский отпор немецкому натиску. *И.С.*
5. 5-ая славянская среда в Москве. Начало русского бойкота.
6. Славянские вести.
7. Библиография. а) Славяноведение. *А.Ю. Купалова*. б) Литературно-Научный Сборник Галицко-русской Матицы. *С.С. Булика*.
8. Стихотворения *В.А. Жуковского*. а) Русская Слава. б) К русскому великану.

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1902. Вып.42. С.513-544.

Содержание

1. Портрет и биография Глеба Успенского.
2. Юбилейная всеславянская художественно-промышленная выставка в С.-Петербурге. *Д.В.*
3. Панславизм, пангерманизм и панроманизм в XX столетии. X. Племенной федерализм. Очерки *И.В. Каменского*. (Окончание).
4. Les slavophiles francais. — Par Valentin Gorlof. — Французские славянофилы. *Валентина Горлова*.
5. Из Руси Подневольной. (Указ министерства о правах русского языка во Львовском университете. — Борьба русских партий.) Корреспонденция *Иссова*.
6. Славянские вести.
7. Что нового в славистике? *Г.А. Ильинского*.
8. Библиография. Русский биографический словарь. *А.Ю. Купалова*.
9. Два стихотворения. *А. Ашкерца*. Со словенского перевел акад. *Е.Ф. Корш*.
10. Из "Власти земли" *Глеба И.Успенского*. (С ударениями).

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1902. Вып.44. С. 545-576.

Содержание

1. Портрет А.С. Аксакова.
2. Юбилейный год.
3. Босния-Герцеговина и Македония. *Божидара Никашиновича*.
4. Славянские аванпосты: Vprasanje o celjski gimnaziji. *Janka Sernca*. Вопрос о сельской гимназии. *Янка Сернца*.
5. Славяне в Америке. *И. Свищицкого*.
6. Из славянской сравнительной психологии. *Л. Лесковца*.
7. Празднование 25-летия славянской освободительной войны в Петербурге.
8. Годичное общее собрание Славянского Общества в Москве.
9. Славянские вести.

10. Что нового в славистике? *Г. Ильинского*.
11. Библиография.
12. Племя Саввы. Стихотворение *К.С. Аксакова*.

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1902. Вып.45. С.577-608.

Содержание

1. Портрет Н.П. Игнатъева.
2. *Б.Н. Чичерин* о славянском вопросе.
3. Национализм в России. *Валентина Горлова*.
4. К славянской сравнительной психологии. *Л. Лесковца*.
5. Всеславянское значение поэмы "Руслан и Людмила" Пушкина. *М.Т.*
6. Славянские вести.
7. Что нового в славистике? *Г.А. Ильинского*.
8. Библиография.
9. Письма в редакцию. Червонно-русский ответ русским студентам. *Антон И. Дошны*.
10. Россия. (К юбилею освободительной войны.) стихотворение *А.А. Навроцкого*.

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1902. Вып.46. С. 609-640.

Содержание

1. Иван Францевич Грибар. Портрет.
2. IV-й съезд славянских журналистов из Австро-Венгрии в Любляне.
3. Quelques mots personnels. Par Andre Cheradame. — Несколько личных слов. *Андрея Шерадама*.
4. Славянская идея в Болгарии. *Стефана Цанкова*.
5. Празднование 25-летия освободительной войны в Одессе.
6. Славянские вести.
7. Что нового в славистике? *Г.А. Ильинского*.
8. Библиография.
9. В бане. Рассказ *А.П. Чехова*. (С ударениями).

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1902. Вып.47. С.641-672.

Содержание

1. Александр Николаевич Пыпин. Портрет.
2. Русская школа и французы. *Валентина Горлова*.
3. Центральный Славянский комитет. *И.В. Каменского*.
4. На всероссийской кустарной выставке. *А. Погрузова*.
5. Словенский университет в Любляне. *Янка Сернеца*. — Slovenska universa v Ljubljani. *Janika Sernca*.
6. Новое о Боснии и Герцеговине.
7. Славянские вести.
8. Югославские вести. *С.А. Радича*.
9. Что нового в славистике? *Г.А. Ильинского*
10. Письмо в редакцию. а) *Всеволода Чешихина*. б) *И.И.Ц.*
11. Из рапсодий болгарского гусяра. *А. Ашкерца*. Перевод *А. Сиротинина*.
12. Заблудшие. Рассказ *А.П. Чехова*. (С ударениями).

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1902. Вып.48. С. 673-708.

Содержание

1. От редактора.
2. Провозглашение германского мирового владычества. *Д. В-на*.

3. Reponse a Mr. Cheradame. *Par Charles Loiseau*. — Ответ А. Шерадаму. *К. Луазо*.
 4. Конституция Боснии и Герцеговины. *Божидара Никашиновича*.
 5. Накануне войны за освобождение славян. *Проф. А.И. Маркевича*.
 6. Русский язык и русская литература в Болгарии. *И.С. Бобчева*.
 7. Тип немецкого колониста в России. *А. К-ва*.
 8. Славянские вести.
 9. Дед Иоцо смотрит... Рассказ *И. Вазова*. (с болгарского)
- Приложение: Указатель статей в номерах 1-48.

Третий год издания

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1902. Вып.49. С. 1-32.

Содержание

1. Петр Прерадович.
2. Вильгельм II и славянство. *Д.Н. Вергуна*.
3. Всеславянская художественно-промышленная выставка.
4. Из червонной Руси. *С.А. Лабенского*.
5. Славянские вести.
6. Что нового в славистике. *Г.А. Ильинского*.
7. Письма в редакцию: *Andre Cheradame* и *Charles Loiseau*.
8. а) Zora ruša: Заря брезжит. *Петра Прерадовича*. б) Песня доленца. Стих. *Власия Поточника*. Перевод с словенского *Н. Новича*.

Приложение: Полвека спустя. Роман-фантазия. *И.В. Каменского*.

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1902. Вып.50. С.33-64.

Содержание

1. Франц Прешерин.
 2. 800-летие конца Хорватии. *Д.Н. Вергуна*.
 3. Otzasnijmy sie od starych hasel! Przez *Romualda Przewalskiego*. Долой отжившие девизы! *Р.Г. Пржевальского*.
 4. Памяти М.М. Антокольского. *А.Ю. Купалова*.
 5. Славянские вести.
 6. Что нового в славистике. *Г.А. Ильинского*.
 7. Библиография.
 8. Как обманывают русских? Письмо в редакцию *Валентина Горлова*.
 9. На вершине св. Николая. Рассказ *И. Вазова*. С болгарского перевел *Г.А.И.*
- Приложение: Полвека спустя. Роман-фантазия. *И.В. Каменского*.

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1902. Вып.51. С. 65-96.

Содержание

1. Светозар Милетич.
 2. Нерусские славяне на перепутье истории. *С.А. Радича*.
 3. Otzasnijmy sie od starych hasel! Przez *Romualda Przewalskiego*. Долой отжившие девизы! *Р.Г. Пржевальского*.
 4. Славянские вести.
 5. Что нового в славистике. *Г.А. Ильинского*.
 6. Библиография.
 7. Где быть Мефодиевской часовне? Письмо в редакцию *И. Шпалькова*.
 8. Пробуждение Иллирия. Стихотворение *Вал. Водника*. Перевел со словенского *Н.Нович*.
- Приложение: Полвека спустя. Роман-фантазия. *И.В. Каменского*.

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1902. Вып.52. С. 97-128.**Содержание**

1. Памятник Валентина Водника.
 2. Чему нас учит Шипка? *Д.Н. Вергуна.*
 3. Письмо из России. *Ген. А.А. Куреев.*
 4. *Otzasnijmy sie od starych hasel! Przez Romualda Przewalskiego.* Долой отжившие девизы!
Р.Г. Пржевальского.
 5. Современные славянофильства. *Р.Ю. Алексеевича.*
 6. Обновление жизни в Червоннороссии. *С. Лабенского.*
 7. Славянские вести.
 8. Что нового в славистике. *Г.А. Ильинского.*
 9. Библиография.
 10. Маленький герой. Рассказ *Maximus'-а.*
- Приложение: Полвека спустя. VI. Роман-фантазия. *И.В. Каменского.*

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1902. Вып.53. С. 129-160.**Содержание**

1. Шипкинский памятник.
2. Шипкинские торжества. *И.С. Бобчева.*
3. *Otzasnijmy sie od starych hasel! Przez Romualda Przewalskiego.* Долой отжившие девизы!
Р.Г. Пржевальского.
4. Школьные отношения в Терсте. *Терезины Иенко.*
5. Всеславянская азбука. *Барона Ф.М. Таубе.*
6. Кириллица, как всеславянское письмо. *И. Свободы.*
7. Славянские вести.
8. Что нового в славистике. *Г.А. Ильинского.*
9. Библиография.
10. Первая мученица. Стихотворение *А. Ашкерца.* Перевод *Н. Новича.*

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1902. Вып.54. С. 161-192.**Содержание**

1. И.С. Тургенев.
2. Всеславянское самосознание. Барона *Ф.М. Таубе.*
3. *Otzasnijmy sie od starych hasel! Przez Romualda Przewalskiego.* Долой отжившие девизы!
Р.Г. Пржевальского.
4. Отзывы болгарской печати о Шипкинских торжествах. *И.С. Бобчева.*
5. Речь А.И. Череп-Спиридоновича в Софии.
6. Славянские вести.
7. Слово *С.Я. Надсона.* Чешский перевод *М. Ежковой.*

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1902. Вып.55. С. 193-224.**Содержание**

1. Лев Николаевич Толстой.
2. Вестники всеславянства. *Д.Н. Вергуна.*
3. Из Червоннороссии. *И. Свинцова.*
4. Славянские вести (К всеславянской выставке — Славянские общества — Русские кружки — Славянские народы — Литература).
5. Что нового в славистике. *Г.А. Ильинского.*
6. Книговедение. *Барона Ф.М. Таубе, Вал. Горлова, С.А. Лабенского.*
7. Балканские думы. *Владимира Гиляровского.*

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1902. Вып.56. С. 225-256.**Содержание**

1. Покровитель Всеславянской Выставки Великий князь Александр Михайлович.
2. Вестники всеславянства. *Д.Н. Вергуна.*
3. Письмо *А.А. Киреева.*
4. К чему должна стремиться Сербия? *И.В. Каменского.*
5. Чешско- и австро-русские сношения в прошлом. *К.М.*
6. Политика или гешефтмахерство? *А. Павлида.*
7. Русское искусство перед судом немецкой критики. *В. В-н.*
8. Славянские вести (Славянские общества — Русские кружки — Славянские народы — Литература).
9. Что нового в славистике. *Г.А. Ильинского.*
10. Призраки ночи *Евгении Левшиной.*

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1902. Вып.57. С. 257-288.**Содержание**

1. Председатель Всеславянской Выставки В.И. Ковалевский.
2. Столетняя годовщина Венелина. *И.С. Бобчева.*
3. Сербо-хорватская распря. *Р. N-ча.*
4. Славяне и мадьяры. *О.О. Шкультетого.*
5. Русский язык в Америке.
6. К вопросу об общеславянском календаре. *А. Павлида.*
7. Славянские вести (Славянские общества — Русские кружки — Славянские народы).
8. Что нового в славистике. *Г.А. Ильинского.*
9. Книговедение. *А.Ю. Купалова.*
10. Гейславяне. Рассказ *Д.Н. Вергуна.*

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1902. Вып.58. С. 289-320.**Содержание**

1. Товарищ председателя Всеславянской Выставки А.А. Васильев.
2. Сербо-хорватская распря. *Д-ра N-ча.*
3. Славянство на международной выставке костюмов в С.-Петербурге *Н. Максимова.*
4. Накануне. *Д.Н. Вергуна.*
5. Что делается в Подъяремной Руси. *С.А. Лабенского.*
6. Что нового в славистике. *Г.А. Ильинского.*
7. Славянские вести (Славянские общества — Русские кружки — Славянские народы).
8. а) Ruski jezik. — Русский язык. Стихотворение *А.А. Ашкерца.* С словенского перевел *Д.Н. Вергун.* б) Баллада *М. Г-ого.*

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1903. Вып.59. С. 321-352.**Содержание**

1. *Иосиф Войтехович Голечек.* (По поводу предстоящего съезда славянских журналистов в Пилзне).
2. Тезисы панславизма. *И.В. К-ского.*
3. Galicyjscy Polacy i Slowianszczyzna. Przez D-ra O... — Галицкие поляки и Славянство. *Д-ра O....*
4. Макс Нордау о России.
5. Славянские вести. (Славянские общества — Русские кружки — Славянские народы).

6. Книговедение. А) П.Головачев. Сибирь. *А.Ю. Купалова*. Б) Проф. И. П. Филевич. Вопрос о двух русских народностях и " Киевская Старина". *С. Л-ского*.
7. Из Далматии. (*Д-рь Н-чь*).
8. Литературная деятельность И.В. Голечка. *Д-ра К*.
9. Освободим! Рассказ *И.В. Голечка*. Перевод с чешского *А. В-ского*.

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1903. Вып.60. С. 353-384.

Содержание

От редакции!

1. Людевит Михайлович Енко.
2. Балканский вопрос и его решение. *Панслависта*.
3. Славянофильство на деле и дело для славянофильства. (К македонским делам) *И.С.Бобчева*.
4. Политическая стратегия. *Вал. Горлова*.
5. Униатская община в Рицманье. *Ф.М. Подгорника*.
6. Что делается у словаков. *В. Г-на*.
7. Из македонии. Письмо из Скопье. *Комиты*.
8. О nutnosti ruske skoly v Praze. *Poslance Jos. Sokola*. — О потребности русской школы в Праге. Письмо к редактору. *Депутата И. Сокола*.
9. Славянские вести. (Славянские общества — Русские кружки — Славянские народы).
10. Книговедение.
11. Из словенских поэтов. Перевод *Н. Новича*.

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1903. Вып.61. С. 385-416.

Содержание

1. Петко Стоичевич Каравелов.
2. Успехи и потери немцев в Чехии. *С. К-на*.
3. Народности в Венгрии. *В.А. Я-ва*.
4. Письмо в редакцию. *Ген. А.А. Киреева*.
5. Из подъяремной Руси. *И. Свинцова*.
6. К соединению хорватской оппозиции. *С.А. Радича*.
7. Успехи словенцев. *Я.С.*
8. Славянские вести. (Славянские народы).
9. Книговедение. П. Корнилов. Задачи русского просвещения. *Барона Ф.М. Таубе*.
10. Юбилей Ярослава Верхлицкаго. *Д-ра К*.
11. Дрема Славы. (Зимняя фантазия). *Святополка Чеха*. Перевод с чешского *В.В. Уманова-Каплуковско*.

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1903. Вып.62. С. 417-448.

Содержание

1. Владислав Ригер.
2. Славянский разброд. *Д.Н. Вергуна*.
3. Славянофильство и славянофильский оптимизм. Барона *М.Ф. Таубе*.
4. Письмо из русской провинции (из Харькова). *П-ого*.
5. Что нового в славистике. *Г.А. Ильинского*.
6. Славянские вести. (Славянские общества — Русские кружки — Славянские народы).
7. Привет словенцам. Стихотворение *Н.М. Соколова*.

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1903. Вып.63. С. 449-480.

Содержание

1. Григорий Степанович Щербина.
2. Еще и еще македонский вопрос. *И.С. Бобчев.*
3. Polska i Rossya. *Przez posła K. Stanisława Stojalowskiego.* — Польша и Русь. *Денютата Кс. Станислава Стояловского.*
4. Новый подвиг "гофслависта". *М. Павлович.*
5. Славянские вести. (Славянские общества — Русские кружки — Славянские народы).
6. Новые французские книги о славянах. *В Горлова.*
7. V. Solovieff: La Russie et l'Eglise universelle. *Барона Ф.М. Таубе.*
8. Послание к другу. *Ю. Юдифин.*

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1903. Вып.64. С. 481-512.

Содержание

1. Павел Михайлович Мудронь.
2. Съезд русских славяноведов в С.-Петербурге. *Ю.А. Яворского.*
3. Славяне и Финляндия. *Л.М. Лесковца.*
4. Из Червоннороссии. *И. Свинцова.*
5. Плевнинское торжество. *И.С. Бобчева.*
6. Словенцы в Хорутани. *Хорутанца.*
7. Славянские вести. (Всеславянская выставка — Славянские общества — Славянские народы).
8. Книговедение. V. Solovieff: La Russie et l'Eglise universelle. Окончание. *Барона Ф. М. Таубе.*
9. Будда. Стихотворение *К. Р. Словенский* перевод *Р. Петерлина.*

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1903. Вып.65. С. 513-544.

Содержание.

1. Яромир Карлович Грубый. Председатель "Русского Кружка" в Праге.
2. Пан-идеи. *Д.Н. Вергуна.*
3. Современная русская политика и славянство. *Вал. Горлова.*
4. Славяно-немецкая борьба в Австрии. *Ф.М. Подгорника.*
5. Македонский вопрос и славянская печать. *С.С. Бобчева.*
6. Славянские вести (Всеславянская выставка — Славянские общества — Славянские народы).
7. Перевод *А.Сиротинина.* А) Из Арнаудова. С болгарского. Б) В Галиции. *И.С. Махара.* С чешского.
8. Газетный лист. Сказка *С.Г. Петрова-Скитальца.* (С ударениями).

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1903. Вып.66. С. 545-576.

Содержание

1. В.И. Ламанский. (К 70-той годовщине рождения патриарха славяноведения).
2. К перевороту в Сербии. *Ген. А.Ф.Р.*
3. Борьба в Хорватии. *Д-ра М. Мариановича.* — *Vorba u Hrvatskoj. D-ra M.Marijanovica.*
4. На помощь Македонцам. Письмо *Русского Профессора.*
5. 5-й съезд славянских журналистов в Пилзне. С портретом И. Чиперы.
6. К закладке памятника Иоанну Гуссу в Праге. *А.П. Соловьевича.*
7. Хорваты и Сербы. *Р.П.*
8. Славянские вести (Всеславянская выставка — Славянские общества — Славянские народы).
9. Книговедение. Руководство к изучению русского литературного языка. *В. В-н.*

10. а) Вечер ранней весной. набросок *Ромуальда Пржевальского*. б) Борцам. Стихотворение *Р.*

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1903. Вып.67. С. 577-608.

Содержание

1. Д-р. Ф.И. Веселый. Председатель "Русского Кружка" в Берне Моравском.
2. Не все разумно, что "благоразумно". *Р. Пржевальского*.
3. Религиозный протекторат России на Ближнем Востоке. *Вещего Олега*.
4. Пан-измы. (Пан-идеи) II. *Д.Н. Вергуна*.
5. Страничка из культурно-экономической жизни Червоннороссии. *И. Свицова*.
6. Политика Австро-Венгрии на Балканах. *Депутата В.И. Клофача*.
7. Славянские вести (Славянские общества — Славянские рабочие в Берлине. *Н.Сахарова*).
8. Книговедение. Французские книги о славянах. *Валентина Горлова*.
9. Бывальщина. *Гусляра*.

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1903. Вып.68. С. 609-640.

Содержание.

1. Иосиф Яковлевич Добровский. Отец славяноведения.
2. Призыв. *Алова*.
3. Политика Австро-Венгрии на Балканах. *Депутата В.И. Клофача*.
4. Памяти Иосифа Добровского. *Г.А. Ильинского*.
5. Новейшая болгарская литература. *Георга Адама*.
6. Славянские вести (Славянские общества — Русские кружки).
7. Книговедение. *Барона М.Ф. Таубе*.
8. Сонеты. *Н. М-ва*.
9. К словакам. Стихотворение *Ю. Юдифина*.

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1903. Вып.69. С. 641-672.

Содержание

1. Артур Иванович Череп-Спиридович. Председатель Славянского Вспомогательного Общества в Москве.
2. Кто виновен в Македонской резне? *Русского Скифа*.
3. Политика Австро-Венгрии на Балканах. *Депутата В.И. Клофача*.
4. Восточное и западное славянофильство. *Барона М. Таубе*.
5. Пан-измы. (Пан-идеи) III. *Д.Н. Вергуна*.
6. На помощь Македонцам: а) письмо к издателю. *К.А. Борисова-Корженевского*. б) воззвание Славянского Благотворительного Общества в Болгарии.
7. Славянские вести (Славянские общества — Русские кружки — Славянские народы).
8. Книговедение. *Проф. Романа Брандта*.

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1903. Вып.70. С.673-704.

Содержание

1. Федор Иванович Тютчев. (К сотой годовщине рождения.)
2. Германская политическая стратегия. *Дм. Вергуна*.
3. Бодуэнь де Куртенэ и славянство. *А.И. Сиротинина*.
4. Будущее Балканского полуострова и Австро-Венгрии. *И.В. Каменского*.
5. Л.Н. Толстой о России и Европе.
6. Славянские вести (Славянские общества — Русские кружки).
7. Книговедение.
- а) Slovansky Prehled. *А. Павлида*.

- б) Е. Швидченко. Святочная христоматия. *М. Б-вой*.
8. Из стихотворений *Ф.И. Тютчева*.

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1903. Вып.71. С. 705-736.

Содержание

1. Иван Михайлович Вазов. Первый председатель Славянского Общества в Болгарии.
2. Болгария, Сербия и Македония. *Р.Г. Пржевальского*.
3. Религиозное испытание Македонцев. *С.А. Цанкова*.
4. Slavenska Dalmacija u rangermanskoj besici. *Dalmatinca*. — Славянская Далмация в пангерманской колыбели. *Далматинца*.
5. Австрийские славяне и внешняя политика Австро-Венгрии в 70-ых годах. *Лавр.Лесковца*.
6. Славянские вести (Славянские общества — Русские кружки — Из славянской жизни).
7. Книговедение.
8. Биография И.М. Вазова. *И.С. Бобчева*.
9. Урок. Рассказ *И. Вазова*. Перевод *А. Н. Сиротинина*.

Славянский век: Всеславянский оргаа Б/и. Вена. 1903. Вып.72. С. 737-768.

Содержание

1. Степан Саввич Бобчев. Председатель Славянского Общества в Болгарии.
2. Славянское обозрение в 1903 году. *Д. В-на*.
3. Пан-измы. (Пан-идеи) IV часть. (Окончание). *Дм. Вергуна*.
4. Юбилей о.Луки Матвеевича Цыбыка (с портретом).
5. Славянские вести (Славянские общества — Русские кружки — Из славянской жизни).
6. Жизнь и деятельность С.С. Бобчева. *И.Б.*
7. Стихотворение. *И. Арнаудова*.
8. Оглавление статей за 3-й год издания.
9. Статистические данные о "Славянском Веке".

Четвертый год издания

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1904. Вып.73. С. 1-32.

Содержание

1. Антон Семенович Будилович, председатель Галицко-русского Благотворительного общества в С.-Петербурге. (С портретом).
2. Поморское и полабское славянство. *А.Н. Сиротинина*.
3. Культурные задачи в России. (1. земское дело.) *Д-ра М.В. Безобразовой*.
4. Seshove a Rusove. MUDra. *F. Veseleho*. Чехи и русские. *Д-ра Ф.О. Веселого*.
5. Рефлексии югославянина в момент разброда мыслей. (Из Загреба). *Э.П.*
6. Славянские вести (Славянские Общества — Русские Кружки — Славянские народы — Из славянской жизни).
7. Книговедение. *Г.И.*
8. Силы русской земли. Семь сонетов. *А.Н. Маныкина-Невструева*.

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1904. Вып.74. С.33-64.

Содержание

1. Алексей Степанович Хомяков. (К предстоящему столетию рождения.)
2. Россия и славяне.
3. Polska i Rosya. II. Przez posla X. Stanislawo Stojalowskiego. — Польша и Россия. *Депутата Кс. Станислава Стояловского*.
4. Всенемецкий союз и его деятельность. *В.И.Я.*
5. Рефлексии югославянина в момент разброда мыслей. (Из Загреба.) *Э.П.*

6. Из Подьяремной Руси. (Итоги национальной жизни в 1903 г.) *И. Свинцова*.
7. Русский бюрократизм. (Письмо в редакцию). *Л. Лесковца*.
8. Славянские вести (Славянские Общества — Русские Кружки — Славянские народы — Из славянской жизни).
9. Книговедение.
10. Стихотворения *А. С. Хомякова*.

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1904. Вып.75. С. 65-96.

Содержание

1. Раша Милошевич, Председатель "Русского Клуба" в Белграде. (С портретом).
2. Славянство и война. *Д.Н. Вергуна*.
3. К предстоящему съезду славистов в С.-Петербурге. *Славянорусса*.
4. Культурные задачи в России. (II Женское дело). *Д-ра М.В. Безобразовой*.
5. Всенемецкий союз и его деятельность. *В.И. Я-ва*.
6. Эпилог Куэновского деспотизма. *Юго-Славянина*. (С портретом Д-ра Ф.О.Поточняка).
7. Славянские вести (Славянские Общества — Русские Кружки — Славянские народы — Из славянской жизни).
8. Книговедение. Новые французские книги о славянах. *В. Горлова*.
9. Из болгарских поэтов. Переводы *Ивана Арнаудова*.

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1904. Вып.76. С. 97-128.

Содержание

1. Проф. Т.Д. Флоринский. Председатель Киевского Славянского Благотворительного Общества. (С портретом).
2. Россия и Европа.
3. С кем Россия ведет ныне войну? *М. Лобановской*.
4. Ближайшая задача современного славянофильства. *Г.А. Ильинского*.
5. Культурные задачи в России. (III. Техническое и профессиональное образование). *Д-ра М.В. Безобразовой*.
6. Всенемецкий союз и его деятельность. (II. Плоды всенемецкой агитации в Германии.) *В. И. Я-ва*.
7. Всеславянское чествование А.С. Хомякова в Вене.
8. Славянские вести (Славянские Общества — Русские Кружки — Славянские народы — Из славянской жизни).
9. Яблоня. Рассказ *Святополка Чеха*. Перевод с чешского *Веры Н. Вергун*.

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1904. Вып.77. С. 129-160.

Содержание

1. Павел Александрович Зеленый, Председатель Славянского Благотворительного Общества имени свв. Кирилла и Мефодия в Одессе. (С портретом).
2. Славянская рознь и славянская связь. *Барона М.Ф. Таубе*.
3. Польша и Россия. *Л.М. Лесковца*.
4. "Японствующие" хорваты. (Письмо из Загреба) *Э.А. Поточняка*.
5. Всенемецкий союз и его деятельность (II. Плоды всенемецкой агитации в Германии.) *В.И. Я-ва*.
6. Кельто-славянская Лига.
7. Славянские вести (Славянские Общества — Русские Кружки).
8. Черногорский князь Николай в его поэтических произведениях. (С портретом). *А. А-ва*.
9. а) Матушка-Русь. Стихотв. *Ю. Ленина*. б) Звон времен. Стихотв. *Ю. Юдифина*.

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1904. Вып.78. С. 161-192.**Содержание**

1. Ромуальд Григорьевич Пржевалский. Некролог.
2. Германские признания. *Д.Н. Вергуна*.
3. Культурные задачи в России. IV. Рабочее законодательство. *Д-ра М.В. Безобразовой*.
4. Всенемецкий союз и его деятельность. (Продолжение.)
5. Славяне в Америке. *В. В-н.*
6. Рицманский мартиролог.
7. Из Подъяремной Руси. *В.Щ.*
8. Славянские вести (Славянские Общества — Русские Кружки — Из славянской жизни).
9. Памяти С.А. Леонтьевой-Левицкой. *Л.С. Курчинского*.
10. Стихотворение *Ивана Умова*.

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1904. Вып.79. С. 193-224.**Содержание**

1. Светозар Осипович Гурбан-Ваянский. (К 30-летию литературной деятельности). С портретом.
2. Славянский мартиролог. *Д.Н. Вергуна*.
3. Культурные задачи в России. V. Нравственный дух в войсках. *Д-ра М.Н.Безобразовой*.
4. Русский бюрократизм. *Л.М. Лесковца*.
5. Хорваты и пережитки Куэновского насилия. *Юго-славянина*.
6. Сербо-болгарское братание. *К.Д. Бербенко*.
7. Всенемцкий союз и его деятельность. *В.И.Я.*
8. Славянские вести (Славянские Общества — Русские Кружки — Из славянской жизни).
9. Памяти славянского гения. Некролог В.В. Верещагина. С портретом. *Бар. М.Ф. Таубе*.
10. Книговедение. *В-ы В-н.*
11. Из стихотворений *С.О. Гурбана- Ваянского*. а) Гордость Карпат. Пер. *Н.Аксакова*. б) Словенские дети. Пер. *О. Чюминой*. в) Сампсон. Пр. *А. Зарина*.
12. С.О. Гурбану-Ваянскому. Стихотворение. *Д.Н. Вергуна*.

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1904. Вып.80. С. 225-256.**Содержание**

1. Князь Дмитрий Петрович Голицын, Председатель "Русского собрания" в С.-Петербурге. К 25-летию литературной деятельности. (С портретом).
2. Новейшая английская книга о России. (*Г. Дрэджда*).
3. Годичное собрание Московского Славянского Вспомогательного Общества.
4. Всенемецкий Союз и его деятельность. *В.И.Я.*
5. Славянские вести (Славянские Общества — Русские Кружки — Из славянской жизни).
6. Книговедение.
7. Человек. Поэма *Максима Горького*.

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1904. Вып.81. С. 257-288.**Содержание.**

1. Эрнест Юрьевич Мука, виднейший деятель лужицких сербов. К 25-летию ученой деятельности. (С портретом.)
2. Константинополь, как аванпост всеславянский. *В.И.Я.*
3. Важность настоящей минуты для австрийских славян. *Словенца*.
4. По поводу съезда славянского студенчества в Праге. *И. Святицкий*.
5. О русско-польском примирении. *Е.И. де-Витте*.

6. Сербо-болгарские братания. *К.Д. Бербенко*.
7. Еще о русском бюрократизме. (Письмо в редакцию). *Л.М. Лесковца*. С ответом редактора.
8. Молох всемирного капитализма.
9. Славянские вести (Славянские Общества — Русские Кружки — Из славянской жизни).
10. Книговедение.
11. Стихотворения *А.А. Ашкерца, Грегорчича, И.М. Вазова*, в переводе *Н. Нивича* и *А.Н. Сиротинина*. Из дневника, А. Круглова.

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1904. Вып.82. С. 289-320.

Содержание

1. Иован Змай-Иованович. Сербский поэт. (Портрет.)
2. Панславизм или великославянская идея? С примечанием редактора.
3. Английский и германский империализм.
4. Русские культурные задачи. (VI. Артели.) *Д-ра М.В. Безобразовой*.
5. Из подъяремной Руси. *В.О. Щавинского*.
6. Американские славяне.
7. Славянские вести (Славянские Общества — Русские Кружки — Из славянской жизни).
8. Змай Иован Иованович. (Очерк.) *А.Н. Сиротинина*.
9. Стихотворения *И. Змая Иовановича*.

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1904. Вып.83. С. 321-352.

Содержание

1. Антон Антонович Тресич - Павичич. (с портретом).
2. Что нужно русской школе? *Валентина Горлова*.
3. Культурно-национальная жизнь Галицкой Руси. *В.О. Щавинского*.
4. Первые всеславянские газеты в Австрии. *Л.М. Лесковца*.
5. Славянские вести (Славянские Общества — Из славянской жизни).
6. Стихотворения: а) Без святыни, *Н.К. Мельникова*, б) Из *Кирилла Христова*: "Славянское солнце", перевод с болгарского *Ивана Арнаудова*.

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1904. Вып.84. С. 353-384.

Содержание

1. Д-р В.В. Шаманек, основатель русских кружков в Северной Чехии (с портретом.)
2. Новости в школьном деле у славян в Австро-Венгрии.
3. Культурные задачи в России: VII. Дети; VIII. Положение сельской работницы. *Д-ра М. Безобразовой*.
4. Славяне и русско-японская война. *В.И.Я.*
5. Движение "прочь от Рима" и религиозные протестантские союзы, содействующие этому движению в Австрии. *В.И.Я.*
6. Забытый русский патриот и его деятельность (с портретом.). *Л. Курчинского*.
7. Славянские вести (Из славянской жизни).
8. Книговедение.
9. Стихотворение "Словацкий богатырь" (из *Франа Мазуранича*, с хорватского), перевел *А. Коринфский*.

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1904. Вып.85. С. 385-416.

Содержание

1. Елизавета Ивановна Де-Витте, известная русская общественная деятельница (с портретом.).

2. Неизбежность русско-британского столкновения. (Ближайший фазис русско-японской войны.) *Русский Скиф*.
3. Русско-польские отношения. *Вл. Щавинский*.
4. Куцовлахи.
5. Албанская проблема.
6. Славянские вести (Из славянской жизни).
7. Русские кружки.
8. Немецкая опасность. *В.И.Я.*
9. Стихотворение "Возрождение падшего" (с болгарского, из *Стояна Карагеозова*), перевел *С. Бердяев*.

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1904. Вып.86. С. 417-448.

Содержание

1. Фран Мартынович Подгорник. (Некролог с портретом.)
2. Как можно было спасти Македонию. *Валентина Горлова*.
3. Что делается теперь в Македонии? *К.Д. Бербенко*.
4. Белградские торжества. *Славяносерба*.
5. Праздник лужицких сербов.
6. Из Галицкой Руси.
7. Славянские вести (Славянские Общества — Русские Кружки — Из славянской жизни).
8. Книговедение.
9. Всеславянское вече: а) О славянской печатне в Вене; б) Славянском Телеграфном Агентстве.
10. Сон на Славянке. (Баллада о Петре Великом.) *Гусляра*.

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1904. Вып.87. С. 449-480.

Содержание

1. Антон Николаевич Фабрис. (Некролог.)
2. Немецкий историк о русском и германском империализме.
3. Открытие отделения Кельто-Славянской Лиги в Париже.
4. О необходимости учреждения Словенского национального Музея в Любляне.
5. О внутренней македонской организации. *К.Д. Бербенко*.
6. Депутат Клофач о своих впечатлениях с войны.
7. Культурные задачи в России. XI. Народные школы в Петербурге. *Д-ра М.В. Безобразовой*.
8. Славянские вести (Славянские Общества — Русские Кружки — Из славянской жизни).
9. Всеславянское вече: а) О Всеславянском Съезде.
10. Стихотворения: а) Памяти Макарова и Верещагина, *Н.К. Мельникова*.
б) Песни скитальца, *Ив. Арнаудова*.

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1904. Вып.88. С. 481-512.

Содержание

1. Терезина Михайловна Енко. Славянская деятельница на юге. (С портретом).
2. По "сторожевым" славянам. *Д.Н. Вергуна*.
3. Славянское движение в Америке.
4. Из Подьяремной Руси.
5. Поляки и война.
6. Материальная сторона немецко-чешской национальной борьбы. *В.И.Я.*
7. Культурные задачи в России. XII. Частный почин. *Д-ра М.В. Безобразовой*.
8. Славянские вести (Славянские Общества — Русские Кружки — Русские собрания — Из славянской жизни).

9. Книговедение.

10. Славяне и Европа. Стихотворения *А.П. Мельникова*.

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1904. Вып.89. С. 513-528.

Содержание

1. По "сторожевым" славянам. *Д.Н. Вергуна*.
2. Очерк экономического и финансового положения южных славян. *Ивана Драгутиновича*.
3. Отголоски на злобы времени. *Е.И. де-Витте*.
4. Славянские вести (Славянские Общества — Русские Кружки).
5. Книговедение.
6. Всеславянское Вече. (О Всеславянском органе). *Д.В.*
7. Приложение. а) Карта немецких захватов. б) 1-й лист брошюры *Д.Н. Вергуна* "Немецкие захваты и притязания на Славянской земле и Ближнем Востоке".

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1904. Вып.90.С. 529-544.

Содержание

1. По "сторожевым" славянам. *Д.Н. Вергуна*.
2. Славянство или Япония? *И.В. Каменского*.
3. Всеславянский женский институт и др. *Е.И. де-Витте*.
4. Славянские вести (Славянские Общества — Русские Кружки).
5. Всеславянское Вече. (V. Еще о Всеславянском органе). *Д.В.*
6. А.Н. Куропаткину. Стихотворение *Н.М. Соколова*.
7. Приложение. II-й лист брошюры *Д.Н. Вергуна*: "Немецкие захваты и притязания на Славянской земле и Ближнем Востоке".

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1904. Вып.91. С. 545-560.

Содержание

1. Степан Амвросьевич Радич, хорватский писатель. (С портретом).
2. Владимиру Ивановичу Ламанскому. (К 50-летию творчества). Стих. *Д.Н. Вергуна*.
3. За что Россия воюет с Японией. *Д.П. Ковригина*.
4. Письмо из Мукдена. *Русского Скифа*.
5. Славянские вести (Славянские Общества — Русские Кружки — Книговедение).
6. Всеславянское Вече. I. Письмо *угрорусса*. II. Славянская травля. *А.И. Черен-Спиридоновича* с примеч. Редактора.

Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1904. Вып.92. С. 561-576.

Содержание

1. От редактора-издателя.
2. Славянство в 1904 г. *Д.Н. Вергуна*.
3. Славянские вести.
4. Оглавление статей за 1904 г.
5. Материалы для журнальной статистики.
6. Приложение. III-й и IV-й лист брошюры *Д.Н. Вергуна*: "Немецкие захваты и притязания на Славянской земле и Ближнем Востоке".